

Январь, 1994 г.

СТМ

Студенческий меридиан

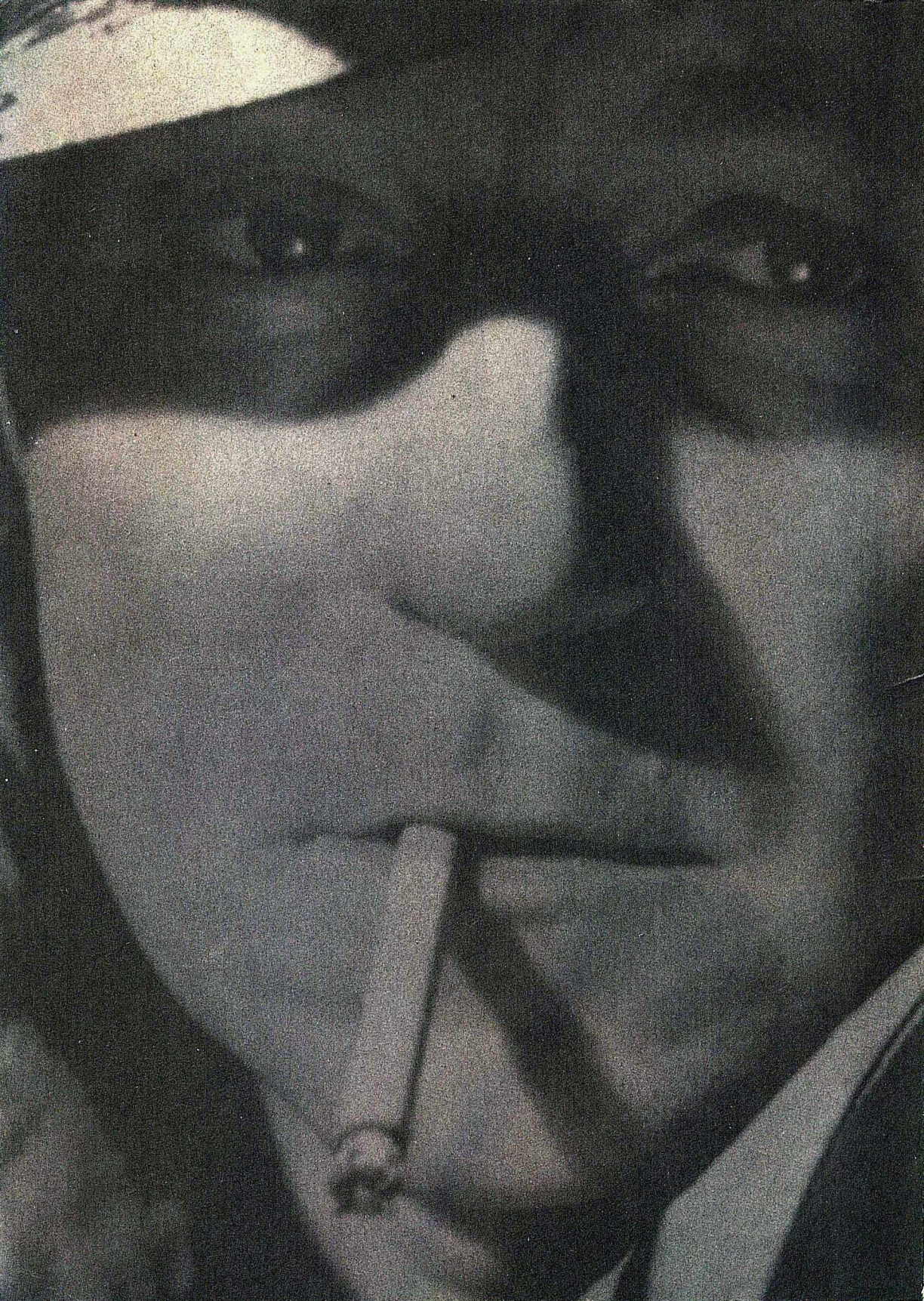

ISSN 0321-3803

9 770321 380006 >

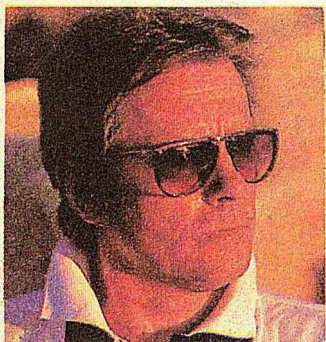

Жан Габен

Патрик Брюэль

Ален Делон

Жерар Филип

Джеймс Дин

Джон Ф.Кеннеди

Ив Монтан

Кларк Гейбл

Жан-Поль Бельмондо

Морис Шевалье

Скотт Фицджеральд

Обольститель века

Следовало бы подождать до начала третьего тысячелетия, чтобы выпустить книгу о мужском обольщении, таком, каким его представляют женщины. «Они все об этом мечтают» называется произведение Ксавье Периссе, основанное на результатах опроса ты-

сячи франжуенок в возрасте от 15 до 75 лет, который и определил, по просьбе фирм BVA и «Parfums Loris Azzaro», обольстителя века. Между сотрудниками бюро, проводившего опрос, заключались многочисленные пари, и ставки делались на Роберта Ред-

Лоренс Д'Араби

Фрэнсис Хастер

Кевин Костнер

Эррол Флинн

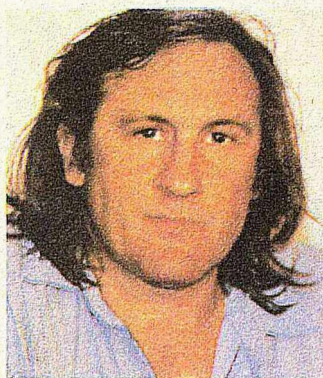
Шон Коннери

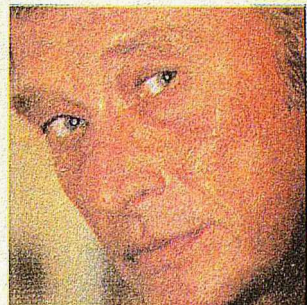
Элвис Пресли

Филип Нуаре

Жерар Депардьё

Джонни Холлидей

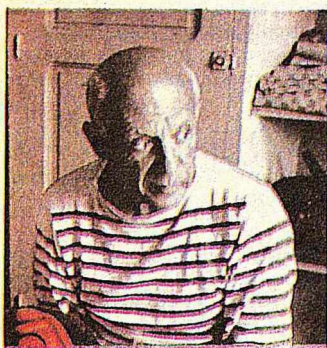
форда, Кевина Костнера или, в конце концов, на Пола Ньюмэна. Куда там! Француженки выбрали Жана Габена. На втором месте Патрик Брюэль, чарующий сердца девушек и умиляющий их мам. Третий обольститель века – Ален Делон. За ним идут Жерар Филип, Джеймс Дин, Джон

Ф.Кеннеди, Ив Монган, Кларк Гейбл, Жан-Поль Бельмондо и десятый – Морис Шевалье. Причем четыре первых, а также последний были лидерами опроса, проведенного по всем десятилетиям века. Каждый в своем десятилетии. Габен – в 40-х годах, Патрик Брюэль – в 90-х, Ален Делон –

Дэвид Боуи

Пабло Пикассо

в 60-х, Жерар Филип — в 50-х, Шевалье — в 20-х. В остальных десятилетиях победили:

Начало века — Скотт Фицджеральд;

10-е — Лоренс Д'Араби;

30-е — Эррол Флинн;

70-е — Филип Нуаре;

80-е — Фрэнсис Хастер.

Француженки также высказались за:

актеров — Гэри Купера (40-е), Марчелло Мastroяни (50-е), Пола Ньюмана, Марлона Брандо, Роберта Редфорда, Шона Коннери (60-е), Кристофера Лэмберта, Жерара Депардьё, Мики Рурка (80-е), Кевина Костнера, Майкла Дугласа (90-е);

певцов — Элвиса Пресли (50-е), Джонни Холлидея (60-е), Хулио Иглесиаса (70-е), Дэвида Боуи, Майкла Джексона (80-е); писателей — Антуана де Сент-Экзюпери, Эрнеста Хемингуэя (20-е);

художников — Пабло Пикассо (начало века).

«Ни в коем случае не голодать...»

Знаете ли вы, что студенчеству исполнилось пять веков? Слово «студент» ведет свое происхождение от латинского глагола «студере», то есть «изучать», «штудировать». Но лишь в XIV веке термино «студентес» стали называть учащихся университетов.

Визитные карточки в XVI веке ввели немецкие студенты, учившиеся в университете итальянского города Падуя. Тогда было принято сдавать экзамены преподавателю прямо на дому. Если молодой человек не заставал профессора дома, он подсовывал под дверь бумажку со своей фамилией в качестве сообщения о своей готовности к опросу. Так родилась визитка...

Еще в 1588 году был разработан устав для студентов, в котором говорилось: «Потребление вина или пива не только в утренние часы не рекомендуется, а категорически запрещается». Этот уникальный документ найден в архиве Лейпцигского университета. В нем содержится много и других любопытных предписаний. «Учиться необходимо в специальных помещениях, а не на природе, так как это отвлекает от занятий. С утра до обеда ни в коем случае не голодать, а принимать легкий завтрак, состоящий из одного сваренного всмятку яйца, зрелых фруктов, масла, хлеба и сыра». Устав рекомендует студентам избегать меланхолии, одеваться, как сказали бы сегодня, скромно, но со вкусом — в числе неизменных аксессуаров одежды называется, например, галстук.

Самым молодым профессором, когда-либо избранным в университете, был 19-летний Коллин-Мак-Лаурин (1697 — 1746). 30 сентября 1717 года он был избран на должность профессора математики в Маришальском колледже г.Абердина. В 1723 году по рекомендации сэра Исаака Ньютона, который стал в возрасте 26 лет профессором в Кембридже, он был избран профессором математики в Эдинбургском университете в возрасте 26 лет.

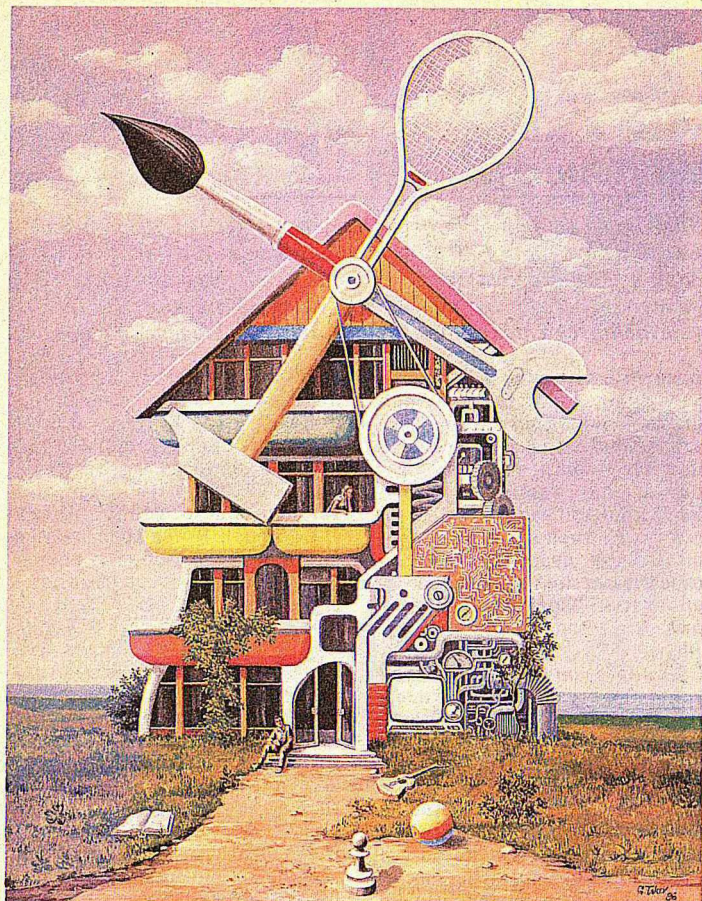
Нешуточную заявку на рекорд для Книги Гиннеса сделал москвич Савелий Косенко. В свои 11 лет он стал студентом вуза, причем одного из труднейших — Технического университета (бывшего МВТУ имени Н.Баумана). В два года он уже читал, в три — свободно оперировал четырьмя арифметическими действиями. К пяти годам он прочитал всего Жюль Верна, а в семь составлял программы на своем домашнем, почти самодельном компьютере. И когда время подошло идти в школу, он экстерном сдал экзамены за пять классов и закончил школьную программу к десяти годам.

По данным знаменитой Книги рекордов Гиннеса, самым молодым студентом в истории был Уильям Томсон (позднее — известный английский физик лорд Кельвин). Он приступил к занятиям в университете Глазго в возрасте 10 лет 4 месяцев.

23-летний индийский студент С.Махедеван, изучающий психологию в городе Мангалуру, установил рекорд запоминания. За 3 часа 39 минут он запомнил и повторил вслух почти 32 тысячи цифр (точнее, 31 811). Предыдущий рекорд составлял 28 013 цифр за 9 часов 14 минут.

В Массачусетском университете администрация придумала оригинальный метод привлечения студентов на лекции. Теперь занятия, посвященные анализу шедевров мировой литературы, сопровождаются показом художественных фильмов. Причем содержание фильма обычно лишь отдаленно связано с темой лекции. Так, на занятиях по пьесам Эсхила «Агамемнон» и У.Шекспира «Макбет» демон-

стрируются голливудский боевик «Крестный отец». А сам курс предусмотрительно назван «Гангстеры в литературе и кино».

Почему в административные структуры штата Харьяна (Индия) попадают некомпетентные, а подчас и просто тупоголовые чиновники — вчераш-

ние выпускники институтов и колледжей? Скорее всего потому, что дипломы с отличными оценками, которые они предъявляют при поступлении на государственную службу, отражают не высокий уровень знаний, а способность удачно списывать при сдаче экзаменов, считают отцы штата. Отныне попавшемуся со шпаргалкой грозит заключение на 6 месяцев.

70 процентов студентов итальянских вузов верят в силу падающей звезды и в то, что разбитое зеркало приносит несчастье; 40 процентов — боятся проходить под лестницей. В период экзаменов из шкафов будущие специалисты по точным наукам, да и по гуманитарным, вытаскивают — кто галстук, кто юбку или пиджак, которые надевали в момент хорошо сданного в прошлом экзамена.

Самая длинная в мире лекция продолжалась 35 часов. Провел ее Пол Мейдмент, преподаватель британского Кройдонского технического колледжа на тему «Некоторые аспекты современной промышленности и торговли Великобритании». Лекция была поделена на академические часы по 90 минут с пятиминутными перерывами.

Из досье Анатолия Сафонова

СТМ

Студенческий меридиан

Общественно-политический, научно-популярный и литературно-художественный иллюстрированный журнал

Учредители -
АО «Молодая гвардия»,
коллектив «Ст.М.»
Издается с января 1974 года
1994, № 1, 1 — 64

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Зам. главного редактора
Ирина Репина

Главный художник
Александр Архутин

Художественный редактор
Константин Кухтин
Технический редактор
Галина Белова

Наш адрес: 125015, Москва,
Новодмитровская ул., д.5а,
«Студенческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 23.11.93. Подп. в печ. 14.12.93. Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,2. Усл. кр.-отг. 22,08. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 102 000 экз. Заказ 32191. Цена свободная.

АО «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Сущевская ул., д.21.

© «Студенческий меридиан», 1994 г.

Игорь Акимов, Виктор Клименко

О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе

Дорогие читатели!

Наши уважаемые авторы Игорь Акимов и Виктор Клименко, к сожалению, не смогли нам пока представить прямое продолжение своего повествования-исследования.

У них есть на то довольно веские причины. Виктор Васильевич Клименко срочно готовит к изданию свой трёхтомник педагогических произведений, а Игорь Алексеевич завершает работу над не менее важной рукописью, которую он обещал «Ст.М.».

К счастью, в нашем редакционном портфеле хранились главы «Мальчика» из другой части книги. Одну из них мы и начинаем печатать.

Редакция «Ст. М.»

Психомоторика

Удивительно не то, что мало талантливых людей (мы-то считаем иначе, а потому уточним: мало людей, проявивших свою талантливость), удивительно, что такие встречаются вообще. Наше воспитание на всех возрастных уровнях: младенцев, малышей, детей, подростков, юношей, да и взрослых тоже, — это огромная глухая и безжалостная машина. Это мясорубка, в которую попадает живое, трепетное, чуткое естество. Оно способно вырастать до колоссальных размеров и в таких же масштабах, утилизируя энергию, творить добро, а его снова и снова пропускают через колосники, раздавливая, обезличивая, оглушая, убивая интерес к окружающему, — и перемалывают, перемалывают, перемалывают, пока эта живая, самобытная, трепетная самость не превратится в стандартный, хорошо перемолотый и в меру напшигованный специями в духе «времени» котлетный фарш.

Удивительно щедра к нам природа. Сколько сил нам дает! Уже и руки, крутящие мясорубку, устали, уже надоело нашему палачу, — а мы, оказывается, еще способны держаться, способны сохранить себя — свою целостность, свою идею, свою правду. Свой талант.

Вопреки всему.

Дорога в ад вымощена благими намерениями

Кто самый страшный враг новорожденного? Думаете — холод, вирусы, инфекции? Нет — его мать.

Правда, она не знает об этом, она старается делать как лучше — как ее учили. И делает все возможное, чтоб не дать своему ребенку развиваться нормально. Не станем перечислять всех ошибок, рассмотрим единственное ее действие: пеленание.

Его не избежал никто из нас, и наших детей пеленают по той же системе. Опыт передается напрямую — от матери к дочери, от свекрови — к невестке; в детских консультациях будущих мам и пап учат этому нехитрому, но обязательному искусству на куклах. Младенца в первые месяцы его жизни, а тем более новорожденного, мы даже представить не можем неспеленутым. Логика простая: 1) пеленки сохраняют тепло, компенсируют неразвитую терморегуляцию младенца; 2) спеленутый младенец доставляет меньше беспокойства: он не разворачивается (значит, не застудится), не будит себя ручками, не ударится о прутья кровати; 3) у него будут ровные ножки.

Первое вроде бы самое серьезное — наличествует даже

научная терминология; второе можно расшифровать как понятное стремление родителей заниматься младенцем как можно меньше, а ночью («мой ночью спит!» — высшая похвальба) даже поспать; третье... третье даже как-то неловко квалифицировать, настолько оно безграмотно. Почему орган движения должен сам по себе гнуться, если природа сделала его прямым? Почему орган опоры должен гнуться, если опираться надежней и экономичней на прямую кость? — непонятно... Но мы не приучены думать самостоятельно, а бабка из квартиры напротив сказала, что ножки надо особенно надежно пеленать — и мы слепо следуем за ее «мудростью».

Можете в этом убедиться

Не думать — легко (хотя за это платимо стократ на каждом шагу, просто мы не знаем, за что платим, — ведь и для этого надо задуматься), но раз уж вы читаете этот текст, соберитесь с силами и представьте, что вас спеленали и уложили в постель, что так вы будете есть и спать, что писать и какать вам придется под себя, что никакие жалобы вам не помогут. Теперь ответьте на следующие вопросы:

как долго вы сможете лежать молча, без крика?

так же ли будут работать ваши внутренние органы, двигаться кровь, лимфа, желчь и прочее, называвшееся в древности жизненными соками?

(на всякий случай всё же напомним, что толчки при ходьбе стимулируют перистальтику, мышечные сокращения способствуют кровообращению, мелодия движений нормализует нервную систему...)

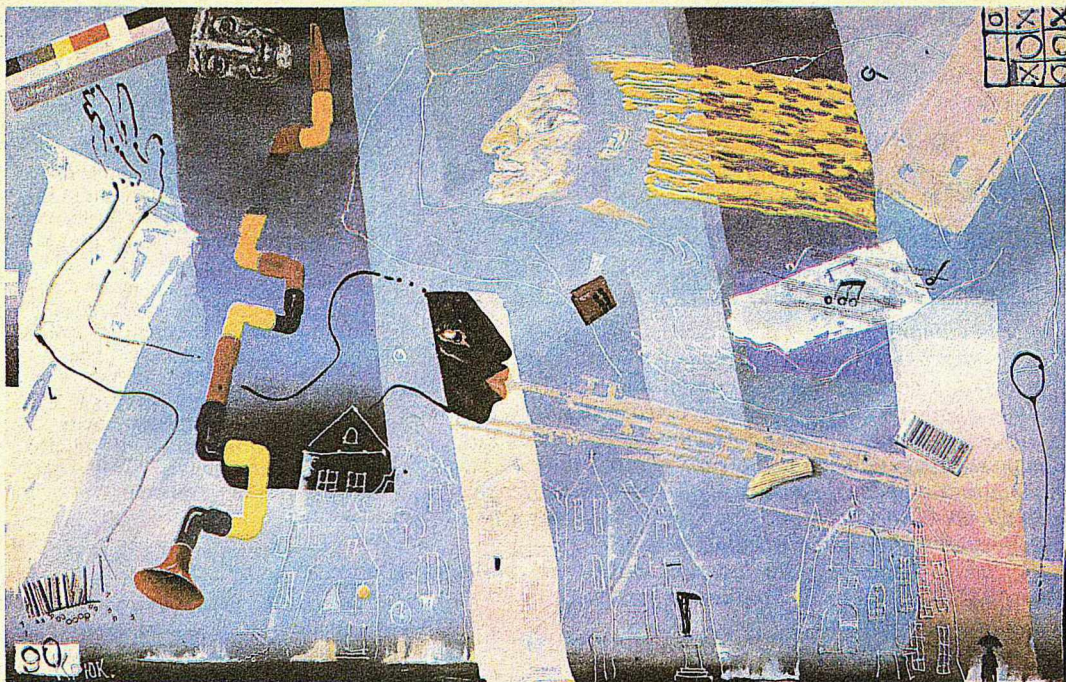
что будет с вашей нервной системой? с психикой? с вашим сознанием?

как долго продержатся мышцы? когда они начнут атрофироваться?..

То-то же.

А младенец всё это выдерживает. Мало того — некоторые дети вырастают здоровыми (уму непостижимо, как им это удаётся), некоторые — даже талантливыми! Впрочем, вы уже

Андрей Крюков
«Мелодия ветра»

знаете из предыдущего, что всё это удаётся за счёт огромного энергопотенциала. Уж если новорождённый может провисеть на одной руке три минуты, то и пелёнки переживёт. Правда, любому терпению есть предел — и он начинает кричать.

Живая машина

«Смеётся ли ребёнок при виде игрушки, улыбаются ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создаёт ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге, — везде окончательным фактом является мышечное движение» (Сеченов — 1863 г.).

Значит, психомоторика — это координация (движения, действия, мысли), порождающая соответствующую психическую реакцию, и наоборот — душевное действие (эмоциональное, волевое, интеллектуальное), воплощённое в живом движении.

Значит — сочетание, совместная работа и взаимное порождение двух свойств: психики и моторики.

Вспомним: энергопотенциал тоже имел два свойства.

Почему и там, и там — их по два?

Потому что природа ищет самый экономичный, самый надёжный вариант. А что может быть проще и надёжней диполя? Например, два полюса магнита, плюс и минус электричества, китайские Инь и Янь создают самый простейший и самый надёжный механизм.

Свойства энергопотенциала — величина и направление. Не правда ли, знакомое сочетание? Кажется, ещё в пятом классе проходили. Вспомнили? Правильно — вектор!

Следовательно, *энергопотенциал — живая сила — это вектор, направленный из человека*. Иначе говоря, энергопотенциал — это символ наших возможностей. наших возможностей преобразовывать мир.

Сам по себе энергопотенциал существовать не может. Он может наполнять, вливать жизнь, приводить в движение. Что наполнять? во что вливать жизнь? что приводить в движение?

Разумеется — наше тело. Которое мы описываем понятием психомоторики.

Психомоторика — это наше «я» в состоянии статики. Это механизм, способный к работе, но

не действующий, пока его не подключили к источнику питания. Воздушный шар, лежащий на земле бесформенной грудой. Автомобиль без бензина, паровоз без угля, трамвай без тока, мельница без ветра. Мыслящее тело, которое само по себе не действует, но способно действовать, если вдохнуть в него жизнь, если оно станет живым.

Одно отражение в двух зеркалах

Как вы поняли из текста Сеченова, любое действие начинается в душе и заканчивается в ней же. Это разные стадии одного нерасторжимого процесса. Одною целостности.

(А что же будет, спросите вы, если сперва 1) подумал, и только затем 2) сделал? (Похвальный порядок, хотя обычно поступают наоборот: сперва действуют — и лишь затем используют мозг, чтобы обосновать свою правоту.)

В предложенном вопросе речь идёт не об одной, а двух целостностях. Первая — «подумал» — действие в уме, выбор подходящего варианта из всех возможных. Это действие порождено мыслью, чувством и волей. Они слиты воедино и застывают, обретают форму в виде выбора. Вторая целост-

ность — «сделал» — действие физическое. И здесь та же картина: мысль, чувство и мышечное усилие — слитые воедино — порождают действие.)

Он пытается спастись

Спеленутый малыш должен не просто жить, как было бы, если бы спеленали кого-нибудь из нас. Он должен расти, он должен развиваться, должен учиться владеть своим телом, учиться думать. Да ещё и вживаться в окружающий мир, осваивать его (чуть не написали «покорять»), но мы не сторонники экспансии ни в чём, так что пусть и наш малыш просто сосуществует со всем остальным миром). Теперь вы уже знаете, что он этого в огромной степени лишён. Энергопотенциал помогает ему выжить в экстремальной ситуации, тот же энергопотенциал (в данном случае — энергия генов, которая переполняет его) ищет себе работу, ищет малейшую возможность преодолеть ситуацию, взять верх над нею.

Как же действует малыш?

Задача у него простая: получить свободу движений. (Только и всего! Представляете? — не свободу развиваться, свободу владеть своим телом, свободу учиться думать, свободу осваивать мир — нет! Ему нужна только свобода движений, всё остальное придёт через это, через одну-единственную эту свободу, не само собой, но через неё, благодаря ей — единственному инструменту, который открывает нам мир и даёт нам жить в нём, причём иногда — даже с удовольствием.)

Чтобы решить эту задачу — получить свободу движений, — в распоряжении малыша есть несколько приёмов. Первый — он брыкается. Спеленутый, он сжимается и разжимается, причём с невероятной силой. У него нет другого выхода: чтобы нормально дышать, нормально переваривать пищу, чтобы не застыла кровь в членах и лимфа, — нужно хоть чуть-чуть освободить для себя жизненное пространство. Наверное, с таким же отчаянием и силой

бьётся, отжимая от себя землю, расчищая по крохам место для дыхания, только заживо погребённый. Зато какая радость для тела, когда малыша на минуту распеленали! Он болтает ручками и ножками, он пользуется каждым мгновением, чтоб сделать как можно больше движений. И как он ликует при этом! Его истомившаяся энергия рвётся наружу, она больше не мучает его — ну как же, испытывая такое облегчение, не ликовать!

Второй приём — крик.

Малыш начинает кричать, потому что ему плохо, тяжело, даже невыносимо (и больно — когда затекают члены). Этот крик — знак отрицательных эмоций; крик их сопровождает, даёт им выход. Тем самым малыш облегчает своё положение: вспомните — при отрицательных эмоциях энергопотенциал теряется стремительно. Так в паровой машине сбрасывают пар — чтобы она не разорвалась — до оптимального давления. Значит, малыш кричит до тех пор, пока уровень его энергопотенциала не уравнивается с ничтожными возможностями обездвиженного тела.

Этот крик — произволен. Но вскоре малыш замечает, что внешний мир в лице отца и матери отзывается на этот крик. Реакция бывает двух видов: 1) малыша разворачивают, чтобы поглядеть, не мокрый ли он; 2) его начинают укачивать. Оба варианта малышу нравятся. Если его развернули — он обретает свободу; если укачивают (на руках, в коляске — всё равно) — его тело в крайних точках качания получает перегрузки — своеобразную компенсацию движений, их эрзац. При этом его тело напрягается, мышцы расходуют энергию — ему становится легче и он успокаивается. Впрочем — ненадолго. Ведь затраченная энергия возвращается к нему с избытком, и когда уровень её превысит допустимый и создаст дискомфорт — опять раздаётся крик.

На добровольное рабство способны только взрослые

Итак, только поначалу малыш

кричит произвольно, самостоятельно справляясь с ситуацией. Когда же он замечает, что его крик вызывает помощь извне — свободу или качание, — малыш начинает пользоваться криком, можно сказать, сознательно. Привычка формируется и закрепляется в считанные дни. И вот он уже начинает управлять ситуацией.

Хотите знать, что будет дальше?

В три года он по любому поводу бросается на пол и устраивает истерику: «Буду плакать, пока не дадите конфетку».

В восемь лет на просьбу сходить в магазин за хлебом отвечает: «Дашь двадцать копеек — пойду».

В пятнадцать: «Буду ходить в школу, если купите японскую электронику».

В двадцать три: «Что это за родители, которые не могут прокормить своего ребёнка до пятидесятилетнего возраста...»

Любимый враг

Правда, есть и другой вариант развития отношений. Если родители, усташась растущего аппетита, захотят поставить ребёнка-подростка-юношу на место и перестанут ему потакать, настаивая на послушании, они встретят яростное противодействие. Любая привычка — глубоко укоренившееся растение. Причём вредная привычка даёт более глубокие корни — они проникают в душу без сопротивления, по едва заметным трещинам, значит, и иссушают самые сокровенные её тайники.

Первый уровень противодействия — непослушание; второй — негативизм (ребёнок всё делает наоборот); третий — ненависть.

Противодействие может быть открытым, и это ещё победы. С ним возможно справиться, если прозревшие, умудрённые правильным анализом возникшей ситуации родители сумеют... вы верно нас поняли: направить внимание и энергию ребёнка на решение интересной для него задачи. Придумать её ох как непросто, да что будешь делать! Теперь это у них единственный выход. Сумеют создать

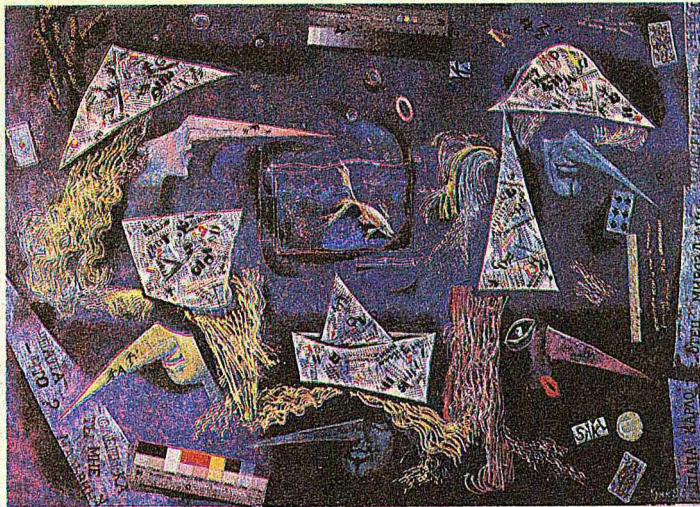
такую задачу и увлечь ею ребёнка — он вернётся к норме (не только норме общения, но и к энергетической норме, ведь задача обладает способностью очень долго подпитывать энергопотенциал — до тех пор, пока её не решат либо пока она интересна), нет — значит... извините: что посеяли, то и пожнёте.

Но куда хуже противодействие скрытое.

Ребёнок внешне послушен, ласков, лстыив, но живёт другим, другими чувствами. Он живёт не так, как хочет, как считает правильным — и это ужасно. Потому что в его глазах родители — виновники этой ситуации. Они — враги, с которыми он вынужден сосуществовать. Он ждёт свободы, чтобы наконец раскрыться и взять своё и уйти. Или — не раскрываться, но брать, брать, брать; даже когда уже всё выбрано — скрести по живому... Это мститель. За что? Он этого не осознаёт, но мы можем пояснить: за несостоявшуюся судьбу, за мучительную раздвоенность, за безусловную бесталанность. Да, да, да! — из-за этого финала мы и разворачивали всё это длинное рассуждение. Чтобы показать, что *дети, поведение которых строится на противодействии, не могут быть творцами*. Их психика, их ум с детства настроены на негативизм, на разрушение. А ведь путь к самовыражению, к воплощению таланта — решение задачи — всегда созидание!

Кстати, теперь вы, надеемся, понимаете, что проблема «отцы и дети» — не надуманная, а вполне реальная проблема, но относится она лишь к тем семьям, где поведение детей доминантой имеет противодействие.

Примечание: Но и скрытое противодействие — не безнадёжный вариант. Если родители поняли, что на самом деле скрыто за показным послушанием, показной лаской, хитростью (напомним, что хитрость — это компенсация недостаточной силы ума; истинно умные, а тем более мудрые люди никогда не бывают хитрыми — им это не нужно, они вполне обходятся умом; кстати, по этому поводу

Андрей Крюков
«Папа Карло — отец мироздания»

есть замечательная украинская пословица: хитрый разум — ум глупцов)

и лстыю, они, не показывая ребёнку, что поняли его страшную игру, могут отвлечь его от неё — да, да! — опять всё той же задачей. Навероятно интересной и очень трудной задачей, при решении которой он не сможет обойтись без них — без совместного творческого труда. Только так его можно спасти.

Смысл есть во всём!

Ребёнок поел — и тут же пописал: это норма. Но у некоторых он мочит пелёнки буквально через каждые десять-пятнадцать минут. С чего бы это? Теперь ответить на вопрос вам не составит труда: пока меняют пелёнки, малыш получает на несколько мгновений живительную свободу. Вот вам ещё один пример того, как несмышлёныш (такой ли уж несмышлёныш?) управляет ситуацией.

Всё хорошо в меру

И наконец — хотите знать главную причину, отчего болеют дети? Не от простуд, не от инфекций — он «перегрет». От энергетического избытка.

Переядание так же плохо, как и недоедание — это вы знаете; сгореть на солнце (можно даже погибнуть от теплового удара)

или быть его лишённым вообще (без ультрафиолета не синтезируется в теле витамин Д) — невелика разница. Когда у человека энергетический дефицит — это значит, что его печень не справляется с кроветворными задачами, почки — с канализацией. Значит — слабость, сопровождаемая неврозами, затем — психозами, болями в сердце, страхами, мигренями, короче — не жизнь, а мука.

Энергетический избыток точно так же поражает внутренние органы. «Перегрев» лишает их возможности нормально функционировать, организм слабеет, и тут уж достаточно малейшего сквозняка — получите простуду, самой слабенькой инфекции — получите тяжёлую затяжную болезнь. Нарушается нормальный рост и развитие органов, и это неизгладимо и неисправимо — как рубец — на всю жизнь.

Всё проходит? — нет, остаётся

Энергетический «перегрев» не только сжигает защиту организма — не менее беспощаден он и с обменом веществ. Рассмотрим только один случай — кальцинирование. Замечено, что рахиту подвержены главным образом те дети, которых больше всего пеленают и кутают. При рахите искривляются ножки (обратная реакция! ведь

старательно пеленают как раз для того, чтобы были прямыми) — это знают все; но разве менее важно, что при нём уплощается грудь (что влияет на конституцию лёгких и сердца) и становится специфической форма черепа? Обычно — в норме — кости черепа развиваются вслед за развитием мозга. Именно мозг диктует объём и форму черепа — повторяем, в норме. А после рахита — эконома кальций — организм «разбрасывает» недостачу на все кости, в том числе и черепные. И мозгу приходится приспосабливаться, зажиматься в тесных рамках, которые ему опущены. Это влияет и на умственные способности, и на характер. Значит — и на судьбу.

Искривлённые конечности и ослабленный позвоночник деформируют координацию движений. Раз нарушена координация, то ущемлены и мышцы. Их объём минимален, значит, таковы же и 1) познавательные возможности, 2) снижена выносливость и 3) ничтожна способность накапливать энергию. А если добавить к этому уже известное вам: что координация движений — это отражение координации мозговых процессов, — приходится сделать вывод, что переболевшие рахитом ограничены в своих творческих возможностях.

Значит, болезнь — это тоже пеленание. Пеленание враждебной средой. И если вы стали хроником, считайте, что пелёнки приросли к вашей коже, стали вашей сущностью, диктуют вам образ мыслей и поведения. И ваше творческое лицо при этом изменится. В какую сторону — трудно сказать: искажённый ракурс вашего мировосприятия может дать самые неожиданные результаты. Зато можно утверждать с уверенностью: спеленутый болезнью человек способен на немного. Он работает судорожными рывками: соберётся с силами — и дернется, и опять собирает себя по крупинкам.

Андрей Крюков
«Потепление климата»

цам. А здоровый талант светит всегда.

Правда, можно попытаться компенсировать дефицит: специальными упражнениями повести себя к норме; например, в случае с рахитом — *наильно* развивать координацию и наращивать мышцы. Но как же необъятна, как титанически огромна эта работа! какого неимоверного терпения она потребует!.. Ведь уже для того, чтобы принять решение — проявить характер, — нужна энергия. А где её взять? И каждый шаг — шагочок! — на этом пути требует мужества и терпения, терпения, потому что усилия будут огромны, а результаты ничтожны, но нужно научиться радоваться этим крохам и знать им истинную цену, и складывать их одну к одной, складывать и терпеть, и идти вперёд — годами... Для человека нет ничего невозможного, пока он идёт вперёд. Пока он идёт вперёд, его жизнь полна смысла, а иногда и счастья. И тут нельзя не вспомнить Торо, который когда-то сказал: не важно, придёт ли корабль в гавань, важно, что он идёт правильным курсом. С точки зрения экономистов это может быть и нелепо, но про человеческую судьбу — в самый раз.

Дай бог ему победы, но если подумать, что вся эта титаническая работа была бы просто

не нужна, если б его в младенчестве не пеленали....

Вот почему мы такие

Кстати, существует серьёзная научная работа, в которой доказывается, что славянский характер с его типическими чертами: послушанием, терпеливостью, медлительностью, инерционностью, тугодумием, мечтательностью и т.д. — сложился как следствие традиции пеленать детей. А ведь прежде, в дохристианскую пору, этой традиции у славян не было, и нрав славянских народов был иным — живым, дерзким, предприимчивым. Оно не могло уйти далеко, историческая память сидит в нас прочно. Так, может быть, есть смысл поверить умному человеку? — глядишь, и вернёмся на круги своя.

Да здравствует комфорт!

Итак, мы уже знаем, что пеленание

- 1) душит энергопотенциал,
- 2) тормозит развитие психомоторики.

Но есть и третий вывод; может, не третий, может, это обобщение первых двух. Судите сами: *пеленание вынуждает организм ребёнка переориентировать жизненную доминанту с развития на самосохранение.*

Иначе говоря, пеленание — это первое прокрустово ложе, на которое попадает человек. Потом, уже в зрелом возрасте,

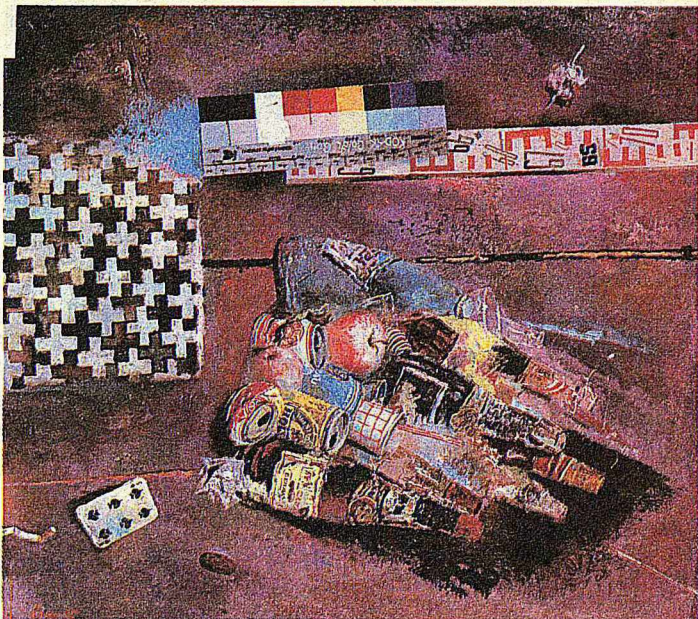
попадая на очередное прокрустово ложе, он тоже будет получать травмы, шрамы от которых остаются на всю жизнь, но те травмы поболят — и заживут, остановят на минуту, на день, на год — а потом боец снова бросится в схватку. Если он истинный боец, шрамы — это знаки его доблести, они украшают его, они утверждают его в собственных глазах.

Но самое первое прокрустово ложе травмирует не только тело и душу; куда страшнее, что оно насилует генотип. Значит — будущую личность в целом. Вместо того чтобы свободно расти и свободно развиваться, организм ребёнка с первого же дня вынужден большую часть своих сил тратить на борьбу за существование. Практически лишённый движения — главного инструмента развития и регулятора энергообмена — он спасается криком и частым мочеиспусканием. Но сколько можно кричать и мочиться? Ни того, ни другого организм долго не выдерживает, и тогда — саморегулируясь — идёт на радикальные меры: зажимает генотип. Эту мощную пружину, которая стремится раскрыть организм и личность ребёнка, как цветок, раскрыть как можно скорее и пышнее, — эту пружину сам организм зажимает как бы тормозными колодками, переводит её работу в такой режим, чтоб конфликт с прокрустовым ложем — с пелёнками — был сведён до минимума.

Заметили? — речь опять идёт о золотой середине. О комфорте. Значит, комфорт — это состояние равновесия между внутренней и внешней средой, состояние оптимальной жизнедеятельности.

Подчеркнём: равновесия, а не покоя.

Малыш с первого дня своей жизни способен сам регулировать своё состояние. Он знает два полюса комфорта: один — деятельный, когда он своими движениями расходует энергопотенциал и наслаждается этим; второй — отдыха, когда он переваривает полученную двигательную и эмоциональную информацию и наслаждается этим, ощущая прилив энергопотенциала.

Андрей Крюков
«Розовый»

Пелёнки ломают этот механизм. Но критерий-то у него остался прежним! — и малыш ищет комфорт. А что будешь делать, если тебя лишили естественного регулятора? Выход один: спасая себя, настроиться на самый низкий, самый примитивный уровень энергообмена. Выжить! только выжить! — другой задачи теперь у него нет, и когда ребёнок приспосабливается — «успокаивается» — создаётся впечатление, что цель достигнута. Увы, в этом мире за любое удовольствие приходится платить, за комфорт — тоже. Комфорт, который построен на предельно малом энергопотенциале, — это комфорт дома из папиросной бумаги. Помните, в главе об энергопотенциале мы писали, что люди с мощной и подвижной энергетикой не болеют вообще? Теперь представляете, в каком положении оказался малыш, чей энергопотенциал еле теплится? Все болезни — его. Он открыт для них, и никакие пелёнки от них не заслонят. Для инфекции пелёнка вообще не преграда, в то время как от нормального энергопотенциала она отскакивает, как мяч от стены.

Продолжение следует

ВЕРНИСАЖ

«Традиции мне не нравятся. Хочется выкинуть их на помойку, а потом отрастить усы и стать классиком» — это слова художника Андрея Крюкова.

Андрей родился в Москве. Он урбанист, человек города и индустриальной цивилизации. Запахи дыма, выхлопных газов привлекают его с детства. И с детских лет он мечтает о мотоцикле, грохоте, реве мотора, бензиновых парах. С этой мечтой он окончил первую городскую художественную школу

на Кропоткинской, училище 1905 года, Суриковский институт и стал замечательным художником, тонким и нежным.

Его картины, странные и резкие по форме, по сути лиричны и рассказывают о нашей эпохе, эпохе больших городов, одноразовых ценностей, уходящих религий.

Вот что думает Андрей о художнике, искусстве, окружающем мире:

«Я не верю в вечные ценности. Часто, со временем, они оказываются одноразовыми».

«Художник не может быть маститым, сформировавшимся. Это означало бы, что он превратился в закрытую, замкнутую систему, у которой нет потенциала для развития. Художник формируется и совершенствуется постоянно».

«Искусство — это духовный товар. Как бы ни была дорога работа, художник должен с ней расстаться, она уйдет в мир...»

«Художник должен плыть по течению, смотреть, что произойдет с ним и миром. И когда тебя бросает из стороны в сторону, появляются новые мысли и ощущения. Появляется что сказать...»

«Начиная работу, я не знаю, что буду рисовать. Если бы все было заранее известно, не стоило бы работать. Интересно все непредсказуемое, неизвестное, случайное».

«Когда работа готова, я люблю придумывать легенды, рассказывать сказки о своих работах. Кажется, Феллини сказал: «Проблема искусства в том, чтобы оставить больше неопределенности...» Я хочу, чтобы мои работы были неопределенными».

И действительно, в работах Андрея Крюкова каждый может найти близкие только ему мысли и образы. Порой совершенно противоположные у разных людей. Эти работы различимы и этим интересны.

Читайте, наслаждайтесь!

Разрисованный дом

Стоящий в центре деревни Пон-де-Лэтуаль розовый домик внутри разрисован сверху донизу — холодильник, ванная, кухонный стол, швейная машинка...

Дом цвета времени

Шоп называет себя «первым придворным мечты». Он разукрасил стены своего дома яркими фресками. На западном

фасаде дома часы, стрелки застыли на 12.42 — точном времени рождения художника.

Земной винт

Жак Вармински — архи-скульптор. После долгих скитаний он бросил якорь в крохотной сомюрской деревушке, чтобы приступить к уникальному опыту — рыть, создавать скульптуры, покрывать надписями туннели в земле.

Московский Патриархат
Отдел религиозного образования и катехизации

**ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ**

113184, Москва, Пятницкая ул. 51, стр. 2, тел. 231-51-84, Fax 292-65-11 for NIKAMOSCOW box 8354
Новокировский филиал Уникомбанка г. Москва, Тек. счет 700502, код по ДЦ (р/о): 4К; МФО 212166

ДОСТОЧТИМЫЙ ГОСПОДИН ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР!

Православный Свято - Тихоновский Богословский Институт, созданный по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, организует работу по собиранию свидетельств о жизни и мученическом подвиге новых мучеников и исповедников российских, пострадавших за веру во Христа и верность Церкви.

Прошу Вас опубликовать наше открытое письмо - обращение на страницах Вашего издания. Надеемся, что в ответ на наше письмо откликнутся люди знавшие праведников нашего времени, бывшие их духовными детьми и свидетелями их мученического подвига.

Текст письма прилагаем.

С уважением
Ректор Православного Свято - Тихоновского Богословского Института
протоиерей Владимир Воробьев.

«Не стоит село без праведника», — гласит русская пословица. Кто эти праведники, если стоит еще наша Россия, пройдя через страшный XX век? Эти праведники — лучшие люди нашего народа, в которых горел неугасимый огонь веры: священники и епископы, монахи и простые верующие люди, крестьяне и рабочие, дворяне, купцы, фабриканты, учителя, военные, представители всех сословий,

расстрелянные, сосланные на мучения и смерть в лагеря, гонимые за веру в Бога и за верность тому призванию и происхождению, которое им было дано Богом. Жизнь этих людей — это самые прекрасные страницы нашей истории, пример веры, верности и мужества нам и всем последующим поколениям. Этих людей, не отступивших от Бога даже перед лицом смерти, многие и многие тысячи. Почти все они уже

покинули этот мир, но живы еще свидетели их жизни, которые могут рассказать о них, об их исповедническом подвиге и мученической кончине. Пройдет еще немного времени, и этих свидетелей не останется. Наше время последнее, когда можно записать и собрать бесценные свидетельства о жизни многих подвижников и исповедников XX века. Собрать, сохранить и сделать известными жизнеописания праведников — важнейшая задача нашего времени и наш долг перед Богом и людьми. Народ, не помнящий своего прошлого, не вправе надеяться на будущее. Жития наших новых святых — лучшее средство доброго воспитания детей.

Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, созданный по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, обращается ко всем людям, кто может помочь собрать драгоценные воспоминания и материалы о жизни мучеников, исповедников и подвижников благочестия XX века. Мы обращаемся ко всем живым свидетелям, к людям старшего поколения, к работникам архивов и музеев, к учителям и школьникам, изучающим историю родного края, к студентам и молодежи с просьбой помочь нам собрать, сохранить и сделать доступными и известными примеры настоящей христианской жизни, необходимые для воспитания будущих поколений. Для нас важны все, даже самые маленькие подробности жизни подвижников, их фотографии и письма, с которых можно снять копии, любые другие свидетельства. Мы будем искренне благодарны за любое участие и помощь.

Адрес для писем:
105484, Москва а/я 17.

23 сентября 1993 года исполнилось 100 лет со дня рождения А.Ф.Лосева, одного из ярчайших мыслителей XX столетия. Наши читатели прежних лет хорошо знакомы с личностью ученого, знают его работы, которые он публиковал на страницах «Ст.М.».

Предлагаемая вам ниже беседа с А.Ф.Лосевым состоялась зимой 1987 года. Конечно, сегодня кое-что в этом тексте-можно было бы поправить, осовременить, но мне кажется, что фактор времени, отра-

зившийся в том нашем разговоре, имеет также свою ценность, ибо дает представление о реальной жизненной ситуации, в которой А.Ф.Лосев жил и работал.

В беседе упоминается Валентина Михайловна Лосева (1898 — 1954), первая жена ученого. Непременной участницей наших бесед была профессор Аза Алибековна Тахо-Годи, жена и продолжательница дела А.Ф.Лосева, которую в ходе разговора Алексей Федорович упоминает.

«Меня, конечно, прорабатывали...»

I

— В одной из прошлых бесед вы говорили о религиозно-философском обществе памяти Владимира Соловьева, о Психологическом обществе при университете, о возникшей позже Вольной академии духовной культуры... Но все-таки, как вы считаете, оказали эти общества влияние на русскую культуру?

— Два первых, названных тобой, общества, так же как и вообще поиски символистов, имели хотя бы время для своего действия: с конца 80-х годов и вплоть до 1917-го. И все же даже в ту предреволюционную пору

символизм был мало популярен и имел немного сторонников. Общество уже было настолько обывательское, настолько позитивное и далекое от идеальных настроений, что те немногие философы, которые входили в названные тобой кружки, могли развиваться только сами по себе, влияния на общественные дела они не имели. Да, конечно, у них было издательство «Путь», свой журнал по вопросам философии и психологии... Но все это прикрыли к 1922 году, а все деятельные участники кружков были высланы за границу.

— Но почему вы не уехали в тот момент?

— А я был никто.

— Но вы же разделяли их интересы?

— Разделял, конечно! Но у меня трудов не было соответствующих. Докладов такого общественного характера на публике не было. Ну что же? Самый лишь прозорливый сыщик и тот только по физиономии мог меня узнавать где-нибудь на заседаниях. Я же был совершенно никто. Я ведь только в 1916 году университет закончил.

— Что вам помогало выстоять?

— Глубочайшее признание испытывал я и в отношении Родины, и в отношении России, глубочайшее признание и любовь.

Когда первая мировая война разыгралась, я испытывал огромный патриотизм. Всегда Родина для меня была на первом месте.

— Желание уехать, значит, не могло возникнуть?

— Нет, никакого намека не было, чтобы уезжать, да и у начальства никакого намека не возникало, чтобы меня куда-то высылать. Ничего этого не было.

— А как развивалась ваша карьера после университета?

— Я поступил в две гимназии, преподавал литературу. Но нормально только два года пробыл там, потому что 1917/18 учебный год был последний, когда преподавание и распорядки еще шли нормально, по старым программам.

Уже осенью 1918 года пришел человек и говорит: «Будьте добры, объединить вашу школу, — а это была женская гимназия, — с какой-нибудь мужской. Мы не признаем раздельного обучения». К этому времени уже создали районные Советы народного образования. Они-то и начали объединение школ.

Старые программы, учебники запрещены как контрреволюция. Что преподавать — неизвестно. Оставалось только беседовать и во время этих бесед учить. Задавать на дом уроки — контрреволюция! Экзамены?! Что ты! Контрреволюция!! Словом, началось шурум-бурум...

Я приходил в гимназию и спрашивал заведующего: «Ну что же мне делать?» Он отвечал: «Ученики кой-какие собрались. Наберите группу и скажите, чтоб они шли в аудиторию, и там им что-нибудь почитайте».— «Позвольте, но ведь там же будут люди разного возраста. Что же я буду читать?» — «Ну что-нибудь. Да, только не вздумайте задавать на дом».

— Что же вы им рассказывали?

— О Пушкине рассказывал. Я в то время любил Тютчева и Фета, читал из них тоже.

Но главное было накормить. Поэтому ученики приходили утром и прежде всего снаряжали повозки за продуктами. Часам к двенадцати дня доставляли довольно много всяких продуктов. Даже кое-что вареное и печеное привозили. Поев, ученики расходились по домам. Так продо-

жалось два или три года... Вот как отразилась революция в средней школе.

Я очень любил преподавание и потому держался за школу, хотя уже был профессором избран. И продержался я до 1925 года. Но тут уже стало нестерпимо. Да, вероятно, и меня тоже не очень хотели удерживать. Так что среднюю школу пришлось оставить.

В начале двадцатых годов много делал докладов по эстетике, а тут как раз в консерватории водворилось начальство, которое хотело обновить казенные знания музыкальной теории, музыки. Меня пригласили как человека, способного оживить преподавание.

Правда, многие были против этого, но все-таки меня взяли, сделали профессором консерватории. А профессорами тогда, кстати сказать, делали кого угодно. Еще в 1917 году было объявлено: все преподающие в университете имеют звание профессора. Так что и я стал профессором. И только в 1923 году меня в Государственном звании утвердил Государственный ученый совет (ГУС).

— А чтобы поступить в университет, какие требования предъявлялись?

— Не надо было ничего кончать, ничего! Только справка из домового комитета, что тебе исполнилось 16 лет. Если такую справку приносил — тебя зачисляли в студенты. В университете тоже не было ни лекций, ни учебных руководств. А уж об экзаменах и вспоминать нечего.

Так продолжалось все 20-е годы. Только в начале 30-х годов Сталин вдруг сообразил: что же он делает такое? Страна погружается в невежество. И он начал действовать.

Во-первых, воссоздал историко-филологические факультеты, которые были закрыты в 1921-м. Открыл так называемые ИФЛИ — институты философии, литературы, истории в Москве, Киеве, Ленинграде. С того момента стали и в средней школе, и в высшей школе немножко прижимать.

Вот, Аза (А.А.Тахо-Годи, жена А.Ф.Лосева), которая училась в средней школе в 30-х годах, свидетель. На ее глазах стали выпускать учебники, стали задавать на дом, ввели экзамены. Так что к началу сороко-

вых уже многое возвратилось на круги своя. А та ужасающая картина, которую я тебе изобразил, относится преимущественно к 20-м годам.

— А как вы встретили революцию?

— Я тебе уже не раз давал понять, что углубленно, всю жизнь, начиная с последних классов гимназии, занимался только наукой. Именно потому у меня в конце 20-х годов вышло сразу несколько книг.

Да, с гимназических лет я жил только тем, что изучал разные науки, на разных языках, все остальное меня нимало не занимало.

— То есть вы выжили вопреки обстоятельствам?

— Я просто жил и работал. В 1921 году я был избран профессором Нижегородского университета. Так что я ездил туда на неделю, на две — читал лекции.

— А мировоззренческая сторона происходившего вас не задевала?

— Моя мировоззренческая сторона в изучении античности, античной философии, во всех видах, но по преимуществу — Платона, Аристотеля и Платина.

— Представим себе 25 октября 1917 года. Что вы ощущали в этот день, в последующие?

— Я считал, что безобразие и беспорядок должен скоро кончиться. Они и кончились. Только не скоро, а в середине 30-х годов. А все 20-е годы был полный сумбур.

— И от этого сумбура защищала вас наука?

— Я в этом сумбуре был только для получения жалованья. А по существу занимался всегда одним делом — историей античной философии. Поэтому у меня уже в 20-х годах вышло несколько книг. А в 1930 году увидел свет большой том страниц на девятьсот «Очерки античного символизма и мифологии».

— Как происходило сочетание тех реальных политических обстоятельств с вашим мировоззрением?

— Глубоко, но постепенно. В середине 20-х годов я стал задумываться над тем, что творится. А в 1929 году я уже написал статью под названием «Социальная сущность мешанства». Она не напечатана и, по-моему,

Алексей Лосев — гимназист.
Публикуется впервые

погибла. Некоторые ее идеи вошли в работу «Классическая каллокагатия и ее типы». И в частности, что мещанин, будучи неучем, развивает такие позитивистские и грубоматериалистические взгляды, которые вульгаризируют все и вся.

— Но как же вы тогда все-таки уцелели во всей этой круговерти?

— Но ведь я же политикой не занимался и даже интереса к

этому не имел. Меня, конечно, прорабатывали... И, кстати, прорабатывал знаешь кто? Деборин и его сторонники.

Был такой меньшевик Деборин, который захватил к 1930 году все ведущие позиции. Он и академик, и профессор университета, ведал журналами и был вообще всем. Его Сталин пустил, но до поры до времени, зная, что тут есть еще и другие люди... Во-первых, ученики самого Деборина, а потом и неученики. Когда Сталин увидел, что можно заменить Деборина, то

дал его травить. В 1931, 1932 годах Деборин был изгнан со всех постов. Но тут нужно сказать вот что. Он пытался защитить себя в ЦК таким образом: «Что же вы, дескать, такого идеалиста, как Лосев, печатаете, разрешаете, а меня гоните, а я старый марксист».

Но он не столько старый марксист, сколько — старый меньшевик. Вот из-за таких людей меня здорово травили в тогдашних журналах, в конце 20-х годов.

А на XVI съезде ВКП(б) в 1930 году вовсе скандальчик вышел. Мои труды признали идеалистическими, а самого меня объявили «вождем кулаков».

Главным предметом нападения была моя книга «Диалектика мифа». Каганович говорил, что ведь вы посмотрите, какие примеры приводит Лосев. Он же такие приводит примеры из мифологии, чисто контрреволюционные примеры.

Тут стали спорить. Одни говорят, что это только отдельные мифологические сценки. А потом Каганович произнес фразу, от которой мне житья несколько лет не было. Он говорит: «А мы за такие сценки ставим к стенке».

После возвращения из лагеря везде работал временно. В Москве имел несколько мест, в Куйбышев ездил, в Полтаву...

Слушай, Юрий Алексеевич, скажи, пожалуйста, а что, в последних изданиях есть термин «меньшевиствующий идеализм»?

— Нет. Теперь, наверное, будет писаться новая история партии, философский учебник. Тогда там и упомянут, должно быть, как левачество.

— При таком разброде мнений, который сейчас выявляется, пожалуй, рано писать историю... Потом ведь замечать — личность Сталина остается в тени. Поговаривают осуждающе, немножко критикуют, но подлинной величины его деяний, подлинной преступности не вскрывается. А без Сталина, который царствовал 30 лет над всей Россией, как же писать историю?!

— Удастся ли нынешним ученым сказать свое слово в философии?

— Едва ли, едва ли удастся.

— А в чем тут причина?

— Ну, причина в том, что благодарят судьбу за то уже, что

А.Ф.Лосев в последние годы жизни. Фотографии сделаны во время бесед.

Обложка конверта А.Ф.Лосева о Павлу Флоренскому. Верхняя строчка написана рукой А.Ф.Лосева. Приписка внизу рукой о.Павла Флоренского «Получ. 1918.III.29. Серг.Пос. (из Москвы прислано)».

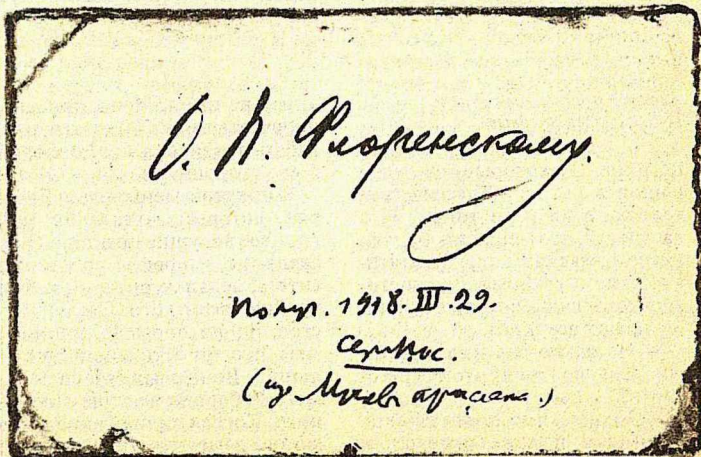
дают им, например, возможность какого-нибудь Августина изложить. А то ведь и изложение Августина считалось контрреволюцией. Сейчас все-таки об Августине несколько интересных работ появилось. Ну, в дальнейшем, думаю, будет и более серьезная оценка Августина. Но то, что сейчас делается, по-моему, очень интересно и важно.

II
— Алексей Федорович, я знаю, что в годы войны дом на Арбате, в котором вы жили, был разбит...

— Фугасная бомба разрушила дом, убила мою тещу и лишила нас крова, а также библиотеки, архива. Все это оказалось под землей или сгорело. Сейчас такую потерю я бы не смог пережить, вероятно. Ну, а тогда еще был не стар, силенок достаточно. Погоревал и стали восстанавливать быт, библиотеку. Конечно, полностью это не удалось. В старой библиотеке были такие интересные вещи, которых нельзя достать. Например, у меня были подобраны диссертации по философии с XVIII века. Практически по всем философам имел диссертации. Большинство создавались в духовных академиях. Там отстаивалась либо православная, либо католическая, либо протестантская позиции. И защищалось это не на философских кафедрах, а в духовных академиях. Это ценнейший материал, и все погибло! Остались отдельные книжонки.

Наше горе с Валентиной Михайловной (первая жена А.Ф. Лосева, скончалась в 1954 году) не знало границ. Войны, гибель близкого человека и практически полная утрата библиотеки. Но жена держалась стойко.

— А в каком году вы жени-

лись на Валентине Михайловне?

— В 1922. Она на пять лет меня моложе.

— Алексей Федорович, а почему у вас детей не было?

— Исключительно потому, что она и я были преданы науке. Перспектива иметь детей, воспитывать, учить привлекала. Но загруженность мешала нам тогда иметь детей. Она же тоже кандидат физико-математических наук. А я же в 20-е годы катал свои томы. Так что соображения, может быть, низменные или плохие, во всяком случае слишком эгоистические, помешали нам иметь детей. Я сам не очень большой поклонник такого образа жизни, но так вышло в моей судьбе.

— Плохо быть сухарем?

— Да, конечно, да-да. Потом, разве не было великих людей, которые имели бы семьи? Сколько угодно. И по одному, и по два, и по три человека, и по десять человек.

— Достоевский пишет, что счастье человека на четыре пятых состоит из здоровья его детей, следовательно, человек, не имеющий детей, может только на одну пятую быть счастливым.

— Может, это и так, только это все-таки очень строгое правило, очень строгое, и требует ото всех невозможного. А я думаю, что некоторым надо запретить иметь детей.

— Кроме того, любовь проявляется и в деятельности человека, в его трудах...

— Вот тут, с трудами, вышло, или, по крайней мере, вышло всю жизнь, а вот с детьми-то не вышло. Но откуда и как — прямо сейчас для меня загадка, почему я в пятом, в шестом классе, а всего было восемь классов (потому что два приготовительных — это было уже приходское училище), а, вернее даже, с четвертого класса, — почему такой напор проявил на науку? Ведь ни одного намека на ученого человека нет в моем роду ни по матери, ни по отцу.

— Наверное, это от любви матери к вам. Наталья Алексеевна имела ведь нескольких

детей, а остались жить только вы.

— Она, наоборот, стремилась к простоте.

— Но эта простота, видимо, организовала вашу жизнь.

— Она отдала в приходское училище, в то время как многие знакомые говорили: «Ну что, там же шпана, там же люди, которые явно не будут продолжать образование, им просто надо быть грамотными». Значит, отдать в приходское училище считалось скорее унизительным...

— Но ведь потом она отдала вас в гимназию, а не могли бы вы подробнее рассказать о том времени?

— Гимназию безнадежно оклеветало два человека. Это, во-первых, Чехов — «Человек в футляре», и второй, композитор Мусоргский в романсе «Семинарист». Изображен семинарист, который зубрит латынь и вспоминает девушку, в которую влюблен. И, значит, среди зубрежки этого латинского текста говорит ей разные нежные слова и фразы. Композитор хочет показать, насколько далека от жизни эта школа с ее латынью. Когда говорят, что царское правительство насильственно вводило классицизм, то это почти правильно, ведь было тому большое сопротивление. За классицизм стояли люди более образованные. А менее образованные возмущались: «Зубрить латынь никогда никому не нужно... Что за наказание?!»

Эти взгляды укоренились в нашем обществе. И греческий, и латынь почитают за наказание, за ненужный вздор.

Недавно речь шла об издании словаря латинского языка. Собрались так называемые издательские специалисты. Председательствующий спрашивает: «Скажите, пожалуйста, а какой народ говорит по-латыни?»

Ему говорят: «Что вы, латынь кончилась в начале средних веков, никто не говорит».

Тогда председатель говорит: «Какого же черта мы обсуждаем издание словаря такого языка, на котором никто

не говорит». Так рассуждает наш современник!

— Ну не все столь невежественны. Раздаются голоса даже в пользу возрождения гимназий.

— Мне кажется, кто хочет иметь классическое образование, пусть идет в гимназию, кто хочет — естественно-научное, пусть реальное имеет.

Сейчас настоящие интересы разошлись и стали такими острыми, что нельзя всех затыкать в одно... Только математика, и больше ничего. Есть сейчас математическая школа, где ничего, кроме математики, нет. Но это же идиотизм.

И если ты откроешь школу, в которой ничего, кроме латыни, нет — тоже идиотизм.

По-моему, нужно вводить разные типы школ. Тогда население само будет распределять детей по склонностям. Одни — в гуманитарные, другие — в физико-математические, третьи — в технические, инженерского типа. Да мало ли можно типов придумать?! Есть же у нас средняя школа, которая и музыкальное, и общеобразовательное дает...

Так, а почему же нельзя дать две другие специальности? Но мои идеи никто не признает, и все ломают только одно: либо гимназия, либо науки перешершние, причем гимназию все отрицают. Это, по-моему, скверно и очень снижает советскую культуру.

— Алексей Федорович, а когда вы первый раз влюбились? В гимназии?

— В гимназии? Нет, не было...

— А на пароходе, когда вы познакомились в своем последнем гимназическом путешествии летом 1911 года с Верой Знаменской? Я нашел ваши письма к ней в ГПБ...

— На пароходе? Нет! Там возвышенный романтизм был. Я же все-таки романтик, а девушки все были довольно такие прозаические, так что найти материал для романтической влюбленности очень трудно.

В университете несколько таких намеков на влюблен-

ность было. Но тоже в чисто умозрительном плане. Все у меня отняла наука. Всю жизнь у меня отняли эти четыреста работ, которые написал, эти двадцать пять томов больших, которые издал.

Я заплатил за это семьей, любовью к женщине. Всем заплатил! Всю жизнь отдал! Была еще одна область, которой я много души отдавал: музыка. Я же музыкант. Я ведь брал уроки еще ребенком у Ф.Стаджи.

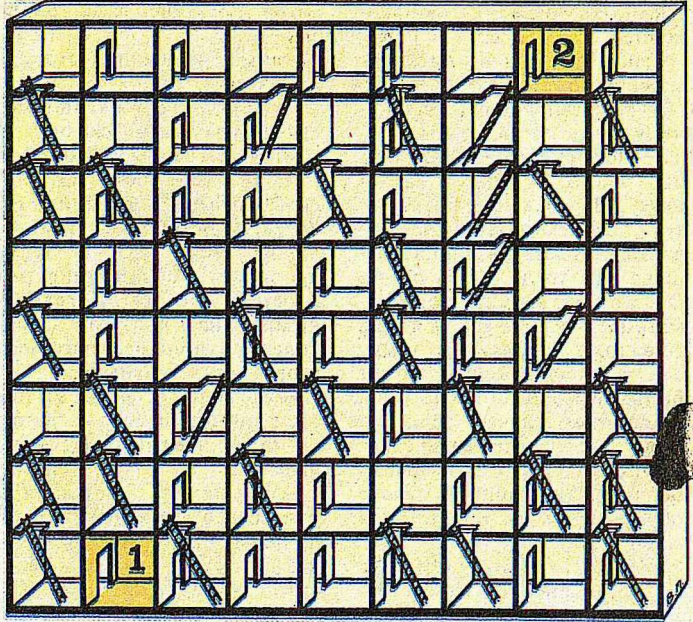
Можно считать даже, что я кончил его школу. Хотя строго утверждать этого нельзя. Существовала договоренность между гимназией и музыкальной школой Ф.Стаджи о том, чтобы гимназисты самостоятельно к нему не ходили, параллельно в этой школе учиться не могли. Наоборот, музыканты приходили в гимназию. Это, конечно, снижало несколько и качество преподавания, и требовательность к нам. Когда переехал в Москву, то тут года два я еще скрипел на скрипке, да и то большей частью летом, в каникулы. А потом интерес пропал. Началась такая стихийная научность, которая поглотила все прочие увлечения. Я тебе прямо скажу, что мало встречал в жизни людей, которые так преданы науке, как я. Мало встречал.

Вот и сейчас страдаю, болею. Ты думаешь, я физически болею? Физически я стар и, конечно, болею и должен болеть. Но самая большая боль — то, что я сократил свои занятия. Сейчас не могу так заниматься, как раньше, и не могу так быстро, так отчетливо формулировать для своей работы.

Так что у меня главная трагедия сейчас — это не старость и не болезнь, а то, что приходится сокращать свои научные изыскания.

Вообще, ты ученых найдешь очень много, и гораздо более ученых, чем я. Но преданных науке, таких, как я, — ты не найдешь. Чтобы с пятого-шестого класса гимназии каждый день философствовать, что-нибудь мировоззренческое читать, писать, обдумывать... Не знаю, у кого это было, не знаю.

Беседа вел Юрий Ростовцев

ЛИКИ

Алексей Бельмасов

Мгновенные мысли

Мысль никогда не начинается и никогда не заканчивается: она всегда мгновенна. Как сигнал. Как лучок света, выхваченный мозгом из мира.

Чем глубже наше видение проникает в прошлое и будущее, чем большее пространство оно охватывает и чем стремительнее проходит это пространство, чтобы уйти еще дальше и глубже, тем в меньшей зависимости от времени мы оказываемся, тем больше мы становимся над временем и вне времени.

Каждый час, каждый год, каждый век во всем человечестве вызревают какие-то определенные идеи.

Идеи, окрыляющие человека и подталкивающие его в спину.

Философы вечно идут за призраком идеи мира, стремясь поближе разглядеть этот призрак.

Они ткуют сети-системы и забрасывают их в космос.

Они ищут в самих себе идею мира. Но рано или поздно замечают, что

камни, трава и деревья, в сущности, ничем не отличаются от человека.

Чем ближе становится мир — тем он становится дальше.

Философы умирают глубокими детьми.

Человек никогда не сможет выйти мыслью за пределы себя самого, за границы себя самого.

Даже сумасшествие не способствует этому.

Даже смерть, служащая лишь для обновления живого, не может «позволить» человеку не быть человеком.

А это значит: человек никогда не узнает того, что ему не дано знать.

Мир человека-ребенка открыт ветрам из космоса.

Ветрам, которые несут в себе солнечную энергию и энергию пространства.

Космос открывает перед этим миром будущее, и поэтому дети растут.

В мир человека-старика задувает из неизвестности.

Поэтому человек-старик так прост, так тих и так благогазумын. Человек-старик больше растерян, чем испуган, перед неизвестностью.

Человека человеком сделал страх. Труд — это лишь метод, каким человек «лепил» себя. Но трудиться заставлял человека страх — инстинкт самосохранения.

Наше тело — кожа, кости, мышцы, внутренние органы — есть только сосуд, в котором живет и развивается, как в защитной оболочке, мозг.

Мозг есть человек. Тело есть броня мозга.

Будущее каждый из нас идет в одиночку, но при этом мы идем все вместе.

Это наш страх сравнил состояние сна с содержанием смерти, это он «придумал» бездонное — Ничто.

Человек не рождается вновь тем, кем он был до своей смерти. Если бы так было, то люди и сегодня жили бы в пещерах, а весь организм — Человечество не развивался бы никогда.

Смерть живого — это смерть старого как предтеча рождения нового.

Человеческое общество — вот та питательная среда, от которой получает заряд на развитие всякий рожденный человек.

Практически, конкретного человека «делают» общество и среда. А рождение — лишь повторяет человеческий материал.

Каждый из нас не принадлежит себе лично.

Уяснив это, нетрудно будет признать положение о бессмертии человека как частицы Человечества.

Мы думаем о каком-то конечном, когда-то достигнутом счастье! Но в поисках совершенства жизни таится та же бесконечность, что и во времени, что и в пространстве. Жизнь — это уже счастье.

Смерть — это уже счастье. Все, что есть на земле и в космосе, — это счастье. Потому что ЭТО есть. Потому что небытия нет и не может быть.

Сегодняшний день — это третья ступень развития общества: вначале жили племенами, потом — городами (княжествами), теперь государствами.

Несомненно, должна быть четвертая ступень, когда исчезнут границы между людьми, когда люди начнут жить одним обществом. Возможно, на первых порах в обществе сохраняются какие-то управленческие рычаги и службы, но это только до тех пор, пока каждый человек не осознает, не поймет, не прочувствует всем своим существом, что он есть кровная частица того общества, в котором живет, что он есть живая клетка цельного организма — Человечества, что он не принадлежит себе лично и никто не принадлежит себе лично, потому что каждый принадлежит целому, каждый составляет и наполняет целое.

Творимое людьми зло — временно. Оно — от первобытности Человечества.

Совершая преступления против человека и общества, преступник совершает преступление против себя самого, потому что он способствует сохранению всех границ между людьми.

Где нахожусь я сейчас — в жизни или в смерти?

Если в жизни — почему душа словно спутана мраком и мысли вязнут во мраке?

Если в смерти — почему я забыл об этом?

Вероятно, люди с самого начала разделились на разных людей. Однако и это сплошное разнообразие имеет три ярко выраженных лагеря:

в первом — еще не родившиеся, во втором — живущие, в третьем — умершие.

Все, что человек производит, — он производит из самого себя. Он словно выкапывает из собственного мозга различные предметы, технику, оружие. Выходит, породив человека, мир породил в человеке и атомную бомбу, и впоследствии человек только отделил от себя эту бомбу и построил ее.

Значит, атомная бомба всегда существовала в природе, она есть явление природы!

Мир справедлив ко всем: рождающееся — рождается, живущее — живет, умирающее — умирает.

Среди умерших каждый живущий может найти свое подобие.

Практически, все мертвые отражаются и светятся в живых.

Каждая новая эпоха разрывает в ключья многие существующие истины.

Это делается неосознанно, чтобы следующая эпоха взялась скрупулезно восстанавливать разорванное, как незаслуженно утраченное.

Если вы почувствовали, что в жизни больше нет и не будет для вас ничего нового — значит, вы повернулись лицом к смерти.

Человек растет потому, что в нем растет мир.

Но рано или поздно миру становится тесно в человеческом теле — и мир покидает его. Тогда приходит смерть.

Человеческий разум настолько гибок, он обладает такой превосходной маневренностью, что способен все свои эмпирические знания о мире «передоказать» в обратную сторону: найти логическое подтверждение тому, что белое является черным, а черное — белым.

Мы говорим о неведомых параллельных мирах, не задумываясь над тем, что неведомыми и параллельными по отношению друг к другу мирами являются сами люди.

Мысли нужна тишина.

Как организму для жизни нужно воздушное пространство, так мысли для полета необходима сфера, не загроможденная и не заставленная шумами.

Иначе мысль потеряет свободу и разобьется о какое-либо препятствие.

Мы обречены двигаться к совершенству — для этого мы и брошены в мясорубку жизни.

Если бы в мире существовало только добро, оно, как бесконечная пустыня, стало бы невыносимым.

Жизнь творит историю только затем, чтобы «забросить» ее в будущее, — чтобы у настоящего были какие-то вешки, ориентиры. Ведь человек становится тем богаче и развивается, чем длиннее его история. Как будто оставляя ее в прошлом, он приобретает ее в будущем.

Мы называем этот процесс «приобретением опыта», но с таким же правом мы могли бы характеризовать его формулировкой: прошлое есть будущее.

SHERLOCK HOLMES
CONSULTING DETECTIVE

Sherlock Holmes

221b Baker Street
London NW1

ШЕРЛОКОМАНИЯ

В гостях у знаменитого сыщика

«Вы сможете увидеть это в моем музее». Внимательные читатели А.Конан Дойла помнят эту фразу, произнесенную Шерлоком Холмсом в «Голубом карбункуле».

Фактически открытие частного музея Шерлока Холмса состоялось сравнительно недавно — 27 марта 1990 года — естественно, в знаменитом доме 221Б по Бейкер-стрит в Лондоне.

Напоминаю о том, что Шерлок Холмс и доктор Ватсон, к сожалению, выдуманные персонажи, но тем не менее читатели из многих стран мира пишут письма обожаемому герою вот уже на протяжении ста лет, а сейчас благодаря группе почтателей из разных стран стало возможным увидеть, где и как знаменитые герои Конан Дойла жили во времена не менее знаменитой королевы Виктории.

Шерлок Холмс и доктор Ватсон жили в доме 221Б по Бейкер-стрит приблизительно в 1881—1904 годах. Они занимали второй этаж многоквартирного дома, хозяйкой которого была достопочтенная миссис Хадсон. В кабинете Холмса и Ватсона вы можете примерить шляпу Ватсона, покурить трубку Холмса, помешать угли в «живом» камине, разлечься на продавленном диванчике, держа в руках

знаменитую скрипку, а если вам внезапно стало плохо от переизбытка впечатлений, то поройтесь в медицинском чемоданчике Ватсона, может быть, найдете что-нибудь полезное для себя.

К задней части кабинета примыкает спальня Холмса, а спальня Ватсона находится рядом с комнатой миссис Хадсон. В комнате Ватсона посетители могут просмотреть литературу, фотографии и газеты времен викторианской Англии, а в ком-

THE SHERLOCK HOLMES MUSEUM & SOUVENIR SHOP
221b BAKER STREET, LONDON NW1
TEL: 071 935 8866

REGENTS PARK

221b BAKER STREET

SHERLOCK HOLMES MUSEUM

MADAME TUSSAUX

MARYLEBONE ROAD

GIFTS & SOUVENIRS
POSTCARDS
BOOKS
PRINTS
TEE-SHIRTS
GAMES
VIDEOS
...AND MUCH MORE

нате миссис Хадсон стоит величественный бронзовый бюст Шерлока Холмса, здесь же вы сможете ознакомиться с письмами, адресованными Холмсу, и предполагаемыми ответами на них.

Придя в музей, вам, вероятно, захочется узнать, к какой из категорий посетителей вы можете себя отнести:

а) вы знаете о Шерлоке Холмсе совсем немного, видели всего лишь один-два фильма, посвященных его приключениям; кроме того, вы кое-что слышали о Холмсе как об одном из великих детективов, и вполне возможно то, что посещение знаменитого дома на Бейкер-стрит не произведет на вас большого впечатления;

б) вы много слышали о Шерлоке Холмсе, прочли множество книг и просмотрели большое количество фильмов о герое Конан Дойла. Кроме того, вы являетесь поклонником знаменитого сыщика. И вам понравится посещение комнат музея, если они будут соответствовать вашему воображению;

в) вы знаток Шерлокианы. Вы можете обсуждать и дискутировать на тему о Шерлоке Холмсе, вновь и вновь перечитывать все 60 историй сэра Артура Конан Дойла, в том числе и произведения других авторов, посвященные великому сыщику. И неудивительно, если сами написали хотя бы один рассказ о знаменитом Холмсе. Вы должны посетить музей на Бейкер-стрит ради исследовательских целей. А после посещения дома 221Б вы имеете полное право либо похвалить, либо раскритиковать старания создателя музея.

К какой бы категории вы ни принадлежали, вы можете прийти в музей хотя бы ради обычного обывательского любопытства, распечатать в книге посетителей, сфотографироваться где угодно, а когда вы решите, что пора покинуть апартаменты Шерлока Холмса, то не забудьте взять визитную карточку с точным адресом знаменитого сыщика — вдруг пригодится:

Sherlock Holmes
221b Baker Street
London NW1
England

*Побывала у Шерлока Холмса
Ольга Пальчевская*

Стивен Марлоу

Блондинка за рулем

1
Это был открытый автомобиль ярко-красного цвета с кожаной обивкой салона кремового тона. Глядя под загорелую руку девушки, я увидел, что стрелка спидометра полезла вверх и замерла на 110 милях. Бортовой щиток напоминал щиток «Бьюика».

— Не знаю, почему я это делаю,— произнесла девушка.

Над раскаленным асфальтом висело марево. Справа вдоль дороги мелькали кривые сосны, слева они были реже и перемежались пальмами, частично скрывавшими пляж и синюю воду. Я спрашивал себя: сколько же времени мы катим в таком темпе? Я также спрашивал себя, а известно ли мне имя девушки. На ней был желтый купальник без бретелек, стянутый в области бедер, и с очень низким вырезом, открывая ложбинку, более темную, чем остальная часть тела. Длинные светлые волосы билась на ветру, изредка падая на плечи и затылок. Ярко-зеленые глаза с эмалево-белыми белками выделялись на ее загорелом лице. Она не спускала взгляда с дороги, уставившись прямо перед собой.

— Вы не знаете, почему вы делаете это? — спросил я.

«Бьюик» замедлил ход. Бедро девушки зашуршало по коже сиденья, когда она перенесла правую ногу с газа на тормоз.

— Если вы выбираете такое поведение,— сказала она,— мы можем немедленно остановиться. Конечная остановка.

— Жаль. Я ничего не помню.

— За кого вы меня принимаете?

Ее сжатые губы вытянулись в прямую ниточку — красный шрам на бронзе лица.

— Нет. Мне случается забывать. Я изо всех сил пытаюсь вспомнить, но чем больше усилий прилагаю, тем хуже становится. Я не знаю, сколько времени мы едем. Я не помню о нашем отъезде. Я не знаю, кто вы. У меня болит голова.

Мы ехали теперь со скоростью 50 миль. Слева возник бело-черный указатель: «Флорида А1А, Дорога к Океану».

— Это истинная правда,— снова заговорил я.— Я ничего не помню.

— Вы умоляли меня отвезти вас прошлой ночью. С тех пор мы безостановочно едем. Вы хотите уверить меня, что страдаете амнезией?

— Нет. Они выдумывают всякие хитрые словечки, чтобы описать мое состояние. Послевоенный невроз. Воинское истощение. И прочее в том же духе. Вчера я был в Южной Каролине. В Самтере. По делам. Я должен был прилететь самолетом. Не помню.

— Вчера вы были в Сент-Огюстине. Я нашла вас на пляже, вы читали газету.

— Воскресную газету, — тупо повторил я. — Боже! Куда делась прошлая неделя? Во вторник я был в Самтере. В среду...

— Закурите сигарету, Фред.— Ее сумка лежала между нами на сиденье. Она порылась в ней правой рукой и передала мне пачку «Кэмела».— Вы говорите мне правду?

Я прикинул от автомобильной зажигалки.

— Конечно, черт подери!

— Прошлой ночью вы словно убежали от чего-то. Я встретила вас на пляже во второй половине дня. Вы проводили меня до моего мотеля. А вечером вернулись. Вы были в жутком состоянии. Вы выпили. И вид у вас был просто жалкий.

Я опустил глаза на свою одежду — майка и брюки цвета хаки. Майка была разорвана и запятнана чем-то бурым.

— Думаю, это кровь,— сообщила девушка.

— Кровь? Я ничего не помню.

И это было действительно так. Врачи объясняли мне, что военный невроз проявляется поразному. У меня это была мгновенная амнезия, регулярно возвращающаяся и исчезающая, оставляя головную боль и полную пустоту в мозгах. Только время может меня вылечить, говорили они. Следовало забыть Корею. Поездить по стране. Действовать. Вести нормальную жизнь.

Я стянул майку через голову. Это и вправду походило на кровь. Я свернул майку в комок и выбросил в сторону сосен — она раскрылась, зацепилась за ветку и затрепетала на ветру, как белое знамя в лоскутах. Я почувствовал себя лучше, когда она исчезла за поворотом.

— Вы сказали мне, что вязались в драку. И вам пришлось побыстрее смываться. Было темно. Я задавала вам вопросы. А кровь разглядела только утром.

— Почему вы мне ничего не сказали? Если я влез в неприятности, вам не следовало совать свой нос в них.

— Вы правда ничего не помните.

Она улыбнулась мне, ее глаза впервые оторвались от дороги. Улыбка буквально осветила ее лицо и согрела меня. Я подумал, что неплохо иметь подругу, когда ты болен и нуждаешься в уходе, которого врачи обеспечить не могут.

— Прошлой ночью, после ужина, когда вы меня отвезли ко мне... ну ладно... если вы не помните. Попытайтесь, Фред...

— Я пытаюсь,— все, что со мной случилось с момента пребывания в Самтере в Южной Каролине, полностью улетучилось из памяти. Невозможно.

Она мигнула, и глаза ее увлажнились. Она с силой нажала на газ. Мотор взревел. Она перестала глядеть на меня. И безучастным тоном спросила:

— Значит, вы ничего не помните?

— Ни капельки,— признался я.— Лучше будет, если вы отвезете меня обратно. Если я совершил что-то дурное, то не буду удирать.

— Мы уже почти в Майами Бич. Можем доехать до города по кольцевой, а в два часа вы сядете в гаванский самолет. Вас никто не заставляет возвращаться, Фред.

— Надо. Если я буду все так же убежать от событий, я никогда не выздоровею. То же самое, что выбросить майку. Согласен, на ней была кровь. Это испугало меня. Каждый раз, когда я начинаю вспоминать, такие вещи ужасают меня. У меня могла идти кровь носом, или я мог пораниться. Что доказывает эта кровь? Такое случается часто. Я напился, ввязался в драку. Ну и дела!

— Кого вы пытаетесь убедить? Меня или себя?

— Ну и дела,— повторил я.— Мне надоело спасаться бегством. Если вы не можете отвезти меня обратно, доберусь автостопом.

— Я вообще-то никуда не еду. Мне казалось, вы хотите удрать. Могу подбросить вас куда желаете.

— Это действительно мое пожелание.

— Во сне вы сегодня разговаривали.

— Неужели?

— Да. Я боюсь, что речь идет не о простом кровотечении из носа, Фред. Вы не останавливались и повторяли, что вам жаль, что вам надо скрыться, и побыстрее. Вы дрожали, истекали потом, ругались. Вы говорили об убийстве.

Я вдавил окурок в пепельницу, потом вытащил ее из гнезда и высыпал на дорогу, глядя, как окурки ударяются о кузов машины. Потом глянул на солнце. Оно выглядело угрожающим в раскаленном и затянутом дымкой небе. По положению солнца я определил, что было около полудня и что будет еще жарче.

Я говорил об убийстве. Мне случалось делать странные вещи в том состоянии, которое охватывало меня, когда я забывал. Я говорил об этом позже, странным образом смотрел на людей, брюхо мое сжималось, и мне надо было напиться, чтобы забыть все по-иному. Я не мог долго оставаться в одном и том же месте. Мне надо было постоянно двигаться, чтобы люди не узнали. Но убийство... В Кенсингтоне, в штате Нью-Йорк, соседи обычно шепотом говорили обо мне, а родители улыбались, словно все это было пустяком, и доктор сказал «нет», что не стоит меня запереть в психушку, но лица их вынуждали меня удрать подальше. Они не понимали. И как они могли понять? Я не хотел, чтобы они понимали, ведь их жалость стала бы еще тяжелее для меня, а потому я и не мог оставаться на одном месте. Это было частью моей боли. До забвения я начинал говорить, и доктор утверждал, что это хороший знак, что люди будут заниматься мною, если предупреждены. Но я повторял себе, что это означает быть волком-оборотнем при полной луне, и если бы меня заперли в эту ночь, когда было полнолуние, все было бы отлично. Тогда я был бы спасен и мог бы выполнять самые разные работы.

А теперь я убил человека.

— Отвезите меня обратно,— потребовал я, за-

куривая новую сигарету — у нее был странный вкус. После первой затяжки я ее выбросил.

2

Мы въехали в Сент-Огюстин за час до наступления темноты. Бухта Матанзас сверкала от солнца, легкие яхты плясали на воде как поплавки. Большие рыболовные суда стояли у Муниципального причала. Я рассматривал сходивших на берег туристов, которые неверным шагом ступали на землю после целого дня в море. Мы поехали в сторону Лайон Бридж. Сент-Огюстин выглядел более испанским, чем Испания, если не считать языка. Выступающие балконы грозили обрушиться и перекрыть узкие улочки, но они были такими угрожающими уже несколько поколений. Решетки из кованого железа словно переносили вас в Новый Орлеан.

Туристы весело переговаривались, перекликались, строили планы на вечер. Я спрашивал себя, каково же это состояние беззаботности, думы про вечерние развлечения, про завтрашние планы, про планы на остаток жизни. Я пытался думать так же, но я не мог вспомнить, как думал раньше,— во все влезала Корея и последовавшее за ней, и в какой-то мере Корея от этого становилась менее тягостной.

— Вы помните, где... где это случилось, Фред?

— Нет.

— Мы можем отправиться в полицию, если вы решили. И можем пока не думать об этом. Только скажите, я развернусь и...

— Первое, что вы сделаете, это найдете где поесть. Но я не хочу отправляться в полицию. Пока. Я хочу восстановиться, что произошло, если возможно. Есть газеты, места, которые надо снова посетить. Я разберусь. Но не хочу оставлять вас рядом с собой. Вы поступили шикарно. Теперь вам пора возвращаться к своей жизни. Я должен вам обед, но не больше.

Я проговорил все это сухим тоном, потому что она отнеслась ко мне лучше, чем на то есть право в подобных обстоятельствах. Кроме того, мне не хотелось, чтобы она высмаркивала меня каждый раз, как возникнет необходимость.

Наш «бьюик» обогнул след за «кадиллаком» Маяк, потом пересек Лайон Бридж, чтобы попасть в сердце городка. Мы заметили небольшой ресторанчик с паркингом. Зашли внутрь. Я взял со стойки газету, потом официант провел нас в бокс и дал каждому по меню. Шапка гласила «Эль Пискадор». Рыбак. Снаружи я вывески не заметил. Я вспомнил о газете и о том, что в ней могло быть написано. Когда официант принес два стакана воды, я сказал:

— Пива. Побольше холодного пива.

Он вернулся с отпотевшим кувшином и двумя бокалами. Я сказал, что выберем поесть попозже.

«Эль Пискадор» был третьеразрядным заведением, климатизация отсутствовала, воздух пах прогорклостью. Официанты привыкли к тридцатипятиградусной жаре и мотались, не проливая ни капли пота, в своих замызганных смокингах. И дирекция не возражала против клиентов в заношенных брюках цвета хаки, теннисок и ничего больше.

— У меня нет мелочи, — сказала девушка. — Дайте мне десять центов.

Я порылся в карманах и передал ей монетку.

— Мне надо привести себя в порядок. Быть может, у них платный туалет, Фред. Я отлучусь на минутку.

Я так спешил наложить лапу на газету Сент-Огюстина! А теперь боялся прочесть ее. По дороге, когда мы возвращались, девушка сказала, что ее зовут Пети. Я смотрел, как она удаляется в глубь заведения, затянута в свой желтый купальник, мокрый и в пятнах от пота, ведь она ни разу не слезла с водительского места.

На нее было приятно смотреть, но была газета. Ладони мои увлажнились и запачкались в типографской краске. Руки немного дрожали, когда я разворачивал восьмистраничную газету на столе. Я еще не смотрел на нее. Я налил себе пива и освежил глотку, потом налил себе еще и задумался: черт подери, если я убил кого-то, то, значит, убил и событие не станет менее реальным, прочту я о нем или нет.

В Сент-Огюстине не более пятнадцать тысяч обитателей, и убийство может фигурировать лишь на первой странице. Через всю полосу тянулся жирный заголовок. Теперь мои руки дрожали по-настоящему. Мне не удалось налить новый стакан пива, и я желал, чтобы Пети поскорее вернулась из туалета и выручила меня. Я закрыл глаза и попытался представить себе, что нахожусь в Корее или где-то еще. Не получилось. Я глубоко вздохнул и подумал: во Флориде людей вешают или сажают на электрический стул или... Потом прочел: «В МОТЕЛЕ БУЕНА ВИСТА УБИТ МУЖЧИНА! РОКОВОЙ УДАР НОЖОМ ДЛЯ ТУРИСТА ИЗ ТАМПЫ».

На плохоньком фото виднелось расprostертое тело и три пары ног вокруг. На маленькой фотографии рядом был показан нож с защелкой, лежащий на носовом платке, а подпись гласила, что это было орудие убийства. В статье разяснялось, что Уолтер Пирсон, богатый фабрикант сигар, владел половиной города Айбор-Сити и был найден в восемь утра горничной, которая зашла в пустой номер, чтобы подготовить его для будущих посетителей. Номер уже был занят. Уолтером Пирсоном, убитым ножом с двенадцатисантиметровым лезвием, который торчал меж его ребер. Не было ни подозреваемых, ни мотивов преступления, ни улик. Была предупреждена миссис Пирсон, которая прилетела во второй половине дня, чтобы опознать тело. Газета обещала дать в завтрашнем номере интервью со вдовой. Начальник полиции обещал поймать виновного. Это было пятно на гербе города Сент-Огюстина и убийца — конечно, приезжий — будет изловлен, как утверждал начальник полиции.

Я вытер затылок носовым платком. Вентилятор лениво крутился под потолком, расклевывая липкую ленту для мух, но не освежая воздуха.

У них не было ни подозреваемых, ни улик. Они не знали причину, хотя подумали о краже, ведь Пирсон был богат... Мне случилось делать странные вещи во время приступов, но кража и убийство... Пиво тяжелым комком осело в же-

лудке, а под черепом начинала свербить невыносимая боль. Замечание Пети было верным. Но даже если именно я убил Пирсона, у меня не было ощущения, что речь идет обо мне. Не я, я не был убийцей. Эта странная вещь, которая иногда обрушивалась на мой мозг, и была убийцей. Но разве ее можно было извлечь из моего черепа, взять ее и сказать — вот, теперь вы свободны, свободны и здоровы, возвращайтесь домой, дружище!

Я встал. Оглядел людей, попивающих пиво, — они болтали и ели. Я слышал часть разговора — речь шла о ноже, об убийстве и о мотеле. Это было возбуждающе и подстегивало разговоры. Убийство в городке. Слово сюда приехала какая-то знаменитость, от этого край начинал выделяться на карте, это придавало ему значительность. Но в этом присутствовала и некая опасность — люди напоминали детей, набирающихся смелости войти в темную улочку, где в любую секунду может возникнуть угрожающий силуэт, который так и набросится на них.

Я подумал о типе из Нью-Джерси, у которого постоянно были черные мысли и у кого был иной военный невроз. Все это скопилось в нем, но никто не знал, хотя иногда его находили странным. А потом все разом излилось из него, и он стрелял до тех пор, пока сам не выдохся. А когда он закончил, путь его был усеян трупами, но он не испытывал угрызений совести. Он выглядел потерянными и удивленными.

Я встал и направился к двери, даже не вспомнив, что не заплатил за пиво. Я не знал, отправлюсь в полицию, чтобы заявить, что я, похоже, тот человек, которого они разыскивают, но не был в этом уверен, потому что ничего не помнил, или, напротив, пушусь в бега. Я не знал этого и не мог узнать, пока не окажусь на улице, но я не мог оставаться в «Эль Пискадоре» с газетой с жирным заголовком на столе и всеми этими говорящими людьми.

3

— Фред, Фред! Подождите, прошу вас!

Я обернулся. Это была Пети. Она бросила взгляд на газету, потом в упор поглядела на меня, но на таком расстоянии мне показалось, хотя я в этом не уверен, что она закусила губу. Она взяла со стола счет и принесла мне.

— Ну хорошо, Фред. Поедем в другое место. Заплатите и забудьте обо всем. Все уладится.

— Ну да. Уладится!

— Фред. Пожалуйста. Люди смотрят на вас. Вы обливааетесь потом, и у вас такое необычное выражение...

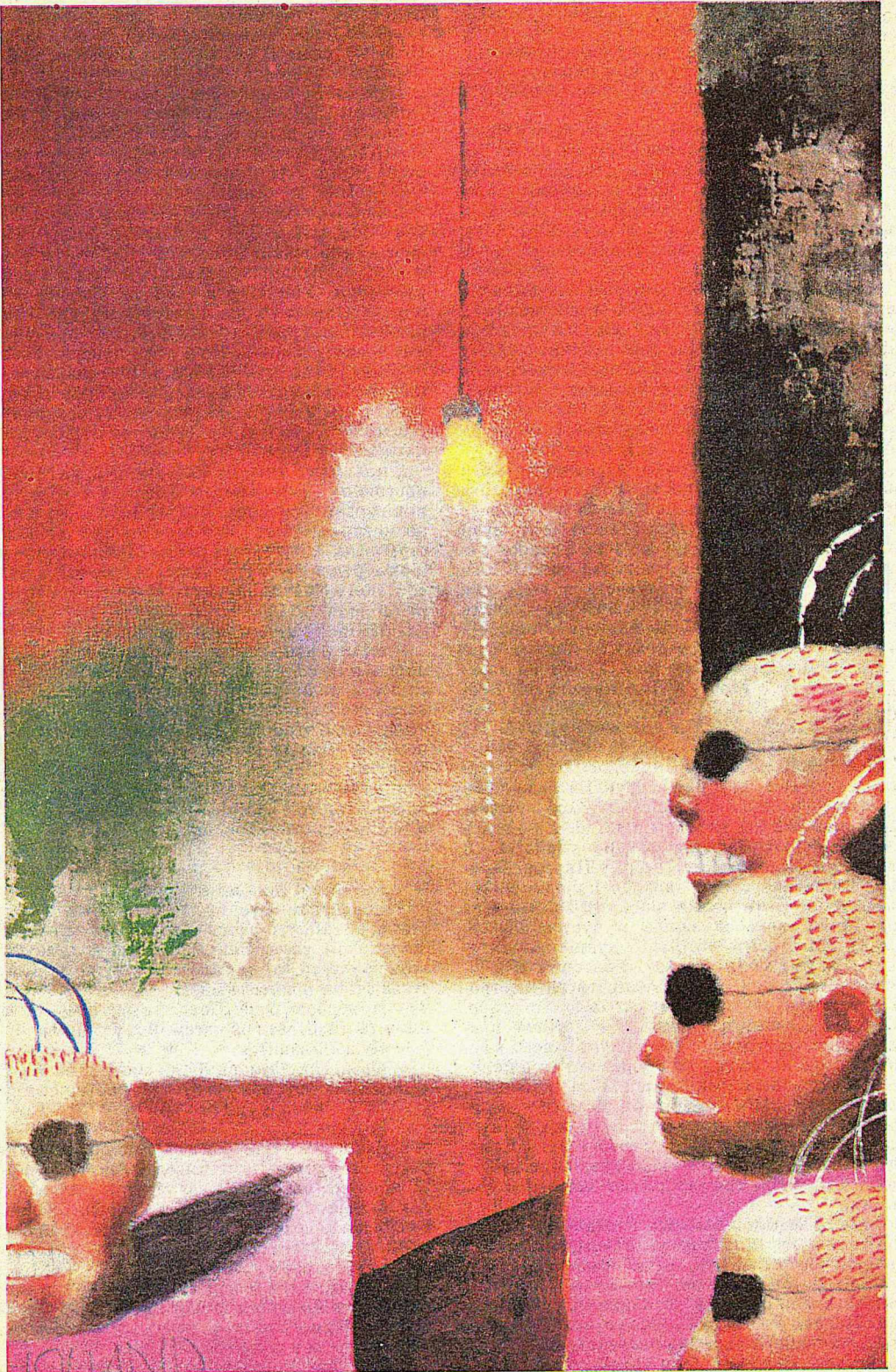
— Еще бы...

Я расплатился купюрой в пять долларов и сунул в карман сдачу. Пети вывела меня на улицу. Солнце уже опускалось, но горячий влажный ветер порывами обрушивался на город. Она схватила меня за локоть длинными загорелыми пальцами. Я чувствовал себя больным, и она отдавала себе отчет в моем состоянии.

В наступающем вечере ее желтый купальник и мои брюки как привлекали не очень дружеские взгляды. На нас смотрели почти все, пока мы шли к «Бьюику», и я сказал ей об этом.

— Мы можем поехать ко мне, Фред.

— Вы живете в Сент-Огюстине?

Это был риторический вопрос. В настоящий момент мне было все равно, где она живет — в Тимбукту или где еще. У меня было лишь два решения — сдать ее полиции или уехать отсюда. Я видел недостатки в обоих решениях, преимуществ не было ни в том, ни в другом.

— Нет. Я остановилась в мотеле. Я, конечно, не великий кулинар, но там есть кухонька. Поехали?

Это оставляло мне время на размышление. И исчезнет настырная толпа. А если у Пети, кроме еды, есть и виски, то в голове моей окончательно прояснится.

— Ладно, — согласился я, пытаюсь улыбнуться. Пети взяла меня под руку с видом законной владелицы и увлекла к «бьюику». Легкий сумрак пронзили первые звезды. Пети развернула «бьюик» в северном направлении, а затем свернула на национальное шоссе 1. Вскоре вместо старых огромных деревьев, покрытых лищайниками, появились молодые пальмы. Когда ночь уже совсем опустилась на побережье Флориды, мимо нас побежали сосны.

Далеко впереди нас справа кричаще красным мигала неоновая вывеска. Пети притормозила. Неон все так же мигал: «МОТЕЛЬ «БУЕНА ВИСТА». 25 номеров с кухнями»

— О Боже! — воскликнул я.

— Что такое?

— Вы читали газету?

— Только заголовок. Ой! Это здесь вы...

— Да.

— Простите меня, Фред, я не сразу сообразила.

Она затормозила и остановилась на обочине, потом выглянула из машины, наблюдая за едущими автомобилями. Мимо прополз едва освещенный автобус компании «Грейхаунд», потом пронесся студебекер.

— Сейчас развернемся, — выдохнула Пети, начиная крутой разворот.

— Нет, нет. Вы здесь живете, значит, здесь и перекусим.

Пети снова выехала на дорогу и свернула на заспанную гравием дорожку, ведущую к мотелю, длинному низкому зданию, стоящему метрах в двухстах от шоссе. Номера, казалься, были частью здания, поскольку их соединяли гаражи. Большинство гаражей было занято.

— Я восхищаюсь вами, — сказала она.

— Почему?

— Ведь если вы здесь... убили этого человека и возвращаетесь сюда, словно ничего такого не случилось...

— Я не уверен, что кого-то убил. Речь может идти о простом кровотечении из носа или о совпадении обстоятельств. Бегство не даст ничего. Если только не бежать всю жизнь.

— Именно за это я вами восхищаюсь. Что пишут в газете о предположениях полиции?

— Немного. Они пока еще ничего не нашли.

— Я едва успела прочитать заголовок, а потом бросилась вслед за вами. Я спрашиваю себя...

— Полиция тоже спрашивает себя...

света. Пети завела «бьюик» в гараж на другой стороне мотеля, но до того, как мы исчезли в тени между двумя номерами, я успел заметить белый автомобиль полиции. На виске у меня забилась вена. Полиция еще рыскала в «Буене Виста».

— Вот мы и приехали, — сообщила Пети.

Она порывалась за пазухой купальника и извлекла ключ с пластмассовой биркой. Я спрашивал себя, знакомо мне это место или нет. Иногда мелькали воспоминания о каких-то событиях, происшедших в период моего забвения. Номер убитого человека должен был походить на номер Пети.

Она нажала выключатель у двери, и комнату залил флуоресцентный свет, мягкий и ненавязчивый. «Буена Виста» не походила на мотель для ночлега, хотя вряд ли его клиенты оставались надолго, чтобы вкусить все прелести уюта. В обширном номере Пети стояли огромная кровать, комод из светлого дерева, туалетный столик, кресло современной формы, небольшой письменный стол и два стула. Маленький коридорчик вел к ванной. Кухня располагалась рядом с ванной, но это была скорее прихожая с плитой и крохотным холодильником.

Пети направилась прямо к холодильнику и извлекла янтарную бутылку «Шлиц».

— Начните с этого, пока я переоденусь.

— Я надеялся, что у вас есть что-нибудь того же цвета, но покрепче.

— Есть бурбон.

Она отвела меня в комнату, открыла нижний ящик комода и начала рыться в нем. Желтый купальник поднялся на бедрах и натянулся на выпуклой заднице.

Вскоре я с удовольствием потягивал бурбон, слушая возвышающуюся в кухне Пети. Я был голоден, но виски прочистило мозги. Я думал о том, что, вероятно, убил человека. После бурбона это казалось не столь уж серьезным, потому я подумал, что мне незачем спасаться бегством, пока у полиции не было следа. Я выпил еще, и мысли стали резче. На комод я нашел пачку сигарет и спички. Втянув дым, я почувствовал себя еще лучше. Шум, который производила Пети, казался мне далеким. Я надеялся, что она не будет спешить, ибо впервые за долгий, очень долгий день у меня появилась возможность расслабиться. А затем я стал надеяться, что она поспешит — я вспомнил ее фигуру, обтянутую купальником, ведь в жизни есть возможность расслабиться куда более приятная, чем бурбон.

Пети принесла две тарелки дымящихся спагетти. Она поставила их на письменный стол, улыбнулась мне, взяла стакан из моих рук и опустошила бутылку.

— Мне надо переодеться. — Голос ее едва долетал до меня сквозь пары бурбона. — Спагетти все равно еще слишком горячие.

Она тронула меня за руку, и я тут же забыл о пустой бутылке.

— Вы приступили к самой настоящей пьянке, — сказала она.

Я соорудил похотливую гримасу, какие строят в пьяном виде, вовсе не стараясь выглядеть похотливым. Пети, похоже, понимала, что

4
Машина повернула около конторы и столовой мотеля, откуда на гравий падали отблески

я в стельку пьян, ибо улыбнулась и повернулась ко мне спиной, чтобы расстегнуть «молнию» на боку купальника.

— Отвернитесь,— сказала она.

Я пытался отвернуться. Но завтра я скорее всего сдамся полиции, если изменю свое мнение, а сегодня вечером была Пети и выпитый бурбон, от которого сердце мое билось чаще. Вместо того чтобы отвернуться, я последовал за Петей, которая подошла к стенному шкафу, и глядел, как она выбирала прозрачный халатик цвета серебристого дыма и толщиной в три наложенные друг на друга паутины. Потом я положил ей руки на плечи и развернул.

Она медленно повернулась, правая сторона купальника открывала часть тела. Она была загорелой, а купальник на ней был желтый, но под купальником кожа ее светилась кремовой белизной, а на этой белизне, на полушарии груди, призывно светилось ярко-розовое круглое пятнышко.

— Вы прекрасны,— сказал я.— Вы прекрасны и были добры, хотя вас никто не обязывал. Мне были нужны все те слова, которые вы произнесли, все ваши жесты, все ваши поступки.

— Вы пьяны, Фред. Прошу вас.

Но она не отстранилась. Не оттолкнула меня. Руки мои соскользнули с плеч на гибкую талию, и я прижал ее к себе.

5

— Фред! О, Фред! Я вовсе не добрая самаритянка. И никогда ею не была. Я просто с самого начала прониклась к тебе. И сделаю ради тебя все. Абсолютно все. Я желаю... только того, что пойдет тебе на пользу.

Мы сидели вдвоем в одном кресле. Она закуталась в свое платье-паутинку, которое щекотало мне грудь. Я думал о полицейских, о человеке, который был убит в одном из соседних номеров, о своих приступах амнезии, когда я не знал, что делал, о том, что я всегда говорил об этом, потому что доктор не велел мне делать из этого тайны. Потом сказал себе, что все это глупости, о которых не стоит думать. Это могло подождать завтрашнего дня.

— Спагетти превратятся в жевательную резинку,— сообщила Пети и рассмеялась.

— Я не очень голоден.

— Лжец.

— Ты прекрасна.

— Ты уже говорил это.

— Просто прекрасна. Пети, я размышляю вслух, понимаешь? Я произношу все, что приходит мне в голову, не строя окончательных планов, и если я убил... этого типа, то, значит, был не в себе...

— Не надо искать себе неприятностей из-за этого? Ты это хотел сказать?

— Наверное. Мы могли бы сделать все, о чем вы говорили. Могли бы еще до утра уехать отсюда и...

— Фред, Фред, замолчи! Я была бы счастлива.

— Так зачем же молчать?

— Просто из-за этого. Поскольку я просто восхищена, и надо помолчать. Это не принесет

ничего хорошего ни тебе, ни мне. Вначале мы смоемся вместе, и это будет приятно, ведь мы влюбились друг в друга, мы начинаем любить друг друга, а новая любовь всегда заставляет забыть об остальном. Но так долго не продлится, и мы всю свою жизнь будем проводить в страхе, мучая себя вопросом: а не отыскали ли они улики, которые приведут к нам? Через некоторое время мы возненавидим друг друга, не захотим больше смотреть друг на друга и... нет, Фред. Так не пойдет.

Я улынулся, глядя на ее дрожащие губы. — Думаю, ты права. Только теперь, когда мы...

— Знаю. Это тяжело. Это несправедливо. Вчера было вчера, а сегодня у нас жизнь, которую мы желаем прожить вместе,— она обняла меня за шею и пригладила волосы.— А если бы это не случилось... Если бы все было как три часа назад, я бы сказала тебе: беги, но не теперь. Я говорила бы себе, что ты отличный парень, но болен. И поэтому беги. Отличный парень, сделавший что-то против своей воли, но из-за болезни он не смог сдержать себя. Ты убил Пирсона, и ничто не вернет ему жизнь. Я бы сказала: все к черту, беги.

Но не теперь. Теперь, если тыпустишься в бега, я хотела бы отправиться с тобой. Но мы не можем так поступить. Это невозможно. (Она говорила очень тихо, касаясь губами моего уха.) Надо найти иное решение. Эта твоя болезнь. Я не знаю ее. Я не врач. Но если можно доказать, что ты не знал, что делал, и что этого не случается, когда в порядке...

— Самое большее, что они могут сделать — это запретить меня в психушку,— горько произнес я.— Но, может, так и лучше. Черт подери, Пети, если я уеду с тобой и это повторится, ты можешь кончить так же, как этот тип, как его? Боже, Пети, я не хотел бы...

— Пирсон. Уолтер Пирсон. Ты никогда не причинишь мне зла, Фред. Послушай. Допустим, ты сдашься? Может быть, они тебя выльчат. Быть может, все это временно и пребывание в больнице выльчит тебя.

— Бесполезно. На севере они уже испробовали все.

— Может, здесь они знают иные методы лечения...

— Что ты сказала?

Я вскочил с такой поспешностью, что Пети соскользнула с моих колен и глухо ударилась о пол. Она так и осталась лежать на темном ковре в своем прозрачном одеянии.

Она с тревогой глянула на меня.

— Я сказала, что они, быть может, знают иной метод лечения, — она отвернулась.— Фред, не бери в голову. Если приступ возобновится, я с тобой. Я буду следить за тобой, не бери в голову. Не бери в голову, милый, я здесь.

— Перед этим. Ты назвала его имя. Имя убитого человека.

— Я... да. Я прочла в газете.

— Нет. Ты видела лишь заголовок. Ты повторила это дважды. Ты смотрела на газету всего пару секунд и прочла лишь заголовок.

Я пересек комнату, оставив Пети в другом углу. Бурбон испарялся из моего тела. Я чув-

ствовал себя одновременно чистым и грязным, и мне хотелось находиться за тысячи миль отсюда либо быть в руках полиции, но не здесь.

— Наверное, я прочла часть статьи. Что из этого?

— Это многое меняет.

Мне не хотелось на нее смотреть. Мне вообще не хотелось ее видеть. Я чувствовал себя больным, глядя на нее, или кончил бы тем, что убил бы ее. Я уже ничего не знал.

— Я встретил вас на пляже вчера,— холодно произнес я.— Мы долго болтали, потом вместе плавали и, наверное, понравились друг другу. Если мне грозил один из приступов, я рассказал об этом.

Я глянул на шкаф, дверца которого была откинута к стене. У Пети был незамысловатый гардероб. Но там были вещи, которых она наверняка никогда не надевала. Там висело два мужских костюма, несколько пар брюк. А кроме того, стояла мужская обувь.

— Вы уже начали строить свои планы,— продолжил я.— Если рядом с вами оказывался козел отпущения, тем лучше...

— О чем ты говоришь?

— Мне нет смысла вам объяснять.

Она была так прекрасна и так добра ко мне. Мне нужна была подруга, и я хотел бы быть с ней. И она была красива. Мне хотелось плакать и одновременно бить ее, пока не заболят руки. Но я не обернулся. Я по-прежнему смотрел в шкаф, почти надеясь, что именно я вонзил нож в тело Пирсона. Черт возьми, ведь я же был болен. Никто не будет разочарован. Никто не мог бы так стоять перед шкафом, едва сдерживая слезы.

— Я говорю о себе. О вашей жертве. Вчера во второй половине дня вы поняли, с кем имеете дело. Это было надежно. Я полностью отключился, и вы подумали: «Этот тип безумен, как повезло».

Я слышал, как она встала. Но не мог смотреть на нее. Я сказал:

— Не двигайтесь. Если вы встанете, то я могу вас прикончить.

— Фред.

Она осталась сидеть на полу.

— Я не знаю, почему вы убили Пирсона. Мне плевать на это. Вы убили, и у вас должны быть свои причины. У него есть жена в Тампе. Быть может, вы были его любовницей и дорого ему обходились. Быть может, вы и ваш приятель или муж его шантажировали, а он сказал, что предупредит полицию. Мне плевать на причину. Вы убили его, а меня избрали козлом отпущения.

— Фред, ты болен. Милый, ты не в силах рассуждать здраво. Как ты можешь говорить такое после... после...

— Именно это и заставляет меня страдать. Но помолчите. Больше ни слова. Я вас не трону. Я не стану вас оскорблять. Оставьте на полу. Не двигайтесь, не двигайтесь, прошу вас, Пети.

6

Снаружи доносился смех и далекая музыка. Я подумал, что небо усыпано звездами, а на пляже пальмы грациозно гнутся под порывами свежего ветра. Мне хотелось, чтобы пошел дождь или снег, чтобы прекрасное стало уродливым.

— Его убили вы или ваш приятель. Кто-то из вас убил его. Я был в тумане. Прекрасно. Вы испачкали мою майку в крови, вы увезли меня в машине, прекрасно зная, что буду думать и что захочу вернуться обратно. Особенно, если вы будете жалеть меня и ломать комедию ради меня.

— Фред, замолчи. Ты называешь то, что произошло, комедией?

— Вы собирались накормить меня, напоить допьяна, быть может, потом потрахаться и убедить меня сдаться. У вас была вся ночь и не было нужды спешить. Я должен был бы знать, что в «Эль Пискадоре» нет платного туалета. Не то заведение. Но я не рассуждал. Вы позвонили приятелю и велели удалиться. Когда я последовал за вами к шкафу, вы испугались, что я увижу мужскую одежду и ваш план рухнет. И вы решили позволить мне все.

Вдруг установилась тишина. Музыка и смех утихли. Я слышал лишь прерывистое дыхание Пети. Я спрашивал себя, как она выглядит в этот момент, и едва не обернулся, но все же сдержался. Я хотел помнить о ней другой. Я хотел помнить лишь о лучшей подруге, которая была со мной, и о всех безумных мечтах, наполнивших мой пустой череп. Я направился к двери, но потом переменял решение, вернулся к шкафу, выбрал одну из рубашек незнакомого мне мужчины. Натянул ее, потом подошел к двери.

— Что ты собираешься делать? — Голос был безжизненным.

Я открыл дверь.

— Ничего. Просто уеду.

Я услышал шум. Она вскочила на ноги. Она бежала ко мне. Руки ее обхватили меня за шею. Она задыхалась. Она пыталась втянуть меня обратно в комнату.

Я резко дернул левой рукой и оттолкнул ее. Услышал, как она споткнулась и ударилась обо что-то, потом она упала и застонала. Я не обернулся. Мне не хотелось.

— Я не стану предупреждать полицейских,— сказал я.— Это не мое дело, и у меня нет других доказательств, кроме тех, о которых я сказал. Вы, ваш приятель и полицейские сами разберетесь в этом.

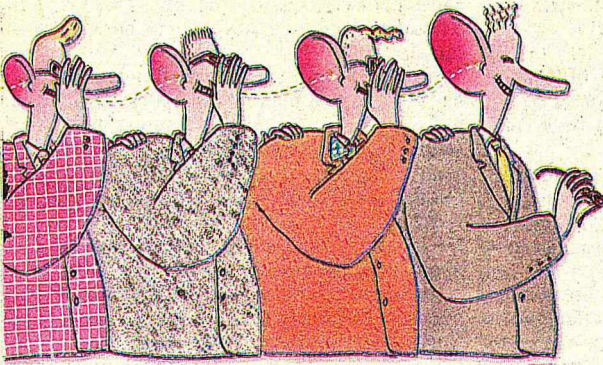
На улице по крышам барабанил короткий тропический ливень, капли колотили по гравию дороги.

Я свернул на север к шоссе 1 в надежде быстро отыскать доброго автомобилиста.

Назад я не смотрел.

Перевод Аркадия Григорьева

Позвал царь русского, поляка и немца и сказал:

— Принесите свой любимый цветок.

Русский принес ромашку, поляк — розу, а немец задержался. Царь сказал:

— Теперь съешьте свой любимый цветок.

Русский съел — ничего, поляк ест — плачет и смеется. Царь поляка спрашивает:

— Ты почему плачешь?

— Больно.

— А смеешься чего?

— А вон немец кактус тащит.

Пожилой финн с неммым сыном, здоровенным двадцатилетним детиной, валят в лесу огромную ель. Ель стала падать прямо на отца, а тот не видит. Парень вдруг крикнул:

— Поберегись!

Отец отскочил в сторону и остался жив.

— Выходит, ты не немой?! — изумился спасенный лесоруб. — Что же ты молчал столько лет?

— А разве был повод для беседы?

Максим Черников, г.Луцино

— Мама, отец был скромным молодым человеком?

— Конечно, иначе ты была бы старше лет на пять.

— У нас краны текут, крыша дырявая, машина развалилась, — кричит отец дочери, — а ты собралась замуж за поэта!

Юлия Иванова, Санкт-Петербург

— Доктор, дайте мне таблетку от жадности, да побольше, побольше!

Елена и Марина, Иркутская обл.

В купе, когда поезд тронулся, жена, вздохнув, сказала мужу:

— Ах, если бы здесь было пианино!

— Что за глупые идеи приходят тебе в голову.

— На пианино остались наши железнодорожные билеты.

Ольга Смалько, Санкт-Петербург

Сыннишка обладал даром предвидения. Однажды он говорит:

— Завтра мой отец умрет ровно в девять часов.

Несчастный отец не спал всю ночь. Но вот часы пробили девять раз, и при последнем ударе он сказал:

— Малыш на этот раз ошибся. Вдруг за дверью замертво свалился почтальон.

Ольга Синдивой, Тульская обл.

В отделении неотложной помощи врач осматривает многочисленные ушибы пациента и спрашивает, что случилось.

— Я танцевал ламбаду со своей девчонкой, когда в комнату вошел ее отец и вдруг принялся избивать меня палкой.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ХУАНА БАЛЕСТРА

— Он что, сумасшедший?
— Да нет, он глухой.
Таня, г. Ровно

Встретились две подруги.
— Ты знаешь, мой жених мне вчера такой комплимент ответил! Говорит, что я сказочно красива, стройна, умна, хорошая хозяйка и что он хоть завтра готов на мне жениться.
— Я бы тебе не советовала, дорогая, выходить за него замуж.
— Почему?
— Как ты можешь верить человеку, который обманывает тебя еще до свадьбы?
Ольга Львова, п.им.Воровского

— Алло, это КГБ?
— Нет. КГБ сгорело.
Через некоторое время опять звонок:
— Алло, это КГБ?
— Ну вам же сказали, что КГБ сгорело!

— А может, мне приятно это слышать.
Елена Бакина, г. Омск

Студент в столовой заказывает:
— Две сосиски, пожалуйста...
В очереди раздаются голоса:
— О, шикуюшь!
— ...и шестнадцать вилок,— добавляет студент.

В море тонет человек и кричит:
— Help, help!
По набережной идет другой и говорит:
— Во, смотрите на дурака! Пока все плавать учились, он английским занимался.
Наталья Смирнова, г. Нахабино-2

Старенькая бабка на лекции тянет руку и спрашивает:
— Кто придумал рыночную экономику — политики или ученые?
— Политики,— отвечает лектор.

— Так я и знала. Ученые сначала на собаках бы проверили.
Ольга Глушкова, с. Боговарово Костромской обл.

— Это милиция? Помогите! К нам забрался кот!
— Из-за какого-то кота столько крика? — удивился дежурный.— А кто это говорит?
— Попугай.

Человек ползет по пустыне. Вдруг видит колодец.
— Вода! Вода!
Другой вылезает из колодца:
— Где?

Упал слоненок в муку, вывалился и смотрит на себя в зеркало: «Ну ничего себе пельмень!»
Индиана Олинская, г. Киев

— Может, выпьем?
— Один раз выпил и больше не тянет.
— Тогда сыграем в карты?
— Играл один раз — и бросил. Вот идет мой сын, он с вами сыграет.
— Бьюсь об заклад, что и сын у вас единственный.

Любая женщина может сделать из ничего три вещи: прическу, салат и трагедию.

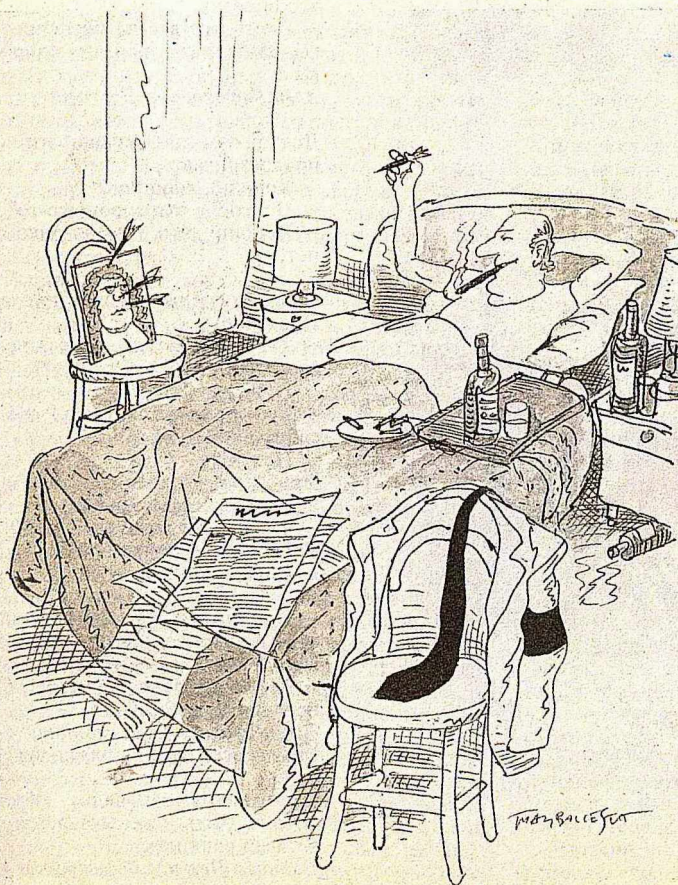
Ворчливый старик в книжном магазине просматривает книгу, которую собирается купить.
— На седьмой странице дырка! — восклицает он, переворачивает страницу.— Ну, это уж слишком! И на восьмой тоже!
Инга Пиндус, с. Ильинка

— Что за бестактность? Я же вам русским языком говорю, что моя жена ждет ребенка, а вы спрашиваете, от кого!!!
— Ну, извините, я думал, вы знаете.

Жена с упреком говорит мужу:
— Тебя даже не интересует, почему я плачу? Хочешь, скажу?
— Не надо! У меня нет таких детей!

— Муж мне так изменяет, так изменяет, что я даже не знаю, от кого у меня дети.

Молодой человек пришел в магазин купить цветы. Продавец:
— Вам для жены или подороже?
Лена Цибуля, г. Запорожье

Жак пришел в кафе со своей дрессированной собакой и заключил с посетителями пари, что сейчас пес заговорит. Однако пес молчал. Жак вынужден был заплатить проигранную сумму. Сопровождаемый насмешками посетителей, Жак с собакой ушел.

— Из-за тебя я просперил много денег, — ворчал хозяин. — Ну, почему ты не заговорил?

— Чудак! Ты только представь себе, сколько денег мы выиграем завтра, — ответил пес презрительно.

— Соседка, ваш муж так похудел! Как ему это удалось?

— Он каждый день ходит рыбачить.

— И от этого так похудел?

— Конечно. Он ест только то, что поймает.

— Знаешь, милый, мне так хотелось бы купить «Жигули». Ну,

если нет, то хотя бы «Запорожец». Повидали бы свет.

— Этот или тот?

Игорь Спиридонов, г. Брянск

Молодой артист впервые собирается на гастроли. Друзья ему говорят:

— Ты хоть чемодан купи себе в дорогу.

— Зачем?

— Положишь туда брюки, пиджак, белье.

— А в чем же я тогда поеду?

Муж жене: «Ты каждый день меня упрекаешь, что я выпиваю. Но ты даже слова не сказала, когда я на сданные бутылки купил тебе шубу!»

— Моя жена где-то читала, что полезно есть все сырое.

— Моя тоже не любит готовить.

В университете им. Патриса Лумумбы ЧП — съели студента! С

виновными проводят разъяснительную работу:

— Мы же вас кормим лучше, чем собственных студентов!

— Спасибо вам! Но очень уж мы соскучились по домашней пище!

Два милиционера размышляют, что подарить начальнику на день рождения:

— Давай подарим книгу.

— Нет, книга у него уже есть.

Александр Павлов, г. Березники Пермской обл.

Некто звонит по телефону поздней ночью. Сонный голос отвечает:

— Слушаю.

— Это телефон 233-18...

— Вы с ума сошли? У меня вообще телефона нет!

— Правда, милый, что кошка — это эгоистичная и неверная тварь?

— Да, моя кошечка.

— Говорят, что гениальность — это болезнь.

— Пусть это вас не беспокоит, вы выглядите вполне здоровым!

Алла Горюнова, г. Воркута

Доктор осматривает пациента и приговаривает:

— Хорошо, хорошо.

— Доктор, а что хорошего-то?

— Хорошо, что у меня такого нет.

Судят маленького дракончика. Прокурор:

— Ты признаешь, что съел своих бабушку и дедушку?!

— Признаю...

— Ты признаешь, что съел своих папу и маму?!

— Признаю...

Прокурор — голосом, гремящим как раскаты грома:

— Так кто же ты после этого?!

Дракончик — почти плача:

— Сиротинушка...

— Пан учитель, мне папа сказал, что мы произошли от обезьян. Это правда?

— Замолчи! Меня не интересует история вашей семьи!

Таня Никольская, поклонница вашего журнала, Екатеринбург

Французская заповедь: «Если хочешь быть у жены первым — вставай раньше».

Наташа Пекки, г. Всеволожск

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ХУАНА БАЛЛЕСТЫ

Рене-Жак Виктор

Джлее

Фантастический рассказ

Ребенок тянул к мороженщику. Мужчина, одетый в легкий белый костюм, вытирал платком лицо и облысевший череп. Он качал головой из стороны в сторону, все его движения были нетерпеливы. Он оглядывался по сторонам, а малышка дергала его за свободную руку.

Мужчина что-то пробурчал и медленно пошел дальше. Он явно кого-то искал. Отблески солнца ослепили девочку. Она разревелась. Мужчина вдруг заметил, что девочка плачет. Он протянул ей смятую купюру. Продавец улыбнулся и открыл крышку холодильника. Когда она вернулась к отцу, тот взял ее за руку. Я направился к ним. Мужчина обернулся. Его брови взлетели вверх, и усталое лицо осветилось широкой улыбкой.

Жорж Эльвен искал меня. Жорж... Человек необычайной судьбы. Главный механик «Альянса», первым добравшийся до Нептуна. До шестого класса мы протирали штаны на одной парте. Я стал гуманитарием, а он с головой ушел в технику. Инженер-звездоплатель — он поступил в знаменитый Туринский институт.

А я выбрал профессию журналиста. Кроме выступлений на телевидении, я выпустил трочку книг — расходились они хорошо, а также написал несколько сценариев. Короче говоря, вел приятное существование...

Жоржа знаменитым сделало невероятное приключение, участником которого он стал, добравшись вместе с пилотом-водителем Гансом Брюннером на челноке-вездеходе до Нептуна. Ганс неожиданно почувствовал себя плохо. Из-за неудобного скафандра Жоржу не удалось оказать быструю помощь. Вездеход вместо того, чтобы описать круг диаметром в три километра, прошел целых пятнадцать. Когда ему удалось остановить машину, которую бросало из стороны в сторону из-за неровностей почвы, было слишком поздно. Скафандр водителя прорвался, он умер от кислородного голодания. Жорж перетащил Брюннера на соседнее сиденье и сел за руль сам.

На обратном пути он наткнулся на почти ушедший в промерзшую землю летательный аппарат. Он вызвал «Альянс», но не получил ответа. Летящая тарелка была высотой в шесть, а диаметром — около тридцати метров. Фары машины освещали ее целиком. Ему показалось, что в иллюминаторе двигалась чья-то тень. Его передатчик работал, но контакта с базой на орбите не было. Он решил определить координаты машины и двинуться дальше, но вдруг в стенке тарелки образовалось отверстие и на землю спустился наклонный трап. В проеме показался силуэт, который неловко сполз на землю. Существо, спотыкаясь, направи-

лось в его сторону. Потрясенный Эльвен понял, что существо в комбинезоне было женщиной. Ее лицо за стеклом шлема было искажено гримасой. И тут в его уши ворвался обеспокоенный голос, повторявший позывные. Он сообщил о находке. Командир базы Роллен приказал ему возвращаться и ожидать подкреплений. Когда вездеход дал задний ход, существо подняло руку. И тогда Жорж отключил радио. Он уложил мертвого водителя назад, а незнакомку усадил рядом.

Женщина и ее корабль были доставлены на Землю. Джлее — так ее звали — окружили заботой, но особую признательность она питала к Жоржу, оценив его способность самостоятельно принимать решение. После долгих административных и медицинских проволочек они получили разрешение на брак. Жорж обратился ко мне, и мы вместе написали рассказ о его приключениях. Поначалу мы часто встречались, но постепенно разлуки стали продолжительней. Он и Джлее составляли странную пару. На мой, как, впрочем, и любой другой взгляд она была воплощением идеала. Моя жена соглашалась со мной. Но что-то в этой супружеской паре раздражало.

Жорж был красивым малым. И ранняя лысина вовсе не портила его. Атлетически сложенный, живой, полный юмора, он как-то терялся в ее присутствии, настолько она была изящна, очаровательна и даже хрупка. С невероятным тактом она умела сменить тему беседы, если нас вдруг заносило в дебри непонятного. Она умела предупредить наши неловкие поступки, радовалась нашим радостям. Она властвовала с очаровательной простотой, даже уходя в тень. Честно говоря, мы с женой долго пытались определить, что нас не устраивало в ней... и нашли. Она была совершенством. Однако кое-чего ей не хватало... и эта чисто человеческая малость мешала ей полностью слиться с нашим обществом... Дело в том, что Джлее НИКОГДА не ошибалась.

Она сообщила, что прибыла из системы Полярной звезды. На любые вопросы любого человека она отвечала без малейшего раздражения. Ученые изучили ее корабль, но ничего в нем не поняли. Она сказала, что ее компаньон по путешествию, пилот-инженер, погиб, пытаясь устранить аварию в устройстве, создававшем поле отражения метеоритов. Крохотные зерна материи превратили тело Бланда в решетку. Потеряв контакт со своими соплеменниками, она села на Нептуне, где ее и нашел Эльвен. Журналист, обрабатывавший ее статьи, считал, что ей невероятно повезло.

Конечно, каждое ее слово было проверено и перепроверено. ЭВМ подсчитали вероятность ее

лжи — одна стотысячная. А это было серьезной гарантией ее правдивости.

Медицинские исследования показали, что она была АБСОЛЮТНО здоровой физически и психически. Умом она превосходила любого землянина. Когда ей это сказали, она покраснела и добавила, что на Лобиде ее способности считались довольно средними. Чем вызвала краску стыда на лицах своих собеседников.

Через полгода ее оставили в покое. Через год она говорила на четырех языках, а владела еще несколькими — дальше началась фантастика. Она блестяще защитила четыре докторских диссертации. «Психология, математика, ядерная физика, языки».

Вышла замуж за Эльвена и продолжила учебу. Биология, археология, литература... За ней ухаживало множество мужчин. Но романтика сыграла свою роль. Ее единственной слабостью был и оставался Жорж. Особой гордости это ему не прибавило. Ведь благодаря Джлее перед ним распахнулись многие двери. За четыре года он прошел путь от простого исследователя до руководителя космических исследований под эгидой ООН... то есть практически стал одной из крупнейших шишек планеты... и только что дал денег на мороженое своей дочери, как самый обычный смертный, гуляющий по Зоосаду в Булонском лесу.

— Как поживаешь, Жорж?.. Здравствуй, Шахель...

Стояла жара, и наши ладони были мокрыми от пота.

Я загляделся на обезьян в вольере — они прыгали, ворчали, тянули лапы за орешками и вдруг услышал позади голос, заставивший меня вздрогнуть.

— Мечтаешь об утерянном прекрасном прошлом?

Я улынулся и обернулся. На меня в упор с нежностью и насмешкой смотрели чудесные голубые глаза Элен. Я поискал сына глазами и нашел по ту сторону вольера — он горстями сыпал зерно вопящей и прыгающей своре.

— Ты давно здесь?

— Нет... первым тебя заметил Патрик.

— Я...

— Ну ладно... мама сожалеет о своем дурном настроении. Она даже попросила меня извиниться за нее.

— Э-э-э...

— Думаю, до нее дошло. Она упрекает сама себя. Она больше не будет тебе предлагать гороскоп... и угощать вареньем.

Я, наверное, выглядел идиотом, ибо Элен расхохоталась.

— В таком случае...

— Ты пришел прямо сюда?

— Я болтаюсь здесь уже около двух часов, — ответил я, бросив взгляд на часы.

— Не соскучился?

— Нет... Облокотился на перила и смотрю. Кстати, встретил Жоржа.

— Жоржа?

— Эльвена.

— Жорж здесь?

— Почему бы и нет? Он вместе с Шахель. Но без Джлее.

— А?.. Как он поживает?

— Ничего...

Элен не глупа. Мой уклончивый ответ обеспокоил ее.

— Что происходит? Джлее нездоровится?

— Ну нет! С этой стороны волноваться не о чем. Он хотел бы поскорее встретиться с нами в нашем имении. И взять с собой Шахель.

— Возможно... но почему именно там?

— Он не уточнил. Думаю...

— Пап... не дашь денег?

Глаза Патрика перебегают от вольера к моему лицу и обратно. Я улыбаюсь ему и даю деньги. Он срывается с места, бросив через плечо «спасибо, пап». Покупает пять пакетиков с орешками и снова прилипает к вольеру.

— Когда?..

— Похоже, он очень спешит. Я уже позвонил на работу. Кантеваль с удовольствием заменит меня. Я уже послал телекс для активации виллы. Мы будем там в десять вечера. Это не нарушает твои планы?

— Нет... у меня нет ничего серьезного.

— Да, забыл!.. Джлее с нами не будет.

Элен промолчала. Потом отвернулась.

— Патрик... Патрик... ПАТРИК (он вскинул голову). Сегодня вечером отправляемся на побережье.

— Я еду с вами?

— А как же. Угадай, кто будет с нами?

Он наморщил лоб и вытряхнул пакет перед тем, как выбросить его.

— Не соображу...

— Шахель.

— Шахель? — он бросился к нам и приземлился на мою правую ногу. — Прости, пап... О... это здорово... Когда едем?

— Слушать надо... Я сказала, вечером.

Он испустил такой вопль радости, что прохожие обернулись в нашу сторону, а я заткнул уши. Затем он понесся к выходу. Мы последовали за ним с куда меньшей поспешностью. Он, сгорая от нетерпения, ждал нас в машине. Дети не обращают особого внимания на жару... не то, что мы.

Я ввел программу в штурманское устройство машины. Окрестности заливал удивительный лунный свет, а через открытые окна с шелковым свистом врвался теплый воздух.

Перед отъездом Элен подсыпала легкое успокоительное в напиток детей. Теперь они тихо сидели рядом с Элен и вглядывались в ночь, очарованные ночным спящим пейзажем. Иногда они перешептывались. «Смотри... дом на холме». Мы молчали. Сидевший на соседнем сиденье Жорж держал на коленях чемодан со своими вещами и одежками Шахель. Он выглядел озабоченным. Шоссе шло в гору. Воздух сильно посвежел. Наконец появилась сосновая аллея, ведущая к вилле. Машина свернула на нее. За поворотом появилась вилла. Я мигнул фарами. Изгородь окрасилась в зеленый цвет, и шлагбаум взлетел вверх. Машина застыла у входа. Дверцы открылись.

Патрик заявил, что хочет спать. Элен занялась детьми, а я загнал машину в «гараж». Стояла удивительная тишина, только под шинами поскрипывал гравий. Элен с детьми дожидалась нас в гостиной первого этажа. Мы поцеловали ребят, и она повела их по своим комнатам.

Жорж стоял и оглядывал комнату — безделушки, картины, мебель, — составлял общее впечатление. Мне же больше всего нравились корич-

невые балки, тянущиеся вдоль потолка и как бы удлинявшие его.

— Садись, Жорж.

Мы уехали на диван, покрытый на вид грубоватой, но мягкой и приятной на ощупь тканью. Несколько минут он сидел с закрытыми глазами. Потом встал, подошел к окну.

— Смотри-ка... море видно отсюда. А его слышно?

— Если дует мистраль. Но даже не покрывает стрекота стрекот... Поэтому надо вслушиваться...

— Ты часто бываешь здесь?

— Каждый раз, как представляется возможность. Слава богу, такая вилла мне по средствам.

— А-а-а...

Он подавил зевок, снова сел на диван, откинул голову и закрыл глаза. Послышались шаги Элен, затем она вошла в гостиную.

— Ну вот... Они уже, должно быть, спят... Жорж...

— Да?

— Хотите чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо, Элен... Вы сами занимались отделкой дома?

— Нет,— ответил я.— Каждый высказал свою мысль, а затем мы пришли к согласию по вкусам...

— Здорово получилось,— с улыбкой похвалил он.

Затем встал и повернулся ко мне.

— Где моя спальня?

— Пошли,— сказал я и, не слушая его возражений, схватил чемодан. «Спокойной ночи, Элен...» Жорж догнал меня на лестнице.

Окна его спальни выходили на море. Кровать была широкой и удобной. Я показал ему туалет и ванную. Он открыл чемодан. Разбирая его, он оказался против света. Лицо его бороздили морщины. Уголки рта опустились книзу. Нервности лица скрадывали обычно озабоченное выражение. Он поднял голову и, перехватив мой внимательный взгляд, выпрямился и улыбнулся.

— Спасибо за прием... я... я чувствую себя несколько... подавленным. Усталость, ответственность... сам понимаешь...

Раз ему хотелось, чтобы я его принимал таким... почему бы и нет? Завтра нас примет в объятия море, и, если ему захочется говорить, он заговорит... вдаль от других... человек в его положении не будет искать уединения, если у него нет на это серьезных причин. В новостях,— я их успел послушать,— про него ничего не говорилось. Я был уверен, что он заговорит со мной о Джлее...

Я кивнул, пожал ему руку, пожелав спокойной ночи. Элен ждала меня. Раздеваясь, мы обменивались впечатлениями. И, лежа в постели, продолжали строить разные предположения. Все возвращало нас к Джлее. Засыпая, Элен по привычке повернулась спиной ко мне. Я продолжал думать в темноте, как вдруг она буквально подпрыгнула.

— Рауль, я знаю почему.

— Прощу тебя, не так громко,— для профформы остановил я ее.— О чем ты думаешь?

— Впервые после свадьбы мы видим Жоржа без нее.

Она чмокнула меня и, с удовлетворением вздохнув, снова отвернулась. Она угадала...

Аппетитный запах кофе и гренков убедил меня в том, что я хорошо выспался. Комната тонула в полумраке. Световые полосы лежали на шторах пе-

сочного цвета. Душ, бритье, одевание — и я уже на кухне. Одетый в предвиденные жары, Жорж тянул из огромной кружки кофе с молоком. Элен скрытно дала мне понять, что заметила его усталое лицо. Жорж почти не спал. Однако он был, как всегда, весел и не замечал наших заговорнических перемигиваний.

Было около семи часов. Уже высоко стоящее солнце жгло и обещало исключительно жаркую погоду. Я оставил их за разговором, а сам отправился в лодочный ангар. Я поставил выключатель на «Марш» и выждал пять секунд. Двигатель не завелся. Я произвел проверку — нормально. Повторил операцию, и опять безрезультатно. Мои пальцы постукивали по пластмассовому корпусу. Я снял телефонную трубку и позвонил на фирму. Удивленная и разъяренная секретарша заявила, что мастер по ремонту придет через пять дней, что дел не на час... что сезон только что начался...

С осторожностью я проверил рельсы. Все было нормально. И тогда открыл ворота ангара, выходящие в защищенную бухточку. Я подошел к «сольтису» и запустил турбину. Она тут же заурчала. Я разблокировал рельсы, и суденышко плавно съехало в прохладную воду. Я вскочил в моторку и подогнал ее к пристани. Удочек на борту не было. Я вернулся за ними. Вскоре появился Жорж.

Лодку сильно раскачивало — вверх взлетали то нос, то корма. Я покосился на Жоржа, который сидел с закрытыми глазами, пряча их от солнца и отблесков, потом дал газ. Шестидесятилитровый двигатель взревел, за кормой вскипела пена, и мы понеслись к горизонту. Жорж громко рассмеялся. Я вдруг почувствовал себя школьником.

Некоторое время мы просто наслаждались жизнью. Потом двинулись вдоль пустынного берега — там не было никакого жилья. В одном месте высокие скалы образовывали бухточку. Я остановил двигатель и бросил якорь. Дно на четырехметровой глубине было покрыто водорослями. Среди них носились стайки рыб. Мы достали удочки, проверили наживку, накололи на крючки кнолекс — кусочки ионизированного пластика, который при контакте с водой начинал извиваться, как настоящий червяк.

Мы ловили рыбу в полной тишине, если не считать стрекот, птиц, плеска волн, обтекающих лодку и ударяющихся о скалы, потирания рук, кашля, чтобы прочистить глотку. Странное соревнование. Прошел час, а счет у нас был странным. По нулям. Терпение Жоржа иссякло. Он смотал удочку, разделся догола и сиганул в прозрачную воду. Рыбная ловля закончилась и для меня. Я последовал его примеру. Не столь спортивный, как он, я быстро устал. С трудом дыша, я уцепился за борт. А Жорж развлекался. Белое пятно его тела извивалось под водой. Он вынырнул, вдохнул воздух, сплюнул, со смехом обдал меня водой. Мы долго плавали вокруг лодки вдогонку друг за другом. Когда мне надоело, я влез в лодку. Жорж продолжал плавать один. Он нырял и выныривал то по одну, то по другую сторону лодки.

— Как дела? — наконец спросил он, отдуваясь как кит.

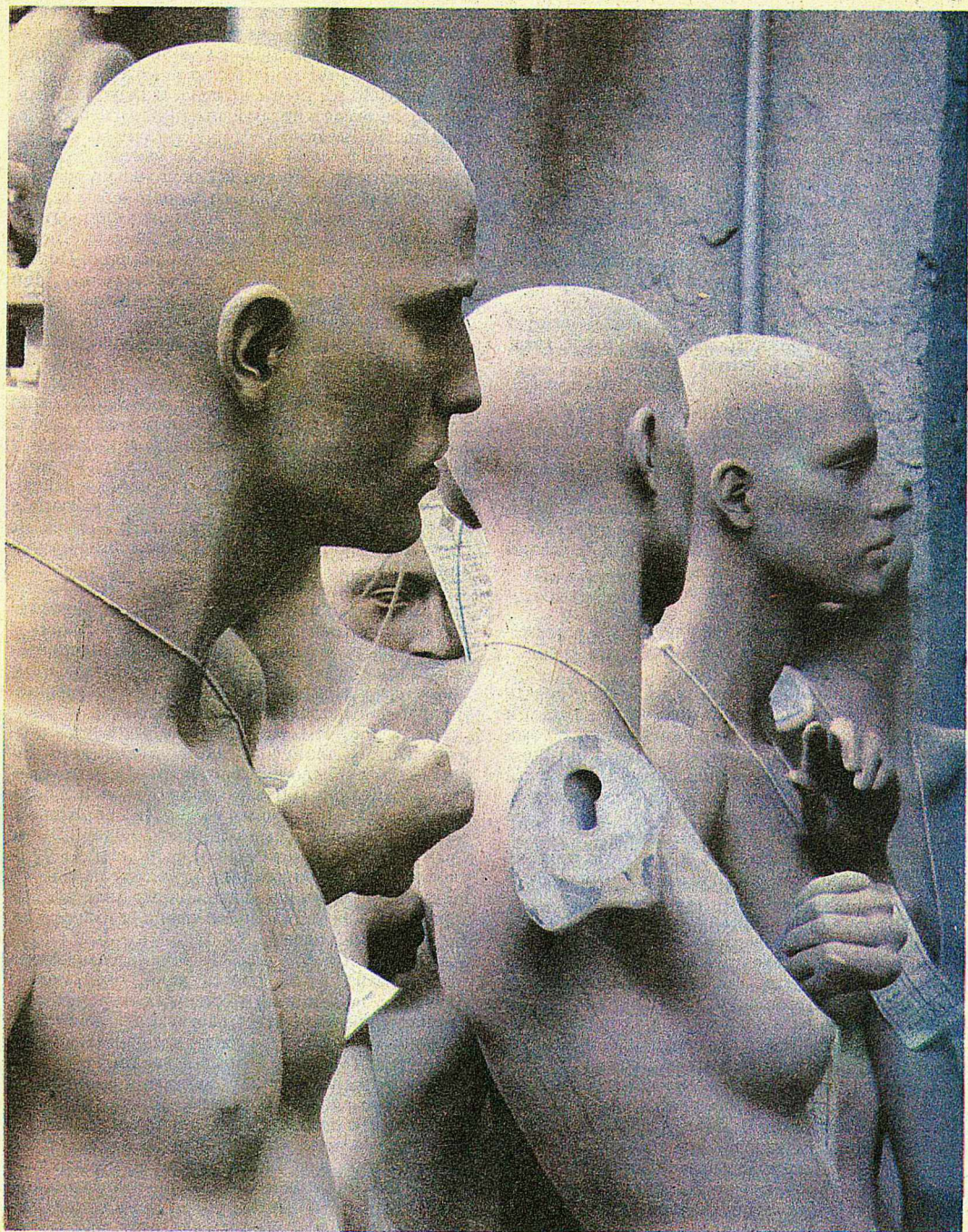
— Для меня свежо.

— Бюрократ.

— Книжник...

— Писака...

- Эксплуататор...
- Трепло...

Людам всегда кажется, что те, кто занимает высокие должности в обществе, всегда серьезны... но если бы они услышали продолжение нашей перепалки, их удивлению не было бы границ. Мы долго обменивались глупыми шутками, потом,

устав, я звонко крикнул: «Дерьмо!» Он расхохотался, и, признаюсь, смех его был мне приятен. Он надолго затих, лежа на воде. От небольших волн волосы на его груди шевелились.

- Как ты меня находишь? — вдруг спросил он.
- Нормальным... особенно в эту минуту.
- И вправду нормальным?

— Слушай... я всего-навсего журналист. Ты ошибся адресом. Бернье...

— Ладно, ладно! Оставь Бернье в покое... А ты можешь отличить психа от еще нормального человека?

— Думаю, да, а что?

— Я тебе кажусь нормальным?

Он барахтался на месте, повернувшись спиной ко мне, небрежно взмахивал руками.

— Нормальным? Озабоченным... но, признаюсь, твоя просьба нас озадачила. И...

— Да?

— Как бы тебе сказать...

— Ясно, Рауль... заплутал в словах... вас огорчает то, что я приехал без Джлее.

Сказав это, он быстро повернулся ко мне. Его глаза с хитринкой в упор глядели на меня. Я был настроен, но помалкивал, оставляя инициативу за ним.

— Не очень-то ты любопытен. Для журналиста...

— Быть может. Остается узнать, кто на самом деле напросился в гости. Секретарь или приятель?

Он вдруг потерял уверенность, и его ноги пошли вниз. Он тут же выправил положение.

— Ты обижен?

— Нет, Жорж... скорее я не задаю вопросы, а пытаюсь на них ответить.

— Конечно...

— Послушай, Жорж... — я взял полотенце и принялся растирать спину. — Мы знакомы слишком давно, чтобы ты мог оценить мою откровенность...

— Да, да... выкладывай...

— Я... для сравнения... если бы я женился на Джлее, я бы, несомненно, был бы...

— Спасибо, Рауль... я знаю. Без нее мне никогда не сделать такой карьеры... она распахнула передо мной все двери...

— Жорж... — я отбросил полотенце и наклонился к нему. Он подплыл ближе. Его дружеский взгляд был печален и ироничен.

— Я долго шел к этому пониманию. Дела шли как по маслу. Ты знаешь... — Он тряхнул головой, его глаза затуманились.

— Ты убедил меня, Жорж...

— В чем?

— В твоем здравом уме, по крайней мере...

— А, это...

Он отплыл, нырнул, снова поднялся на поверхность. Я воспользовался передышкой, чтобы одеться. Солнце лупило по спине, и мне не хотелось обгореть. Жорж вскарабкался на борт.

— Дай-ка мне удочку, пожалуйста.

Я молча передал ему удочку. Мы поменяли наживку. Он уселся на носу, спустив ноги в воду. Мы снова забросили удочки. И некоторое время молчали. Когда я уже начал подремывать, его голос прогнал всю сонливость.

— Все началось по-глупому. Я вернулся раньше, чем предполагал. Хотел устроить сюрприз Шэхель. Она была у себя в комнате. Я тихонько прокрался к двери, но она обернулась и увидела меня. Когда первое удивление прошло, она подошла ко мне и поцеловала. Она сказала, что занималась умножением. Классическое решение было уже найдено, но она пыталась, как она сказала, использовать метод Джлее. На листке я увидел задачу — двадцать два умножить на двенадцать. Но вместо

того, чтобы поразрядно складывать промежуточные результаты, она их перемножала между собой. А все цифры переносила на график с абсциссами и ординатами. Я спросил, зачем она так делает. И знаешь, что она мне ответила?

— Нет.

— Что элементарная и высшая математика создана для обезьян.

— И что? — улыбаясь спросил я...

— Что чем выше погрешность, тем точнее должно быть суждение, чтобы приблизиться к относительной истине данного мгновения, мгновения твоей жизни и мгновения окружающего пространства.

Мне все это показалось чужью. Однако его слова привели меня в недоумение. Я поднял удочку, проверил наживку и снова забросил ее.

— Она здорово развита для своих лет. Быть может, она гений математики...

— Увы... я проверил и попросил перепроверить. Расчет погрешности относится к области вероятности. Их рассчитывают по-иному.

— Хорошо, допустим... но это ничего не доказывает. Быть может, это игра между Джлее и ее дочерью...

— Ее дочерью... ЕЕ ДОЧЕРЬЮ!

— Что ты завелся?

— Джлее разъярила мне это. Она — ЕЕ дочь.

— Послушай, Жорж...

— О!.. Жорж... старина Жорж... расслабься, ты угнетен... вот и все! Я это уже слышал... и повторял это себе... поэтому-то я и спросил тебя, находишь ли ты меня в здравом уме. А ведь то было только начало. Представь себе, что продолжение было в сотни раз весомее. Через некоторое время после этого случая я нашел в ее вещах предмет, похожий на револьвер. Она улыбнулась, когда я показал его ей и попросил испытать его в саду. Я нажал на спусковой крючок. На лужайке, где ничего не было, возникло нечто вроде скульптуры с очень чистыми и гармоничными очертаниями и радужными отблесками, которые менялись от движения моих глаз.

— Обожди, я не все улавливаю в твоём рассказе.

— А ведь все просто, не так ли? Мгновением раньше ничего не было. Мгновением позже возник предмет, и она сразу... назвала этот предмет Фирхр.

— Ну и что?

— Как что? Я повторял опыт и без нее, и каждый раз возникал новый предмет. Самое странное, я издавна любил подобные формы, но эти были более законченными, тщательнее отделанными.

— В этом ты и видишь зло этой пукалки чудес?

— Да.

— Что тебя мучает?

— Этой штуки не было в перечне предметов, найденных на Бланде. Значит, она его изготвила. А поскольку она утверждала, что ее аппарат не мог ни создавать, ни обрабатывать...

Я нахмурился. Извлек из воды пустую удочку, насадил новый кнолекс, снова забросил ее, делая вид, что очень занят этим. Умножение... может сойти... но это устройство... доказательство явной лжи. Ее первая ошибка.

— Послушай, — сказал я в некотором затруднении... — если довести рассуждение до логического конца и приложить результат к ее ответам...

— И ты тоже добрался до этого?

— Кто в курсе дела?
— Пока мы двое.
— Ты что, с ума сошел?
— Делаю вывод, что ты...
— Почему ты не предупредил власти? Опасаться официального расследования?

— Да... но по причинам иным, чем ты предполагаешь.

— То есть?

— Ты думаешь, я хочу избежать смешного положения. Многие понимают, что успехом своим я обязан Джлее. Своего рода ретроспективная ревность... кризис. Они быстро бы расправились со мной. Ты думаешь об этом?

По моей спине пробежала холодная дрожь. Он абсолютно точно, почти слово в слово, повторил мою мысль.

— Да,— прохрипел я.

— Но это глупо... Если я начну официальное расследование, она извлечет пару безделушек, скажет, что сочла ненужным говорить о них... что это не представляет для нас никакого интереса, что является деталью какого-нибудь узла, о которой она забыла сообщить!.. И мы вернемся к началу петли.

Меня охватила дрожь, и ощущение было не из приятных.

— Ты не мог сказать мне это по телефону?

— Нет. И в бюро, и в квартире, и на улице телефоны не работали. Техники так и не поняли почему. Все было в порядке, но ток не проходил.

— Где она сейчас?

— Сказала, что на пару недель отправляется в Африку.

— Исследования?

— Грубо говоря, да...

— Вы поддерживаете контакт?

— Я вызывал Бразавиль...

— Ну и что?

— Мне ответили, что она в джунглях. И одновременно ее видели в Орли. Я потерял ее след восемь дней назад.

И снова меня охватила дрожь. Тем более что я вспомнил об утренних происшествиях. В голову полезли сумасшедшие мысли. Я пытался их приглушить.

— Ты не прав в том, что отказался предупредить власти. А теперь подозреваешь ее в чем-то. Поведение твое обескураживает. Есть риск, что тебя обвинят, если что-нибудь случится.

— Попробуй меня понять.

— Да, я понял... успокойся. Ты влюблен в нее, как и в первый день. Если следовать логике твоих рассуждений, ты боишься, что она покинет тебя. Не забудь, кто она. ВНЕЗЕМЛЯНКА. Ее отлично приняли, поскольку она умна и очень красива. При первом серьезном происшествии общественное мнение переменится и возникнет оппозиция страха. Ты вел себя как мальчишка. Таким образом счастья тебе не вернуть.

Он поднял голову, и в его глазах блеснул огонек надежды. Я тут же пожалел о своей фразе. В конце концов, по логике его рассуждений, он вел себя верно, но был не прав, обравившись ко мне. Лучше было обратиться к ответственному лицу, попросив его сохранить тайну. Я не мог злиться на Джлею за то, кем она была. Но есть определенный риск в том, что ты не понимаешь высокоразвитой техники. Если представитель чуждой расы попа-

дется на заведомой лжи, придется принимать поистине драконовские меры предосторожности. Жорж опустил голову. Он выглядел удрученным. Я упрекнул себя в жестокости. В конце концов, он пришел ко мне как к другу.

— Прости меня, Жорж... Не знаю, что бы я сделал, окажись на твоём месте.

— Пустяки,— ответил он, качая головой и не отрывая взгляда от воды.— Я слишком занят работой. А эти пустяки постепенно выросли до пугающих размеров. Каждый из них в отдельности ничего не значит. Не знаю, когда и как я свел их воедино. Но в новом контексте они вдруг стали выпуклыми.

— Как так?

— У меня возникло впечатление, что с самого начала мною манипулировали искусные пальцы. Шахель, особенно в присутствии матери, становится иной. Иногда в ее глазах я вижу... вижу пропасть абсолютного отрицания, уход, словно я превращаюсь в нечто нечистое. В другое время, мне кажется, что она просто жалеет меня. Беглое впечатление. Понемногу тоска... теперь понимаешь, почему я спрашивал тебя о моем здравом уме? А Джлею... всегда парила над нами. Она свободно судила о всех, кого мы встречали. Очень часто мне хотелось обратиться к тебе. Она подходила ко мне и заговаривала о другом. И каждый такой разговор был достаточно важен, чтобы оправдать долгое молчание. Иногда она сама вызывала тебя и казалась столь довольной нашей встречей, что намеренность ее поведения не приходила мне в голову. Но со временем я сопоставил факты — все это были маневры, умелые, тонкие, эффективные. Она никогда не попадалась.

— Тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? Не возлагай на нее ответственности большей, чем это допустимо. Ее прошлая жизнь...

— Ничего не знаю,— пробормотал он, сжимаясь в комок.— Иногда меня охватывает стыд. А потом детали прошлого выстраиваются, и я начинаю думать, что она несет ответственность за смерть Брюннера.

— Bravo! У тебя тяжелая рука. Ты словно ненавидишь ее...

— Нет... напротив, могу тебе признаться, теперь я побаиваюсь ее.

Рыба схватила наживку, и я чувствовал подрагивание удочки в руке. Я даже не стал ее подсекать. Лодка медленно развернулась вокруг якоря, и между скалами узкого прохода возникла линия горизонта. Не отдавая себе отчета, я начал рассуждать, как он, хотя и не имел никаких доказательств. Его поведение, его откровенность... но я не был врачом. Жорж мог впасть в депрессию, я не был специалистом. Я ощущал свою беспомощность. Я мог попытаться рассеять его страхи, разогнать тоску. Позвонить в Большой дом. Если Шовель на месте, он сделает все, о чем я попрошу. Он был достаточно умел, чтобы отыскать Джлею. И тут я вспомнил о происшествии в ангаре. Если мой телефон был в том же состоянии... но нет... я же с легкостью дозволился до Канн. Однако неприятное ощущение не проходило. Если теперь, ТЕПЕРЬ, телефон неисправен? У меня дернулась рука. Рыба воспользовалась этим и вырвала удочку у меня из пальцев.

— Я так испугался, что решил тут же удалить Шахель из Парижа.

— Интересно,— на всякий случай сказал я.
— Что?
— Ну... если я буду рассуждать, как ты, то, вероятно, но не обязательно, что Джлее заставила тебя принять такое решение. Это не менее смелая мысль, чем твоя гипотеза о Брюннере.
— Она никогда здесь не была. Она не знает, что у тебя здесь есть дом.
— У тебя нет доказательств.
— Быть может... Во всяком случае,— добавил он с усилием, улыбка у нас это не вызвало.— Увидим позже. Давай прогуляемся. У нас еще есть три часа.
Он смотал удочку и уложил на дно лодки. Затем оделся. Когда он был готов, мы двинулись в открытое море. Прекрасное белое судно вдали ярко сверкало на фоне синей воды. Я взял курс прямо на него и выжал полный газ.
Когда мы вернулись, Элен и дети стояли на пристани. Они махали нам руками. Мы радостно отвечали им. Потом... мое сердце сжалось. Я скосил глаза на Жоржа. Он был блее трупa. У Джлее была такая же фигура, как и у Элен. Она покрasila свои волосы в тот же цвет, что и у моей жены. Жорж глянул на меня, и я понял, что тоже побелел. Нам пришлось приложить немало усилий, чтобы радостно ответить детишкам.
Мои страхи быстро улетучились. Джлее нежно поцеловала Жоржа, и он после легкого колебания обнял ее. Она рассмеялась. Атмосфера за завтраком царила чудесная. Шахель объясняла, что Патрик прекрасно улавливал связь между живой травинкой и сломанной былинкой, между тяжелым облаком и едва видимой дымкой. Я ждал, что он от гордости покраснеет. Однако этого не произошло. Они обменялись легкой улыбкой. Потом он повернул голову ко мне, и его лицо осветилось. Я тут же забыл о том, что только что наблюдал.
Джлее приехала на машине и решила после завтрака отдохнуть. Жорж последовал за нею. Патрик и Шахель ушли в верхнюю часть поместья. Я нашел Элен в кухне. Мы еще не успели поговорить с глазу на глаз после нашего с Жоржем возвращения с прогулки.
— Ты заметила, как изменился Жорж?
— Невероятно,— ответила она, включая посудомоечную машину.
— Он говорил со мною утром.
— Это серьезно?
— Все зависит...
— От чего?
— От цвета зрения. С рациональной точки зрения он нуждается в отдыхе. Если следовать его рассуждениям, то нам надо проявить максимум осторожности.
— Не понимаю.
— Пойдем-ка под сосны,— сказал я, бросив взгляд на дверь.
Элен надела соломенную шляпу. Дети играли с травинками. Мы уселись на землю, проверив, нет ли близости муравейника.
— Слушаю тебя,— она положила голову мне на бедро.
— Джлее уехала из Африки неделю назад, а обьявилась только сегодня утром.
— Может, он ревнует...
— Не суть важно. Он говорил мне о Шахель и ее странной манере умножать числа.
— И Патрик делает так же.
— Что? Ты хочешь сказать, что он перемножает

промежуточные результаты? Почему он так делает?

— Он говорит, что это связано с игрой в травинки.

— Прости меня. То, что Жорж рассказал мне утром, весьма меня беспокоит.

— Это длится уже давно... более двух лет. Он даже добавил, что погрешность...

— Прекрасно. Спасибо. Это я уже знаю.

— Ты слишком разнервничался.

— Джлее говорила с тобой?

— Конечно, утром мы перебрали массу тем...

— Как она раздобыла наш адрес?

— Справочная. Автомат сообщил ей наш номер телефона, а по нему она узнала адрес.

— Но это же противозаконно, запрещено...

— Ты забываешь, что она...

— У нее много вещей?

— Большой желтый чемодан.

— Ты видела, как она его открывала?

— Да... а что?

— Ты не обратила внимания на его содержимое?

— Рауль!.. Что все это значит?

— Сначала ответь.

— Я стояла рядом... мы болтали... она открыла чемодан.

— Полностью?

— Почти...

— Было ли там нечто вроде револьвера, этакая блестящая штучка или что-то похожее?

— Да... подожди... что-то розовое и более темное у рукоятки.

— Это нужно взять.

Элен буквально привскочила. Держа шляпу рукой, она с удивлением, почти враждой смотрела на меня.

— Тебе не кажется, что заходишь слишком далеко?

— Нет,— ответил я, качая головой.— Жорж рассказал мне об этой штуке. Когда нажимаешь на спусковой крючок, появляются странные предметы. Более того, он считает, что она обвела вокруг пальца наши компьютеры. Этого предмета нет в перечне Бланда. Значит, она его сделала сама. Почему, зачем?.. Туман. Мы не знаем, что это за чудесные трюки, но Жорж напуган... тебе понятно? Жорж боится своей жены.

— Я ничего не поняла... но прошу тебя... продолжай...

— Ты же не думаешь, что предметы возникают так запросто и вдруг?

— А?

— Подумай сама... Ее пистолет может... скажем, испускать луч, который убирает экран, маскирующий предмет... такое я могу допустить. И если при каждом нажатии на спусковой крючок появляется некий предмет, значит, она их запрятала вокруг нас.

— Не понимаю, куда ты клонишь... к тому же твоя идея бездоказательна.

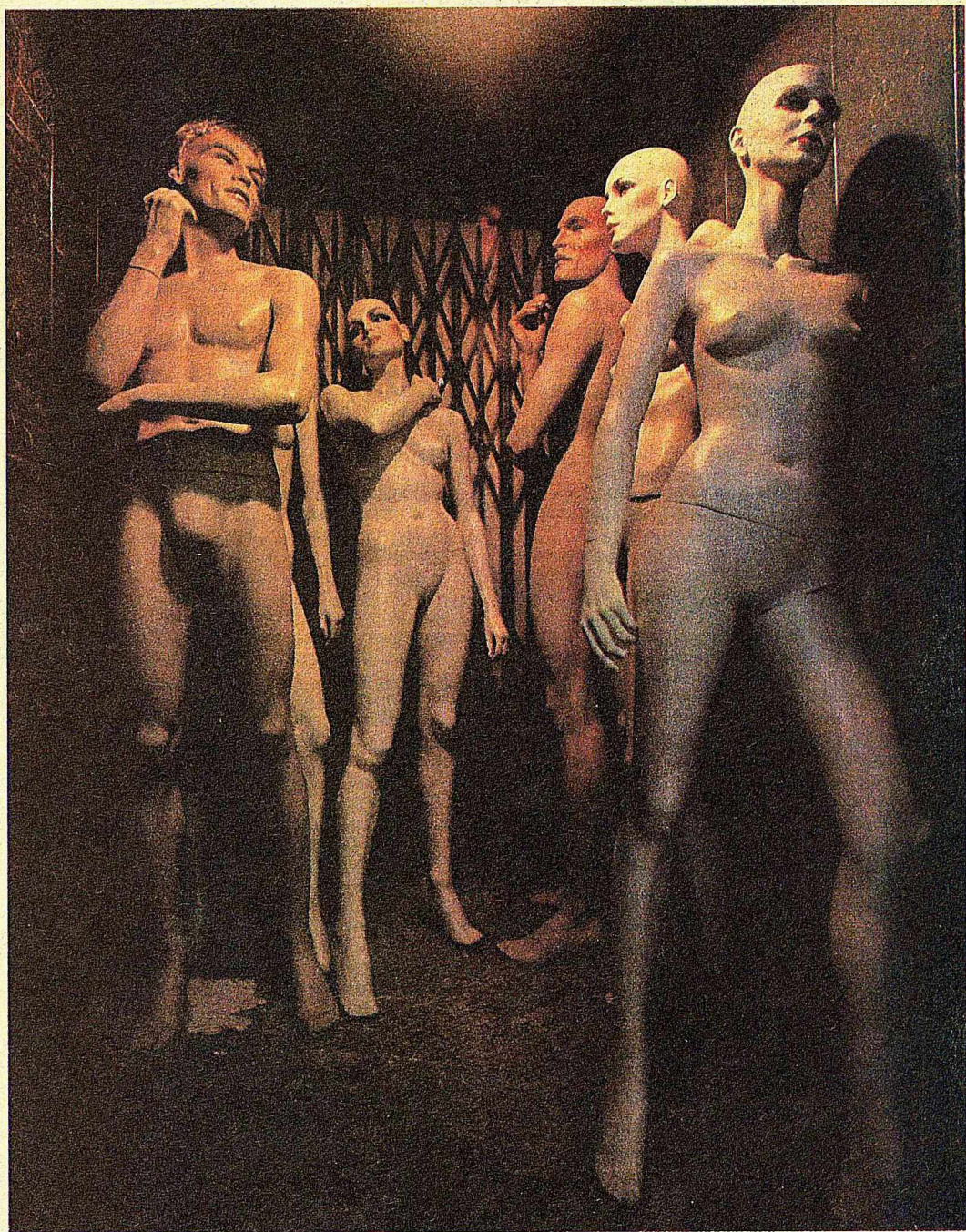
— Вот именно. Я хочу взять револьвер и испытать его здесь. И буду действовать в зависимости от результатов.

— Что ты предпримешь?

— Хочу наставить его на нее... Этот револьвер послужит доказательством ее лжи или сознательной забывчивости.

— Думаю, вы с ума сходите из-за пустяков...

— Если я ошибаюсь, то извинюсь перед ней. В противном случае ей придется дать объяснения. И мне вовсе не до шуток. Если бы ты пробыла с Жоржем все утро, ты бы реагировала точно так же.

— А если Жорж ошибается?

— Я слишком давно его знаю. Его шутки долго не живут. У него высоко развито чувство меры. А

поскольку он далеко не идиот, я временно перехожу в его лагерь.

— Не очень-то элегантно.

— Это вторично... Кстати... ты оставляла ее утром одну?

— На четверть часа... она принимала душ. А потом мы снова болтали.

- Итак... ты сможешь мне?
- Сомневаешься?
- Спасибо,— я поцеловал ее.
- Как ты это сделаешь?
- Когда закончится сиеста, заведи их всех на «сольтис». В это время я и возьму его.

Элен снова положила голову мне на бедро. Я машинально играл прядью ее золотистых волос, устремив взгляд в море, брызгающее тысячами сверкающих блесков.

Элен и Джлее играли в шахматы. Я знал, что Элен игрок очень сильный, однако ей она постоянно проигрывала. Дети следили за игрой, оценивая шансы каждого игрока. Несмотря на их юность, они, похоже, прекрасно схватывали суть игры. Я решил выйти на улицу. Жорж почти тут же последовал за мной. Мы молча дошли до воды, постоянно оглядываясь.

- Ну и что? — спросил он.
- Ничего. Я обыскал все. Она носит его с собой.

— Невозможно. Они все купались. Я обыскал всю лодку, но ничего не нашел.

- Странно.
- Элен его видела?
- Хм. Она описала его... розового цвета...
- Совершенно верно.
- Давай заглянем в ангар.

Через минуту мы уже занимались поисками. И под бортовым щитком, завернутый в тряпку...

- Его там не было, когда я смотрел.
- Простой фокус. Ни ты, ни Элен не следили за ней постоянно.

Я держал револьвер в руках. Шелковистая легкая штучка. Цельная.

- Хочешь попробовать?
- Завтра. Пойдешь гулять с Элен и детишками. А я пригласу ее сыграть в бадминтон.
- Десять тысяч за то, что она обыграет тебя,— улынулся Жорж.

— Принято,— ответил я, поживившись от названной суммы.— Знаешь, этот револьвер не создает новых предметов, он убирает экран, скрывающий их от глаз.

- Почему ты так думаешь?
- Простое ощущение. Я исхожу из твоих объяснений. Она никогда не открывается совсем, а ее искренность — только фасад, скрывающий частные цели... хотя вовсе не враждебные. Ты говорил, что линии предметов до странности нравятся тебе из-за их большей законченности. Когда ты учился в колледже, твоим увлечением была скульптура, не так ли?

- Ты еще помнишь об этом?
- Да... значит, цель и видимые средства живы.

— Во всяком случае, не направляй его на живое существо. Она особо настаивала на этом...

- Ты нарушал ее просьбу?
- Нет. У нее в этот момент был такой взгляд, что я счел необходимым повиноваться ей.

— Прекрасно,— сказал я, сунув револьвер под крышу ангара, в нишу, известную только мне.— Посмотрим все это завтра вместе с ней. И посмотрим, как будет ее ответ.

- Рауль... мне страшно..
- Мы влипли в любом случае.

— Если мы ошибаемся, она потребует с нас непомерную цену... я уже жалею...

— Слишком поздно... к тому же ты не оставил мне выбора.

— Знаю, Рауль... знаю...

Однако все это не помешало нам насладиться чудесным вечером. Мы беспешно вернулись домой. Поскольку вошли мы тихо, мы не помешали соперникам закончить партию.

Я проснулся с ужасной головной болью. Принял таблетку, залез под холодный душ, но мне стало еще хуже. Элен раскладывала приготовленный завтрак в сумку-холодильник. Я поцеловал ее. Она сказала, что и у нее чудовищная мигрень. Перед завтраком я проглотил вторую таблетку.

Вчера она проиграла партию. Я ее научил играть довольно быстро. А Джлее играла еще быстрее. На Лобиде учатся играть с миниатюрными компьютерами. Джлее рассчитывала ходы с невероятной скоростью. Элен мило улыбалась, когда передвигала слона, но я чувствовал ее напряжение, Патрик и Шахель ликовали, хотя их выдавали лишь глаза. Партия продолжалась тридцать пять минут. Джлее похвалила Элен. И самое худшее было в том, что похвала была искренней.

Как только мы улеглись, я изложил свой план Элен. Она приняла его без возражений. Я не стал ей пересказывать последние фразы Жоржа, чтобы излишне не волновать. Итак, все шло по плану.

Вторая таблетка помогла. Я почувствовал облегчение. Все шло нормально. Однако в голове, в самых тайниках мозга, скрывалась какая-то неясная тревога. Раздражительное, беглое ощущение... быть может, я забыл о каком-нибудь решающем факторе? Я без аппетита допил кофе. С веселыми криками ворвались дети. За ними шли Жорж и Джлее.

Часом позже «сольтис» превратился в пенный след на лазури моря. Я пригнул ракетки. Мы натянули сетку и начали играть. Солнце палило нещадно. Джлее была очень быстрой и ловкой. Мне вдруг стало ясно, что будет достижением, если я сведу матч с ней вничью.

Головная боль окончательно прошла. Джлее весело подшучивала надо мной. Мы сполоснули лица холодной водой, и я предложил ей осмотреть поместье. Я не зря горжусь тем, что у меня четырнадцать гектаров земли у самого моря. Поскольку здесь нет пляжа, туристы мне не мешают. К тому же защита от беспардонных посетителей установлена на двадцатиметровом расстоянии от берега. И в наше отсутствие невозможно и даже опасно переступить через эту линию. Мы болтали о пустяках. И шли очень медленно. Вскоре мы оказались рядом с ангаром. Когда Джлее на мгновение отвернулась, пистолет перекочевал в мой карман. Она ничего не заметила. Мы вернулись к вилле. Сосны не доходят до обрывистого берега метров на сто, и примерно на полтора гектарах образуется плоская площадка. Я отпустил ее немного вперед. Ветер стих. Вдруг она резко повернулась ко мне.

— Что вы ждете?..

— Ее тон сбил меня с толку. Она стояла метрах в пятнадцати от меня и спокойно глядела мне в

глази. Я достал револьвер и направил его на нее. Она усмехнулась.

— У нас очень уверенный вид.

— Вы сошли нас слишком тупыми...

— Тупыми? Что вы хотите сказать?

— Не двигайтесь... Я могу нажать на спуск.

— На нашем месте я бы даже не пыталась это сделать.

— Да... и почему же?

— Если нет нужных научных знаний, со «стансером» играть не рекомендуется.

— Вы допустили невероятный просчет. Жорж мог направить его и на человеческое существо...

— Вы думаете?

— Кроме того, если женщина умна, как вы, надо предвидеть и непослушание. Это устройство не создаст предметов. Так?

— Вы правы. Вы схватываете быстрее, чем Жорж. А теперь?

— Вы знаете, что я сейчас сделаю?

— Думаю, есть три возможности. Вы целились в меня или нет, или вы не пользуетесь револьвером.

— Вы правы... у нас всегда холодная голова... и надо признать, что это необходимо. Компьютер не так легко обмануть.

— Решительно... я вас недооценила, мой дорогой Рауль.

И вдруг мне в голову пришла жуткая мысль. Меня обманули, как и Жоржа. Вдруг я понял, почему колебался за завтраком. Ее фигура, ее полосы... а пока волосы дыбом встают у меня на затылке.

— Сколько времени вы уже находитесь здесь?

Звук моего голоса заставил ее издрогнуть и сжаться.

— Два дня...

— С какой целью?

— Защитить себя.

— Объясните.

— Не уверена, что мне удастся вас убедить. Однако мне кажется, что вы полны доброжелательства.

— Не стоит иронизировать. У меня чешется палец.

— На вашем месте я не стала бы делать этой попытки. По нескольким причинам. Самая важная касается нас и нашего мира, поскольку действие «стансера» меняется в зависимости от зоны контакта. Он действует на время. Каждая материя в пространстве имеет свою собственную кривизну. «Стансер» восстанавливает нарушенное мною равновесие. Однако, если излучение попадает на живое существо, мозговые доли, которые взаимодействуют с пространственно-временным окружением, излучают энергию умножения. Чем выше организация долей, тем сильнее взаимодействующая энергия. Мозг как бы сгибает время. И «стансер» может открыть большую брешь. И вместо меня в лучшем случае возникнет мамонт. Но если появятся Гаухат, трагедии не миновать. У вас нет средств для борьбы с этим чудовищем. И ваша планета будет полностью опустошена в течение недели.

Я выслушал ее короткую речь. Что-то подсказало мне, что она не лжет. Я не уверен, что пол-

ностью понял ее объяснения, ибо у меня нет научного образования. Однако я должен был идти до конца.

— Вы лжете.

Она зиколбалась. И даже, кажется, чуть побледнела.

— К несчастью для нас... нет. Я ни разу не солгала... я только говорила о том, что вы могли понять.

— А это? — спросил я, показывая ей «стансер».

— Я изготовила его на Земле. Объяснить, как? Вы ничего не поймете. Это было трудно.

— С какой целью?

— Чтобы защитить себя.

— Вы солгали и Жоржу.

— Хватит! Я не ребенок. Когда Патрик задал вам первый вопрос, что вы ему ответили?

— Это не имеет никакой связи с нашим разговором.

— Вы уверены?

— Я...

— За семьдесят лет ваши ученые помогли нашему миру сделать гигантский шаг вперед. Как вы собираетесь понять технику, недоступную даже их уровню понимания?..

— Почему вам надо было себя защищать?

— Я собираюсь улететь.

— На Лобид?

— Куда мне еще лететь?

— Почему не использовать официальные каналы?

— Вы уверены, что хорошенько подумали над своим вопросом?

Время, казалось, застыло. «Стансер» по-прежнему направлен на нее. Быть может, один шанс на сто тысяч. У меня впечатление, что я заключил глупейшее пари. Если она говорит правду, я могу вызвать катаклизм. Но в таком случае «стансер» является действительной угрозой для нее, и я могу держать ее под прицелом до возвращения Жоржа. Во всяком случае, мне ясно, что она обидела вокруг пальца весь мир. Возможно, она и не представляет угрозы для нашего шарика. Наши ученые есть наши ученые, но, услышав ее последние рассуждения, они смогут начать исследования в ином аспекте. Жорж будет здесь через час или два. Он предупредит власти. Я вдруг ощутил удовлетворение от того, что поверил ему. Скорее всего наш телефон не работает. Он с Элен отправится на машине. Самым трудным будет удержать детей в стороне. Думаю, Элен справиться с ними. А для властей нужны весомые улики. Я уверен, что она расположила Фирхры и моего издателя. С разрывом во времени... Защита их сработала. Я не знаю, зачем они. Пускай их излучением займутся в лабораториях.

— Отойдите назад.

— Рауль... что вы собираетесь делать?

— Отойдите назад!

Ее прекрасное лицо побелело. Она так часто задыхалась, что приоткрылся легкий корсаж, едва скрывающий полную грудь. Она и на самом деле очень красива и... опасна. Понятно, что Жорж до сих пор безоглядно влюблен в нее. Сколько же он должен был выстрадать, чтобы решиться на этот поступок...

Она находится уже метрах в двадцати и про-

должает пятиться. Я быстро отвожу ствол в сторону моря, наклоняю к земле и нажимаю на спусковой крючок. Материал словно размягчается под пальцем. Странное, почти приятное ощущение. Воздух начинает вибрировать. Дجلة, как мне кажется, от удивления широко открывает рот. В ушах раздается нестерпимый едва слышимый свист. Между морем и мною возникает огромная масса, и меня отбрасывает назад. Теряя сознание от сильнейшего удара, я все же узнаю тяжелый силуэт «Бланда».

Над моей головой коричневые балки. Мягкое освещение не раздражает глаз. Что-то влажное ласкает мне лоб.

- Рауль... слышишь меня?
- Уф,— с трудом выдавливаю я.
- Жорж, он пришел в себя.
- Рауль, как себя чувствуешь?

Я плохо вижу. Голова не болит, но кажется, что она плавает где-то рядом с телом. Меня нежно приподнимают. Мокрая перчатка соскальзывает со лба и падает мне на колени. Ощущение полета продолжается, хотя я и сижу.

- Лучше,— наконец выговариваю я.
- Что случилось? — спрашивает меня Жорж.
- «Стансер»... я нажал. «Бланд»...

Жорж кивает.

— Где дети?

— С ней.

Ответила Элен. Их поведение кажется мне странным.

— Налейте коньячку.

Элен отправляется за коньяком, а Жорж — к окну. Я беру рюмку. Спиртное действует мгновенно. Я правильно сделал, что выпил. Телу становится жарко. Мне наконец удается встать. И тут я вижу, что уже наступила ночь. Долго же я провалялся в отключке. Несколько часов. Я бросаю взгляд на часы. Одиннадцать с четвертью. Я провалялся без сознания двенадцать часов.

— Почему вы не вызвали врача?

— Дجلة запретила. Она сказала, что немедленно улетит, если мы не подчинимся ей.

Подбородок Элен начинает предательски дрожать. Жорж отворачивается, избегая моего взгляда. Мои первые шаги неуверенны, но силы быстро возвращаются. Я вспоминаю об ужасном по силе толчке. Об электрических пощипываниях. Меня буквально выкинуло с того места, где возник «Бланд».

— ... Она сказала,— говорит жена,— что придишь в себя без последствий.

— Хоть здесь она не солгала,— промычал я, почти удивляясь, как быстро пришел в себя после столь долгого беспамьяства.

— Если ты и в самом деле чувствуешь себя нормально, мы можем туда идти,— роняет Жорж.

— Ну что ж, пошли.

Силуэт «Бланда» одновременно сказочен и ужасен. Иллюминаторы излучают мягкий свет, и звездолет походит на призмистую сплюсненную новогоднюю елку. Множество звезд и луна... контуры корабля четко вырисовываются на фоне неба. Ночь тиха и спокойна. Мы подходим ближе. Вспыхивает световой прямоугольник. Мы утыкаемся в магнитный барьер. В проеме стоят три фигуры — Дجلة, Патрик и

Шахель. Я протягиваю руку к Патрику. По ней пробегают электрические мурашки. Я едва ее двигаю.

— Патрик,— вскрикиваю я от волнения.

— Добрый вечер, папа.

Голос у него вежлив, негромок и доносится как бы издалека.

— Мне страшно,— шепчет Элен, хватая меня за руку.

— Я отвечу на все ваши вопросы,— объявляет Дجلة.

— Почему вы взяли Патрика в качестве заложника?

— Патрик... лучше будет, если ты сам ответишь отцу,— нежно говорит Дجلة.

— Ладно... папа... мама... вам будет больно, потому что вы не понимаете, что с нами происходит. Вы не в состоянии понять, почему я здесь. После долгого размышления я решил отправиться вместе с Дجلة и Шахель на Лобид.

— Патрик,— вскрикнула Элен.

— Прошу тебя, мама. Уверена ли ты в том, что хорошо знаешь меня?

— У вас нет права увозить его с собой,— кричит Элен.— Вы опоили его наркотиком. Он сам не знает, что говорит... Вы слышите меня?

Я обнимаю Элен за плечи. Она дрожит как в нервном припадке. Жорж бледен как смерть.

— Чем выше неточность, тем точнее будет ответ,— невозмутимо продолжает Патрик.— Ты считаешь, что меня опоили. А я обучался игре в травинку уже четыре года. Вы считаете, что играющий ребенок тратит зря восемьдесят процентов времени. Если бы вы знали...

— Патрик прав,— добавляет Шахель, глядя на Жоржа.— Вчера, уже после третьего хода мы знали, что Элен проиграла.

— Папа... сколько времени ты не прикасался к книгам из своей библиотеки?

— Почему ты спрашиваешь, Патрик?

— Ты бы с ума сошел, увидя в них мои заметки.

— Ты же не будешь утверждать, что все их прочел...

— А если я скажу, что прочел их все...

— У нас более пятисот томов. Некоторые...

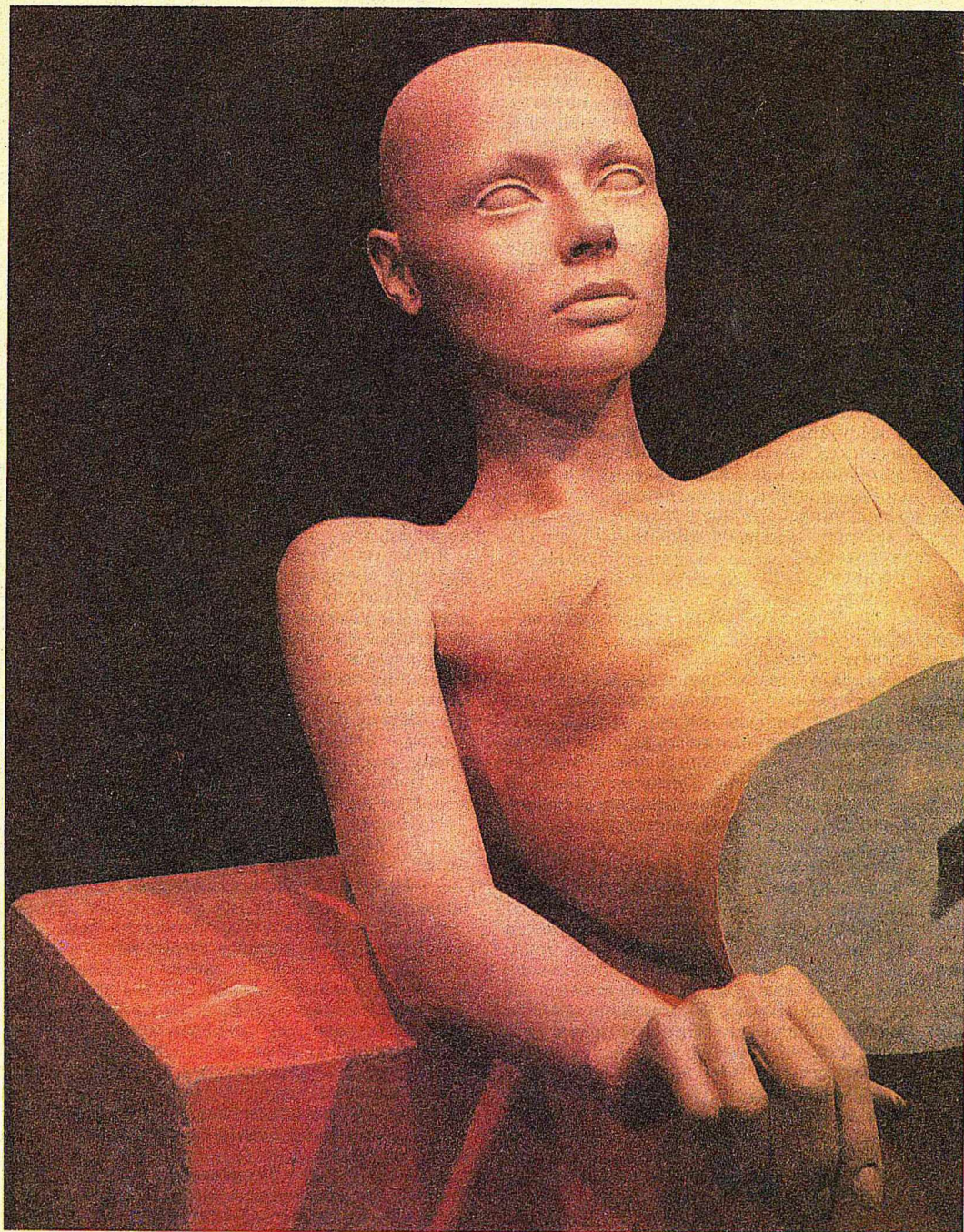
— Боюсь, что все это правда,— вмешивается Жорж...— Главные отличия... не так ли, Дجلة? Для нас с тобой это пресловутая разница в умственном развитии... равнозначна рву, отделяющему нас от обезьяны... или я ошибаюсь?

— Грубо говоря... да,— тихим голосом подтверждает она.

— Значит, вы спали с обезьяной,— вырывается у Элен, перед тем как ее начинают сотрясать рыдания.

— Может быть,— без всякого волнения соглашается Дجلة.— Физических различий между нами нет. Спросите у Жоржа, сожалеет ли он о моем понимании любви... Присмотритесь к детям. Ваш мозг формируется в соответствии с вашим развитием. Патрику и Шахель по восемь лет. А они уже знают больше вас. И они обучались так, что вы же даже ничего не заметили. Что же сказать... о моей жизни... среди вас... Вы когда-нибудь пытались пожить в зоопарке вместе с обезьянами? Кроме романтизированного героя Тарзана, такой попытки никто не сделал. Знаете, каков разрыв в развитии между нами?

Десять тысяч лет... вы можете представить, что это такое? Среди вас мне оставалось только повторять каждую секунду, каждую минуту, каждый час, каждый день одно и то же, строить одни и те же гримасы, прибегать к одним и тем же словам и жестам, следить за каждым своим словом, чтобы не СМУТИТЬ ВАС. А я даже не

уверена, в состоянии ли вы оценить весь смысл моих слов. Разве вы можете уйти от того, что вы есть. Вы кричите, что любите своих детей... отчасти это верно. Но если я оставлю их вам, то через несколько месяцев без моего контроля они отбросят все табу, попытаются разорвать пути традиций, их слова заденут вас за живое.

И вы начнете преследовать их и убьете, как диких зверей. А лет через сто сообразите, что у них были гениальные мысли, что они невероятно опередили своих современников. Но ваши рефлексы уже сработают. И будут убиты или умрут от стыда и голода лучшие мыслители, которые смогли бы двинуть вас вперед. Вы сознательно дали умереть первым христианам, либеральным философам и революционерам, вы уже запятали себя. Вы считаете, что вышли из варварского состояния, потому что ваши ученые научились мирно использовать атом? Смешно. Блошинный прыжок. На всем земном шаре свобода еще находится под вопросом. Паспорт остается обязательным еще для шестистот стран, ваши экономические империи ведут безжалостную борьбу. Вы крадете тайны друг у друга, фальсифицируете факты, защищая ваше этническое самощущение. А культура, ваше славное искусство... я изучала вас. И знаю, о чем говорю. Наши народы еще не готовы к встрече. Ваши богатства нам не нужны. Наша империя включает тысячи миров.

— Жаль, что я выстрелил не в вас,— процедил я сквозь зубы.

— И правильно сделали. Опасность была вам известна.

— Дети будут считать нас чудовищами,— сказал Жорж.

— Нет! Это моя забота. В наших центрах они пройдут курс ускоренного развития, соответствующий их умственным структурам. Я немного поработала над вашими телефонами. Когда они захотят, они смогут позвонить вам с Лобиды. Вы же этого сделать не сможете.

— Вы врете,— закричала продолжавшая дрожать Элен.— Вы — бесчеловечное... чудовище.

— Со временем вы, может, поймете, что я в сотни раз человечнее вас. Опыт обогащает. А страдание оттачивает способности.

— Джлее... когда мы вырастем, мы сможем сюда вернуться?

— Конечно, Патрик... но я не уверена, что у тебя возникнет такое желание.

— Доказательства,— сухо рявкнул я.

— Покажи, Патрик.

Патрик исчез внутри корабля. И вдруг из ангара донесся звонок. Я бросился к телефону, Элен едва поспежала за мной.

— Алло, Патрик... не слушай ее, малыш... возвращайся (Элен взяла вторую трубку). Прошу тебя, малыш. Она соврала тебе... вернись... не улетай с ней. Мама рядом со мной... хочешь поговорить с ней? Ты причиняешь нам сильную боль... Патрик... нет... я не лечу... возвращайся к нам... слышишь? Патрик!

Трубка выпала у меня из рук и повисла на проводе. Патрик прервал разговор. Он предложил мне попробовать телефон виллы. Я положил трубку на место. Руки у меня дрожали. Несмотря на всю силу, я не смог унять дрожь Элен. Она вырвалась и убежала. Мой мозг сработал с запозданием. Я бросился вслед за ней. И услышал крик. Элен лежала на траве. Над ней стоял Жорж.

— Она бросилась прямо на энергетический барьер,— сказал Жорж, отойдя в сторону.

— С ней ничего не случится. Она получила очень легкий удар.

Джлее говорила без всякого волнения. Я поглаживал лоб Элен, когда со стороны виллы донесся резкий телефонный звонок.

— Бесплезно,— обратился я к Джлее.— Скажите, что я не пойду.

Веки Элен вздрогнули. Патрик снова показала в освещенном проеме. Элен застонала, отбросила мою руку, встала. Она отказалась от моей помощи, а оперлась на магнитный барьер.

— Патрик,— потухшим голосом спросила она.— В чем ты нас упрекаешь?

— Жаль, мама. Я ни в чем вас не упрекаю. Вот уже год Джлее поддерживает меня. Мне надо было продолжать жить с вами, словно ничего не произошло. Я слышал, как вы цитировали Паскаля, Эйнштейна, но знал с доказательствами на руках, что вы усвоили едва четверть того, что они говорили. Если не двадцатую часть. Наши жизненные концепции разошлись. За день я узнавал больше, чем вы за год. Вы не могли понять меня. Вы говорите, что вам больно... А мне... у меня разве нет права на боль? Кто из нас троих страдает больше? Кто утвердил нерушимое право родителей на страдание, когда уходят дети? А если родители ошибаются... детям по-прежнему страдать нельзя? Вы — взрослые? Только что вы вели себя не по-взрослому. Папа называл Джлее лгуньей, мама устроила нервный припадок, как мединетка, потерявшая очередного любовника.

— Патрик... будь помягче, пожалуйста... не забывай об уважении...

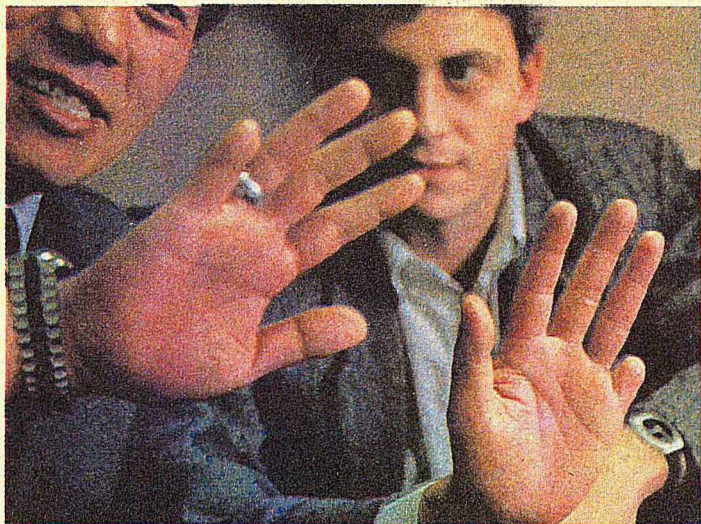
— О... Джлее... мне плохо... я стыжусь их.

Джлее наклонилась к Патрику и обняла его за плечи. Патрик плакал. Шахель рассматривала нас с застывшим лицом. Я почувствовал, что в глубине моего существа что-то сломалось. Покраснев от стыда, Элен закрыла лицо руками и рыдалась. Все поплыло у меня в глазах. Я даже не сразу понял, что из глаз моих катятся тихие слезы. Жорж и Шахель обменялись долгим взглядом. И в их взгляде я вдруг различил любовь, какую-то непривычную нотку страдания для восьмилетней малышки. Джлее отправила детей в корабль. Ее движения были тверды и нежны. Она поочередно поглядела на нас троих, задержала взгляд на словно окаменевшем Жорже. Люк закрылся. Корабль легко скользнул к морю, потом взмыл вверх. Он дважды покачнулся. Затем накренился на борт и нырнул в ночь. Воздух показался мне ледяным. «Бланд» быстро уменьшился в размерах. И перед тем как затеряться среди звезд, оставил за собой блестящий след.

Всем известно, что июньские ночи Средиземноморья славятся своими падучими звездами, бороздящими небо. Но я впервые видел звезду восходящую.

Перевод Аркадия Григорьева

ЖЕЛТАЯ МАФИЯ

Падение войск якузи

Восемьдесят восемь тысяч бойцов, годовой оборот 65 миллиардов йен, 3300 банд — такова японская мафия, пресловутая якузи. В отличие от своих сицилийских собратьев она никогда не использует бомб и не трогает мелкий люд. Более того, она ввела строгие порядки в уголовный мир. Якузи ограничивается лишь контролем над запрещенными играми, проституцией, торговлей наркотиками и махинациями с недвижимостью. Именно в этой области и нанес удар новый японский закон против мафии. «Больше не платите!» — приказано хозяевам. И полиция следит за этим. Началась долгая война, которая уже принесла первые результаты.

Его оставили лежать мертвым на тротуаре прямо перед баром. Его, Кейго, местного якузи, убили не конкуренты по нелегальному бизнесу, а торговцы. Конец света! Еще недавно все они трепетали, когда он со своими молодчиками входил в рестораны, бары и магазинчики квартала. Но страдающие от ржета поднимают голову. Уже год как японская мафия находится под прицелом властей — изданы указы и увеличены силы тех, кому следует бороться с хваткой якузи, душащей экономическую жизнь страны. Двадцать лет Кейго пользовался благосклонностью, если не доверием поли-

ции на своей территории, а теперь праздники для него закончились. В 38 лет, потрепанный уголовным миром, он решает завязать. Накануне своей смерти он приходит к своему крестному отцу («ойябуну»), который ввел его в клан. Встав перед ним на колени, он резким ударом бритвы отрубает себе фалангу мизинца на левой руке. Этот ритуал является отпущением грехов за провинность.

Кейго последнее время уже чувствовал изменения. «Согласие» между населением и уголовниками нарушилось. Их издавна считали гарантами общественного спокойствия, потому что они держали в узде свои войска и сурово наказывали тех, кто задевал «катагис» (нормальных людей). Но теперь общественное мнение обернулось против них. Первая причина — экономический взрыв последнего десятилетия, источник колоссальных доходов, сломал их кодекс поведения. Дурные поступки — изгнание мелких владельцев для облегчения крупных операций с недвижимостью. Второе — ржет простых торговцев и скромных предпринимателей. Подверглась осуждению власть татуированных людей над торговлей наркотиками (35% доходов). Уже ощущается их воздействие на население. Вызвали всеобщее осуждение и нападения на кинорежиссера Хосо Итами после выхода фильма «Minbo no Onna», где якузи представлены дураками, и на журналиста Атсуси Мизогуси, написавшего книгу о Ямагуси-гуми. Японский уголовный мир не терпит посягательств на свой имидж...

Принятие нового закона было воспринято как политическое благо. Японцы отныне ощущают, что у полиции есть реальная сила, а власти не заигрывают с якузи.

Полиция не медлила, приступая к действиям. Она вооружилась посохом паломника и пошла от двери к двери, нанося визиты торговцам и владельцам фирм, чтобы убедить одних отказать от выплаты «Йохимбо», налога мафии, а других — разобратся с сомнительными членами своих административных советов. На это при-

шлось потратить немало времени, ибо некоторые вначале не хотели даже принимать полицейских, а большинство уверяло, что не имеет никаких отношений с якузи, хотя многое указывало на обратное. И это понятно — они испытывали страх. Один крупный предприниматель даже уверял, что он разорится, поскольку успех его контрактов зависел от доброй воли местного клана. Но для тех, кто не желает ничего слушать, есть хорошее средство давления — если будет установлено сообщничество, им также будет предъявлено обвинение. Этот аргумент заставил задуматься многих.

В несколько месяцев сотни магазинчиков, банковских филиалов, баров и предприятий перекроют финансовый насос, оставив без работы тысячи уголовников. И мораль войск якузи начнет падать в соответствии с падением доходов. Уже из-за экономического кризиса, который превратил в дым огромные поступления, главарь мафии встретится с невиданным доселе бегством якузи из рядов воинства. Колоссальный удар по тиеславию крестных отцов в стране, где верность по отношению к предприятию почти возведена в культ, даже если это мафиозная организация...

В середине семидесятых годов якузи были сливками уголовного мира Японии. Ни единого крупного скандала не обходится без них, они представлены в каждом слое японского общества. Как и их отдаленные корсиканские и сицилийские братья, они считают себя людьми чести — внешне якузи никогда не причиняет вреда простому люду, не пытается соблазнить жену другого, почитает иерархию, вежлив, умеет молчать, следует почти средневековому кодексу чести, унаследованному от эпохи самураев.

К тому же им приписывается влияние на кривую статистики преступности. В Японии в пять раз меньше убийств, в семь раз меньше изнасилований и более, чем в девяносто раз, меньше краж, чем во Франции, а количество полицейских вдвое меньше... Японская мафия охотится за крупнейшими поставителями финансов, экономики и политики. В 1990 году 40 процентов предприятий платили

«налог» одной из мафиозных семей! Главари мафии свергали министров, растащивали экономический истэблишмент, снимали премьеров. Берегитесь те, кто мешает — они умеют пользоваться бритвой, могут бросить зажигательную бомбу, воспользоваться мастерком и бетоном для изготовления гроба. Та же тактика террора, чтобы расшатать мультинациональные компании, отказывающиеся платить «налог». Фирма Моринага, тяжеловес в области кондитерских изделий, попытавшаяся оказать сопротивление, хранит горькое воспоминание об этом — на прилавки были подложены пакеты с конфетами, начиненными цианистым калием, а некий добрый самаритянин известил прессу. Радикальное средство...

Теперь два магазинчика из трех безжалостно расправляются с молодчиками, являющимися за «налогом». Кейго, маленький начальник, заплатил за все. Те, кого он терроризировал, отомстили ему.

Бегство из воинства, хотя его и трудно оценить в цифрах, стало реальностью. За год более 130 банд (из 3300) самораспустились, а около 5000 мафиози были соблазнены плакатами, развешанными полицией, с призывами к уходу из уголовщины. Зеленые телефоны, работающие ради раскаивающихся, не замолкают 24 часа в сутки. В тот же год 219 гангстеров оставили свою артиллерию в багажных хранилищах вокзалов или в комиссариатах, следуя символически

самураев, складывающих саблю к ногам победителя. Настроение у мафии препагостное. Ежедневная газета «Майниси» рассказала о случае с одним из главарей токийского клана, который, видя, как его ежемесячные доходы упали с 1,7 миллиона йен до 500 000, умолял хозяина «пачинко» (нечто вроде игрового автомата) платить ему бесплатной игрой восемь часов в сутки! А ведь уголовник имел под рукой двести вооруженных преступников и не был новичком в делах...

Йацки Кореэда, главарь банды Абиру-гуми, будучи не в силах выполнить свои обязательства перед начальниками из-за резкого сокращения своей деятельности, пустил себе пулю в лоб. Такая же судьба постигла четырех главарей банды Наракен, разоренных в течение одного года. Всего сделали себе харакيري двадцать главарей... В Каназаве полиция обратилась к 200 строительным организациям, чтобы пристроить на работу раскаявшихся уголовников, выступая в качестве соцстраха. Префектура Фукуи предложила свои услуги Мицую Яшимура, специалисту по ампутации пальцев ног, которые он переставляет на место отрезанных фаланг на руке. Полный успех! Хотя операция стоит 40 000 франков и длится более 4 часов, очередь на нее превышает шесть месяцев. Желющих поконить ряды мафии не пугают даже перспективы суровых кар вроде выливания кислоты в лицо. Полиция строго предупреждает главарей банд, чтобы они отказались от вендетты.

Проблема состоит в гнете культурно-ритуального наследия, по которому трус должен отрезать себе фалангу мизинца. Необходимость в устранении этого ритуала просто капитальная — человек без мизинца не имеет друзей, жилья, работы...

Якузи не замедлили дать ответ. В 1990 году 10 000 уголовников избрали эмиграцию. Многие из них отправились в Колумбию, являющуюся первым производителем кокаина в мире, другие — в Золотой треугольник, где в основном производится героин. Послед-

Мафиози бастуют

ние по времени эмигранты устроились в США, где прослыли специалистами по отмыванию денег и пытаются наладить торговлю наркотиками.

— Этого следовало ожидать,— замечает сержант Эндрю, американский полицейский, специализирующийся на борьбе против триад. Экономическое выживание Японии зависит от динамики экспорта. То же относится и к якузи.— Чтобы бороться с такой структурой семьи, надо решить главную проблему. Где найти достаточное количество людей для борьбы с экзотическими разновидностями мафии — они должны свободно владеть языком и быть специалистами по азиатской культуре, чтобы противостоять незаконной деятельности.

ФБР уже нащупала щупальца японского «спрута» в Детройте, Чикаго, Денвере и Далласе, а ведь недавно деятельность его ограничивалась Гавайями и частью Калифорнии. Всемогущая желтая мафия даже получила услуги от высокопоставленного человека, Прескотта Буша, брата экс-президента! Американского бизнесмена поймали в ловушку, когда он оказался в роскошном офисе Уэст Тусо, финансово-инвестиционной компании, привлечшей его в качестве эксперта. На самом деле это оказался один из многочисленных филиалов Инагава-кай, банды численностью в 7500 человек... Ошибочный, но понятный шаг. Сампеи Коянаги, его прямой наниматель, Манехобу Сози, японский хозяин, имевший связи с якузи, были чисты с точки зрения закона. Но имели деньги. Зарплата — 1,5 миллиона франков и половина будущих доходов...

Хотя и далекая из-за географического и культурного удаления, Франция не может считать себя в безопасности. Странным было путешествие в Париж Масару Тукуми, номера 2 в Ямагуси-гуми, для лечения от диабета и болезни

печени, ведь они с успехом лечатся и в японских клиниках. Полицейские считают, что цель поездки была иной — его начальник, сам «ойябун» (крестный отец), должен был нанести ему визит вежливости, а затем отправиться по разным европейским городам. Не получилось. По прибытии в Париж 19 августа 1992 года полицейские посадили Масару Тукуми в самолет и отправили восвояси. В тот же год полицейские раскрыли сеть отмывания денег — речь шла о 400 миллионах франков! Эта была первая крупная операция с участием якузи во Франции. Уголовники набирали азиатов в XIII округе и заставляли их покупать роскошные сумки, чтобы затем с убытком продавать в Стране восходящего солнца, и делалось это при сообщничестве французского таможенника. Эта проигрышная операция позволяла отмывать огромные суммы денег, но требовала обширного тылового обеспечения — в день операции финансовая бригада арестовала 120 человек, у которых на руках наличными было 2,5 миллиона франков! Один из трех организаторов этой торговли, Томохиро Аоно, был владельцем нескольких игровых заведений в Японии...

Кроме этой интернационализации своей деятельности, японские бароны, прижатые

Татуировка мафиози

на своей территории, начали наступление на юридическом фронте с яростью смертельно раненного кабана. Целая армия нанятых адвокатов была брошена на борьбу с законом, используя тему ущемления свободы ассоциаций и даже прав человека! Аргумент не лишен смысла — декрет, который запрещает существование предприятий со слишком большим количеством рецидивистов (42 на тысячу служащих), противоречит большинству международных правил, по которым считается, что человек, отбывший наказание за свои преступления, не может страдать от дискриминационных мер. И теньевые люди нашли весомого и неожиданного союзника — мэтра Макото Эндо, яростного защитника прав человека, которого никак не заподозрить в союзе с мафией. Юрист возмущен: «Принимать такой закон означает позволять правительству объявлять вне закона любую мешающую ему организацию, профсоюз или политическую партию. Уже существующий набор законодательных мер позволял с успехом справляться с якузи, но полиция никогда ими не пользовалась. Отныне Япония — подлинное полицейское государство!»

В ожидании судебного решения по этой законодательной схватке якузи получили строжайшие указания — не делать волны. Малейший неправильный шаг может подвергнуть репрессиям 3000 кланов. Теперь якузи пытаются скрыться за респектабельной вывеской. Идет отказ от фольклора татуировок, от кимоно и отрезанных фаланг. Теперь якузи одеваются в строгие тройки. «Ассоциации взаимопомощи» испаряются с такой же скоростью, с какой и создавались. Формы рэкета стали более скрытыми. Японская мафия все больше растворяется в гражданском обществе. Как теперь бороться с ней? Так главарь Утсунумии (префектура Токио), входящий в Сумио-си-кай (вторая по величине семья в Японии, 8000 че-

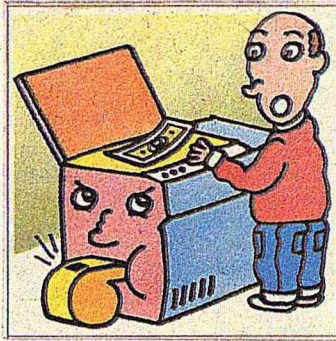

ловек), недавно приглашал хозяев на свои вечера, вход на который стоил 50 000 йен (около 3000 франков) с головы. Когда полиция запретит этот вид дохода с привкусом рэкета? В свою очередь, банда Такуми-гуми, касса Ямагуси-гуми, выступает теперь под вывеской Такейоси, почетным фасадом финансовой фирмы. Клан Кокусуи (на востоке Японии) скрывается в помещениях фирмы Ооеи, специализирующейся на торговле драгоценными металлами. Остальные преобразуются в благотворительные общества или комитеты по борьбе с насилием... 16 февраля была раскрыта ветвь Ямагуси-гуми в буддистском храме, а клан Нагойи стал религиозной ассоциацией!

Подручные становятся первыми жертвами этой инструкции о воздержании. Их бьют первыми, а они не имеют права делать что-либо противное закону, чтобы не подвергнуть свой клан репрессиям.

В июле 1992 года Лига Канто Хацук-кай, состоящая из восьми гуми на востоке Японии, выгнала нескольких своих силовых людей за то, что они извлекли оружие без разрешения босса. Лига даже вложила деньги в аренду сейфа, чтобы сложить туда оружие своих членов... Кроме того, мафиозные бароны пытаются склонить на свою сторону общественное мнение, потрясая призраком взрыва уголовных преступлений, которые они — по их утверждению — сдерживали.

— Если этот закон отнимет у нашей организации доходы, тысячи неконтролируемых молодых людей с оружием в руках заполонят улицы, — угрожает номер 3 банды Самисукай, подлинных хозяев уголовного мира Токио. Ему есть о чем беспокоиться — за несколько месяцев его армия потеряла добрую сотню рекрутов. Если война между бандами привела в прошлом году к гибели трех гражданских лиц, будущее может быть более кровавым...

Кража в обход кредитных карточек

Странное преступление волнует американцев: в течение двух недель автоматические кассы небольшого коннектикутского городка Хартфорда не работали. Когда кто-то хотел получить деньги, машина вежливо записывала его координаты и выдавала небольшую квитанцию: «Жаль, я не работаю». Через две недели появилась бригада лжеремонтников. И восстановила машины. Все, кто обращался к машинам в эти две недели, обратили внимание, что их счета тают с катастрофической скоростью — воры использовали фальшивые карточки, снабженные правильными номерами, извлеченными во время «выхода из строя». Пока полиция Хартфорда не может сообщить ничего.

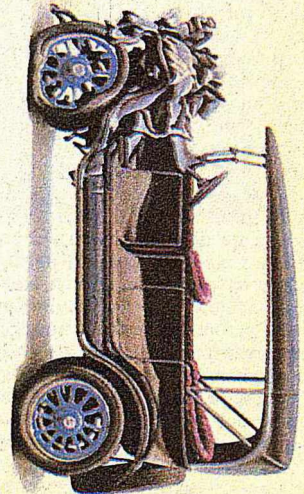
Первый моряк в мире

На индонезийском острове Флорес были найдены обработанные камни возрастом в несколько сотен тысяч лет. Для голландских специалистов по древнейшей истории Пола Сондаара (Утрехтский университет) и Джона де Вос (Музей естественной истории Лейде) эти камни являются доказательством, что гомоэректус (бывший питекантроп) был первым мореплавателем в человеческой истории. И действительно, чтобы добраться

до этого острова, находящегося на окраине индонезийского архипелага, надо пересечь несколько проливов.

Парковка без водителя

Секюрипарк — полностью роботизированный паркинг, разработанный фирмой «Сара Роботик» (Сен-Шама, что поблизости от лагуны Берр). Приехав на стоянку, вы оставляете машину в своего рода тамбуре. Она тут же помещается на тележку, а затем загружается в лифт, который серией горизонтальных и вертикальных перемещений ставит ее на первое свободное место. Операция проходит в обратном порядке при получении машины. Такой паркинг (а их есть уже несколько), по-видимому, скоро станет всеобщим. Его преимущества очевидны — выигрыш места внутри, поскольку не надо предусматривать подъездные пути и тротуары для пешеходов. Большая безопасность в отношении кражи. И очень важно — конец переживаниям рассеянных водителей, которые часами бродят по этажам паркинга, забыв, куда они поставили машину.

Катрин Швааб

Вадим, или Исповедь отгулявшего донжуана

Никогда не спрашивайте его, как ему удалось жить с самыми прекрасными женщинами века: он не выносит этого вопроса. «Когда я встретил Брижит, Катрин и Джейн, — объясняет он, — первые две были еще просто девочками, не подозревавшими, что им предстоит стать актрисами. А Джейн была «юной надеждой Голливуда», только что покинувшей Америку, чтобы создать себе имя во Франции».

Почти неизвестные! Сами не осознающие могущества своей странной притягательности: еще погруженные в неспорченность, — какое загадочное свечение звезд! Оно лазером сразило будущего рыцаря и маэстро этих выдающихся созданий.

В прекрасной квартире, которую он снимает напротив сада Тюильри, Роже Вадим ждет свою Дульцинею — Мари-Крестину Барро. Она скоро вернется из провинциального турне, куда поехала с пьесой, поставленной ее новым мужем. Роже Вадим в вельветовых брюках каштанового цвета выкуривает легкие сигареты с головокружительной быстротой. Он больше похож на спокойного мужа, чем на донжуана, вечно стоящего на боевом посту.

До Мари-Крестин (Роже Вадим повторяет это направо и налево) у него никогда не было такого взаимопонимания с женщиной. «Она — первая, кто согласилась с основополагающими принципами моей жизни: никогда не портить пустыми ссорами главное в жизни, независимо от обстоятельств и желания лидерства. До Мари-Крестин второстепенные вопросы создавали в моих взаимоотношениях какую-то атмосферу беспокойства, лукавой неуверенности, короче, нависала вечная неотвратимость катастрофы».

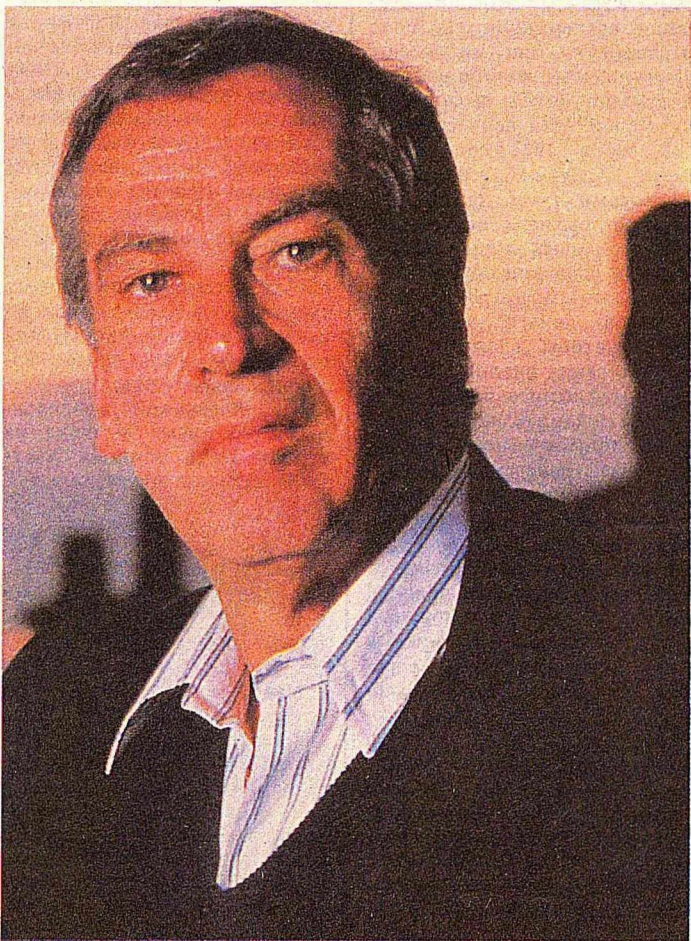
Чтобы наконец обрести гар-

монию, ему пришлось ждать пятого брака две трети жизни: «За эти годы мы ни разу не ссорились», — в восторге заявляет влюбленный Роже. «Сейчас — один из самых прекрасных пе-

риодов в моей жизни. Полнейшее сходство взглядов, сексуальный расцвет. Такое счастье до сих пор я знал лишь по крохам».

Вспомним: в 1956 году Роже Вадим в возрасте 30 лет снял «И Бог создал женщину», слепив с помощью Бардо мощно возникший образ, невероятно скандальный в своем современном решении. Вслед за ним выдал революционный фильм по мотивам романа Шодерло де Лакло «Опасные связи». В то время, когда различные лиги защиты добродетели считали кинорежиссера цинично-разврат-

Роже Вадим. Жажда гармонии взаимопонимания. Размышления соблазителя в зрелом возрасте. В 62 года он стал однолюбом. «Сейчас самый прекрасный период в моей жизни».

ным роботом, гедонистом, погрязшим в бесчестии, или гуру, накликающим порчу на невинных молоденьких женщин.— Общество писателей подает на него в суд. Вадима обвиняют во вредительстве по отношению к культурному наследию Франции. Адвокат киностудии, в виде исключения ведущий тяжбу в суде, без труда выигрывает процесс. Его имя: Франсуа Миттеран, а доводы его с тех пор составляют самую суть французского права.

«Сернистая» репутация преследует создателя «Барбареллы» и по сей день. Он говорит о ней с задумчивой озабоченностью энтомолога, привыкшего к самым неприличным, нелепым, неуместным открытиям, откровениям: «Я часто становлюсь жертвой предвзятых мнений, в особенности со стороны женщин. Как только они приближаются ко мне, я ощущаю их враждебный настрой. В их поведении, отношении ко мне я читаю: «Подумаешь, очаровашка нашелся! Считает себя неотразимым чуваком, ну ладно, сейчас я ему покажу!» И в этот миг извращенно-изменячивый Вадим, раздевающий своих жен перед камерой, адский волшебник, властно поко-

Роже Вадим и Брижит Бардо

Катрин Денёв

Джейн Фонда

ряющий женщин своей воле, делающий их безвольными, слабыми созданиями,— внезапно преобразается в милого, совсем безобидного мальчика! «По сути дела, если смотреть в корень, успех моих актрис скорее мешал моей репутации»,— замечает Вадим эвфемически,

чисто по-британски. «Впрочем, именно для того, чтобы объяснить, что я — никакой не черт, каким меня описывали мои критики, я и написал книгу «От звезды к другой звезде».

Результат: данный труд, разумеется весьма субъективный, стоил ему одновременно процесса в суде с Брижит Бардо и Катрин Денёв, ибо был истолкован как покушение на их образ, честь и частную жизнь. Автор вынужден был перевести на счет каждой из своих бывших возлюбленных 60 000 франков, чтобы как-то загладить оскорбление.

И тут уравновешенный Вадим обмолвился: «В процессе написания книги я отдавал этим легендарным актрисам часть моей человечности и ранимости».

Если Вадим и поддерживает, чисто внешне, наилучшие отношения со своими бывшими возлюбленными, то скандалящий Тарзан все-таки отказался от прелестного взаимопонимания со скульптурной героиней «Шербурских зонтиков». Хотя у них есть сын, Кристиан, которому двадцать пять лет. Кстати, он актер, играющий Танги в новом киноварианте «Рыцарей неба».

Из всех подруг Вадима, вероятно, именно Брижит Бардо вызывала наибольшее умиление у сего великого женослужителя.

Вадим помнит все преследования публики, направленные против Брижит, которую обвиняли в том, что она — воплощенный соблазн, одновременно завидуя тому, что сексуальность Брижит Бардо — свободна и современна. Вадим и сам, как бывший журналист «Пари-матч», жонглировал между критикой и бескомпромиссной чувствительностью. Он-то знал всю двусмысленность механизмов славы: «Однажды в горах Виллар-де-Лан мы с Брижит оказались запертыми в горячей хижине: то была работа ее почитателей! Мы прогуливались, и вдруг группа молодых людей начинает приставать к моей спутнице, выпрашивая автографы. Она резко отказывается. Те становятся агрессивнее, мы спасаемся почти бегом, они — за нами следом. Мы укрываемся в халупе путевого обходчика. Не прошло и мига, как мы уже в дымку. Так они хотели отом-

стить! В последнюю минуту поджигатели одумались и отодвинули засов...»

Не только надоеданием поклонников и журналистов можно объяснить обращение ББ к делу защиты животных. С неким логически-холодным фатализмом наш господин «Фрейд» анализирует: «У нее ужасная потребность во внимании. Вот из-за чего мы и расстались: я не мог исполнить ее требование вечно оставаться рядом, полностью сосредоточившись на ней, подстерегая поворот ее страсти. Теперь, имея дома десяток собак, у Брижит сидит на коленях всегда минимум одна из них, а другая лежит ей руки...»

Но после того, как Вадим бракосочетался в пятый раз, он заявил, что теперь-то он избежал спирали износа и измора. Вот уже несколько лет сей неоромантик имеет тому доказательство: «Я в первый раз замечаю, что совсем необязательно проходить через все классические стадии любовного романа: встреча, страсть, утоленная любовь, сопереживание, старение в безоблачной ясности. Можно, напротив, в старости жить в постоянном движении вперед. Это как раз то, что я испытываю к Мари-Кристин, к которой у меня любовь с первого взгляда. Вначале, когда мы жили раздельно, мы перезванивались раз в неделю. Через месяц мы звонили друг другу раз в день. Потом три-четыре или пять раз в день!»

Проверка телефоном, подумайте только! Но основа «вадимовского» тезиса высказана в другом месте: «Таинство любви двух зрелых людей — в умении оставаться детьми. Никогда не уходить из детства — вот прекраснейшая форма зрелости. Состояние «взрослости» — искусственно-ложное понятие. Если по взгляду человека я чувствую, что нравилось ему, то старение перестает меня тревожить. Впрочем, видя моего сына Кристиана, я принужден-таки допустить, что годы уходят».

Старшую дочь Вадима — Натали, которая у него от датской актрисы Аннетты Штройберг, он воспитывал почти один. Ей уже за 30 лет, она работает в Голливуде, помощником режиссера. Ванесса — дочь от Джейн Фонды, родившаяся в то

время, когда мать занялась политической борьбой, делила свою жизнь между Лос-Анджелесом и Парижем, а в настоящее время защитила докторскую по литературе в Нью-Йоркском университете. Что же касается любимчика Вадима — Вани, которому 15 лет, то он живет между двух квартир одного дома — у папы Вадима и мамы — Катрин Шнейдер, дочери короля французской стали.

Вадим находится в таком возрасте, когда его ровесники мечтают о пенсии. Он же не может пока позволить себе подсчитывать в долларах достижения своего творчества. «Если б я умел делать деньги, то сегодня был бы миллионером», — констатирует Вадим. «Четыре из двадцати пяти моих фильмов сделали крупнейшие международные сборы. «Барбарелла», которую французы даже не заметили, стоит на 70-м месте в списке кинокартин мира, давших наибольшие денежные поступления... И вот, несмотря на это, мне приходится работать, чтобы жить!»

Живет он хорошо. Даже избавившись от своих автомобилей «феррари» и приставки к дорогостоящим предметам. «Мне нужно только одно — приятное жильё». И для того, чтобы подарить себе роскошь закатных лучей прямо в квартире, он, не колеблясь ни минуты, снимает фильмы «для пропитания». «Не могу же я снимать одни шедевры!» — бросает он, смеясь.

Когда он будет «старым и дряхлым», будет уже не в силах управлять дорогами и любимыми актрисами, не сможет водить машину, как это было во время свадебного путешествия, не сможет вести самолет и посадить его где заблагорассудится, — только тогда Роже Вадим Племянников будет рассчитывать на милость ближнего и ждать смерти. «У меня есть ощущение «после-жизни». Я этим проникся. Я — медиум, живу в раздвоении личности, вижу вещи сны. С самого юного возраста наблюдаю, как вокруг умирают люди. Сегодня, не более чем вчера, я не осознал, что такое смерть. В моей жизни смерть присутствовала вечно».

*Перевод с французского
Николая Вышинского*

Весьма дорогостоящие ошибки

Самая дорогая марка в мире очень невзрачна. Ибо это всего-навсего марка, иными словами, крохотная виньетка с клеєм на обороте. Нет ничего более пустякового. Она даже под бинокулярной лупой, которой пользуются эксперты, не становится более красивой. У нее выцветший желто-оранжевый цвет. Когда шведская почта отпечатала ее в 1855 году, стоимость ее была 3 скиллинга, что вовсе не было состоянием. Но она может принести много. В 1990 году во время торгов эта крохотуля была куплена швейцарским коллекционером за 1 357 140 долларов! Удивительно? На самом деле «3 скиллинга банку желтая Швеции» (так говорят филателисты) является самой дорогой отдельной маркой в мире только потому, что у нее... неправильный цвет. Марка должна была быть зеленой. Да, зеленый — нормальный цвет для марок стоимостью в 3 скиллинга. А желто-оранжевыми были марки за 8 скиллингов.

— Во время печатания марок в 8 скиллингов клише было повреждено и заменено, — разъясняет Паскаль Рабе, комиссар выставки «Стоимость ошибки в филателии» в музее почты в Па-

риже. — Оказались спутанными клише 8-скиллинговых марок с 3-скиллинговыми.

Таким образом родился филателистический гибрид — марка-чудище. Та, которая хранится сегодня в футляре из бронированного стекла, является пока единственным в мире экземпляром. Она была найдена в 1885 году четырнадцатилетним мальчуганом в письмах бабушки.

— В мире коллекционеров необычный предмет, отличающийся от других, по определению редкий, если не уникальный, хотя не это придает ему невероятную ценность. Нужны и другие более или менее объективные критерии.

Иногда за виньеткой с ошибкой скрывается миф. Бывает, что крохотный клочок бумаги пропитан духом экзотики. Посмотрите на приглашение, посланное супругой губернатора острова Маврикий 21 сентября 1847 года некоему Адаму Х. Эта дама, леди Гомм, решила воспользоваться в последний момент самым новейшим изобретением, маркой, чтобы разослать 29 приглашений. Это была первая почтовая марка, выпущенная колонией. Гравер, несомненно неопит, написал «post office» (почтовое ве-

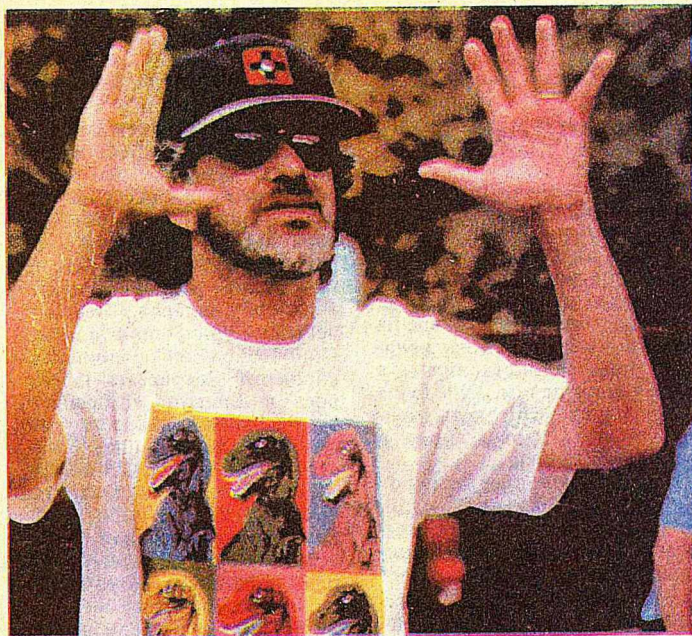
домство) вместо традиционной отметки «post paid» (оплачено) на этой пунцовой марке стоимостью в 1 пенни. Когда ошибку заметили, леди Гомм ничего не желала слышать — ее бал был прежде всего. И она использовала марки с необычной надписью. Она и не подозревала, что через полтора века, в 1988 году, одно из ее приглашений достигнет на аукционе рекордной цены в 1 400 000 долларов... Всего известно три приглашения. Одно находится в коллекции королевы Елизаветы II, второе — в Бритиш Либрэри, а третье — у швейцарского любителя. Несомненно, такая стоимость приглашения связана не только с редкостью письма губернаторши, но и с невероятной историей, сопровождающей его. К тому же «1 пенни, пунцовая, острова Маврикий, 1847» будит мечты о путешествиях в среде филателистов...

Иногда ошибка чревата серьезными последствиями. Свидетельством этому является дипломатический инцидент, едва не случившийся в 1961 году. 3 апреля итальянская почта выпускает в продажу эту марку по случаю будущего визита итальянского президента в Латинскую Америку. Но гравер ошибся в границах Перу. Более темная часть на карте — Перу лишлось части территории! Перуанское посольство в Риме вскипает от гнева. На следующий день марка срочно изъята из продажи и заменена другой, где границы страны указаны верно. Но 79 625 марок уже проданы, и на сегодняшний день известно около тридцати конвертов с гашением ее.

Ошибка гравера приобретает такую ценность только в том случае, если власти замечают ее и снимают виньетку с продажи. В большинстве случаев ошибка считается незначительной и расходуется в миллионах экземпляров. Есть целая серия таких филателистических ляпов. Христофор Колумб, смотрящий в подзорную трубу... которую изобрели лишь в 1611 году. Или марка с изображением Декарта на фоне книги с названием «Речи о методе 1637». Вам ясно, о какой ошибке идет речь?

ВИДЕОЗАЛ

Спилберг — ученик колдуна

Шестьдесят пять миллионов лет их ждали... и неожиданно они снова завоевывают планету! Жертвы неизвестно какой естественной катастрофы или геологического и метеорологического потрясения огромного размаха, динозавры оправились. Но благодаря ученику колдуна, магу из Голливуда Стивену Спилбергу, который для своего нового фильма, «Парка юрского периода», возродил их с помощью последних технических новинок. За две недели показа в кинотеатрах США фильм заявил о себе как о самом большом успехе всех времен.

«Бог создал и уничтожил динозавров, чтобы создать человека, но человек уничтожил Бога, чтобы снова создать динозавров» — эта фраза, прозвучавшая в «Парке юрского периода», идеально резюмирует произведения Спилберга, кинематографического творца, которому одним мазком графической палитры удается заставить нас поверить в возрождение тех мастодонтов, которые царили на Земле в течение почти семидесяти миллионов лет.

В снятом фильме по одноименному бестселлеру Майкла Крайтона рассказывается о том, как один миллиардер, которому надоели парки аттракционов вроде диснеевских, решает попросить ученых, палеонтологов, подумать над вопросом возможности воскрешения монстров мезозойской эры. И им это удается методом клонирования: они пытаются выделить из крови комаров, застывших в янтаре (которые, должно быть, иногда сосали кровь динозавров в те времена), молекулу ДНК этих доисторических животных. Эта идея вполне научна, и некоторые известные биогенетики, такие, как Джордж Кайнар и Пол Кана, начали работать в этом направлении.

История приключений эксцентричного миллиардера Джона Хаммонда (Ричард Атенборо) и биогенетиков и палеонтологов (Сэм Нейл, Лаура Ден и Джордж Голдблам) впечатляет. Во время одного из посещений этого парка звери начинают бунт.

В «Парке юрского периода» нет ничего странного для глаза. Тем более что иллюзия появления на экране живых динозавров абсолютная. Специальные эффекты, придуманные Спилбергом, настолько удались, что даже не верится, что эта фауна давно исчезла бесследно. Чтобы чертежи как можно больше были похожи на динозавров, Спилберг пригласил в свою команду Стэна Уинстона, создателя Терминатора, Хищника и тому подобных персонажей, который сконструировал гидравлические скелеты в натуральную величину, управляемые по радио. Было очень удобно, что создания Уинстона могли постоянно находиться на съемочной площадке: актеры, вместо того, чтобы орать в пустоту, изображать ужас, оказывались прямо перед устрашающими «зверушками». Немного преувеличив, можно сказать, что, если бы даже были задействованы настоящие динозавры, они бы и то не были такими реальными.

Короче, из парка юрского периода не вырваться. Стивен Спилберг еще раз дает возможность намечтаться всласть. Кстати, это стоило ему нового прозвища по мотивам фильма: «мегалозавр» Беверли Хиллз!

Друзья по переписке

Крупнейшая американская фирма «Pen Pal Planet» предоставляет нашим соотечественникам найти в США, Канаде и других англоговорящих странах партнеров по интересам: переписка, литература, музыка, видео, коллекционирование и другие увлечения.

Чтобы получить анкету «Pen Pal Planet», вы должны перевести 200 рублей на р/с 608091 в Тихвинском отд. Мосбизнесбанка, МФО 201553 и прислать в редакцию квитанцию об оплате.

Кроме того, предлагаем вашему вниманию письма наших зарубежных читателей, ищущих через редакцию друзей в России.

S.H. Himali Erandathie Dayawansa.

39, Suduwella Rd,
Thalgasgoda,
Ambalangoda,
SRI LANKA

Age — 16

Hobbies — Reading books, drawing pictures, collecting stamps and pictures, playing net ball.

Osula Priyalanka

«Priyalanka»
Thaldasgoda,
Ambalangoda,
SRI LANKA

Age — 15

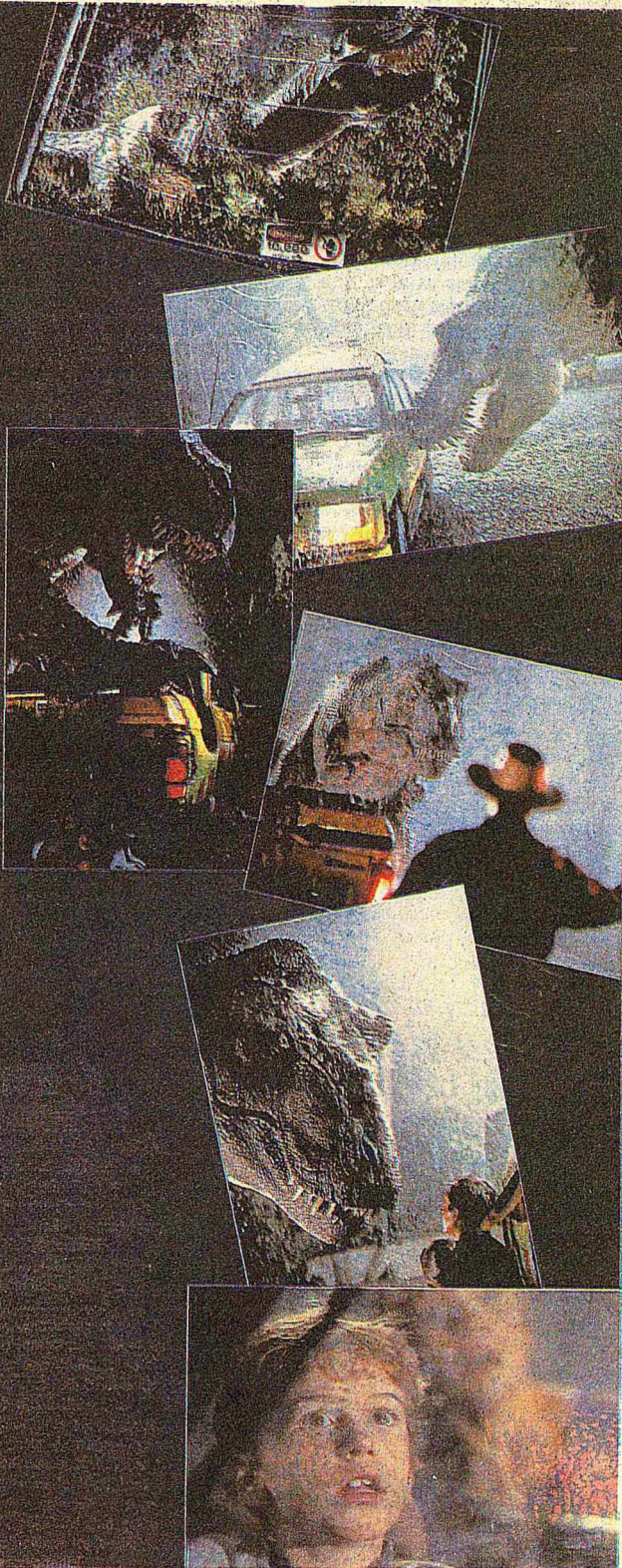
Hobbies — Reading story books, watching TV, drawing pictures, collecting stamps and pictures.

Rasika Samanmalie Gamage,
«Samanmalie»

Ampegama,
Baddegama
SRI LANKA

Age — 16

Hobbies — Reading story books and collecting pictures.

А.Я. Трояновский

Словарь практической дивинации

Альмушефи — название магического зеркала Бэкона, приготовленного под влиянием планет и для пользования которым требуется магическое подготовление гадающего, как и перед всякой магической церемонией.

Альфитомантия — гадание при помощи ячменного хлеба. Подозреваемому давали съесть кусок хлеба или пирога, специально для этого испеченного, и если он давился, преступление считалось доказанным. См. Алевромантия.

Это очень древнее гадание.

Аминомантия — гадание по оболочке родившегося. Отсюда поверье, что родившийся в «сорочке» будет счастливым. Повивальные бабки определяют будущее новорожденного по этой «сорочке»: если она красная — они предсказывают счастливую и удачную жизнь и, наоборот, несчастья — если она беловатая. **Анемоскопия** — см. Австромантия.

Антропомантия — гадание по внутренностям человеческой жертвы. Практиковалось во времена Кельтских друидов, приносивших человеческие жертвы. Геродот говорит, что когда Менелая занесло к берегам Египта, он принес в жертву двух детей туземцев, для определения будущего по их внутренностям. Гелиогабал тоже применял этот род гаданий.

Юлиан Отступник (Апостат) во время магических операций и ночных жертвоприношений умерщвлял, по сообщению современников, большое число детей, чтобы гадать по их внутренностям. Во время похода в Персию он запер в Карре комнату, не велев туда входить до своего возвращения. Когда вошли в эту комнату, после его смерти в сражении, — то увидели повешенную за волосы женщину со вскрытым животом и вырванной печенью.

Апантомантия — гадание по встреченным на пути предметам. Таково убеждение в дур-

ном предзнаменовании, если дорогу перебежала кошка или заяц; благополучном исходе путешествия, если над путником парил орел и т. п.

Аспидомантия — есть способ гадания при помощи щита, практикуемый в Индии. Гадатель становится на щит, который, в свою очередь, помещается в середине большого круга. Тогда вещатель предается всевозможным кривляньям, чтобы вызвать в себе экстатическое вдохновение, которое и позволяет ему пророчествовать.

Аспидомантия — гадание очень малоизвестное, практикующееся, по словам путешественников, в Индии. Деланкр говорит, что гадатели и колдуньи чертят круг на щите и, бормоча заклинания, становятся отвратительными, впадая в экстаз, для произнесения предсказаний, которые им сообщает дьявол.

Производя это слово от «аспид» — змея, надо заметить, что это пресмыкающееся, избилующее магнетизмом, весьма пригодно для дивинации, чем и пользовались дельфийские жрецы при предсказаниях пифии, обвивавшей себя змеей, во время экстаза, в который впадала, вдыхая испарения, вырвавшиеся из расщелины скалы, где стоял ее треножник.

Астрагаломантия — способ гадания посредством костей позвоночника. Процедура следующая: на одной стороне каждого позвонка пишется одна буква алфавита; кости затем перемещаются и вытягиваются наудачу; из полученных таким образом по порядку букв составляются слова, доставляющие ответ на заданные вопросы. Для той же цели употребляются игральные кости, на которых написаны буквы алфавита; ответ получается выбрасыванием костей. Последний способ гадания называется также кубомантией, так как кости имеют форму кубиков и, кроме того, кости изго-

товляются также из лаврового дерева.

Это гадание при помощи кубиков (астрагалов) с буквами или цифрами. На двух кубиках пишут цифры от 1 до 12, а соответственно им — азбуку: 1 будет а; 2 — е; 3 — и; 4 — о; 5 — у; 6 — б; в, п; 7 — г, к, х; 8 — д, т; 9 — ж, с, ф, з, ш; 10 — ж; 11 — л, м, н; 12 — р. При желании что-либо узнать пишут вопрос на бумаге, которую окуривают можжевеловым и кладут перевернуто на стол, а на нее бросают кубики. Древние гадали при помощи косточек с буквами. В храме Гермеса в Ахее буквы клали в урну и доставали их, как лотерейные билеты. Гадающий сначала молился пред статуей бога, а затем брал из кучки 4 кости и бросал; по таблице ему говорили волю бога. См. Кибомантия, Клеромантия, Литомантия.

Астрагал — кубик, у которого две противоположные грани закруглены и недостает поэтому номеров 2-го и 5-го. См. Астрагаломантия.

Аэромантия — есть искусство предсказывать будущее посредством наблюдения воздуха. Вещун или медиум покрывает голову большой простыней и становится на открытом воздухе над чаном, наполненным водою. Советующийся задает вопрос мысленно или громким голосом; если воздух, спрошенный гадателем, произведет рябь на воде, то и предсказание считается благоприятным; если же вода не волнуется и не кипит, значит — дело сомнительно. П. де-Ланкр называет тератоскопией гадание посредством замороженного (завороженного) воздуха, причем гадатель получает свои предсказания при помощи фантомов и видений, созерцаемых им в воздухе; дождя из камней или крови, битвы воздушных армий, чудовищных рождений и т. п.

Гадание по воздушным явлениям может быть рассматриваемо как отдел Метеорологии (Метеоромантия). См. Тератоскопия.

Франциск де Ла Торре-Бланка говорит, что аэромантия принадлежит к наукам предсказательным, заставляя появляться привидения в воздухе или представляя грядущие события в очертаниях облаков, как в волшебном фонаре, «которые в удивлении и ужасе, — приба-

вляет он, — рассматривает гадающий». Аспекты планет и положение неба принадлежат к Астрологии.

Древний и новый астрологический телескоп* (СПБ., 1821 г.)

I. О признаках погод по Солнцу

Ежели солнце с красною зарею заходит, а с светлою восходит, то сие обещает быть ведру и ясному дню.

Когда солнце имеет около себя круг и когда сей круг не разделится в исчезании, то должно ожидать доброй и сухой погоды. Если сей круг где-нибудь разорвется, то с той стороны, где разорвался, надобно ожидать ветру. Когда круг около солнца бывает черноват, то зимою предвещает стужи, а летом

дождь и ветер. Будет же круг зеленоват, или красноват прежде восхождения, или вскоре пред захождением солнца, то надобно ожидать дождя или ветру много дней сряду.

Небольшое светлое облачко, пред восхождением солнца являющееся, значит хороший день; а различные цветы лучей заходящего солнца предвещают дождь.

Ежели лучи солнечные на вечер в темноватых облаках стоят, то дождь или ветер будет; когда же восходящее или заходящее солнце бледно и зелено, то обещает дождь.

Ежели солнце восходит с красноватыми облаками при полуденном ветре, то вскоре после того надобно ожидать вихря с непогодою; а чем более при входе лучи его темнеют, то надобно ожидать сильного грома.

Облако, пред восходящим

солнцем являющееся и в разные цвета претворявшееся, значит скорый дождь.

Ярко восходящее солнце и потом чернеющее обещает дождь; то же обещает, когда солнце стоит в тумане.

Если солнце из темного облака с великим жаром является, гром будет; когда же пред восходящим солнцем облака собираются кучею, то обещает неспокойный день в рассуждении многих перемен.

Когда солнце незадолго пред восхождением было пурпурного цвета, а при захождении сильно сияет, то великий ветер предвещает.

Красные облака, при восхождении и захождении солнца бывающие, дождь обещают, также, когда и в облаке зародящееся солнце.

II. О признаках погод по месяцу

Какая погода по рождению месяца в четвертый день бывает, такой и чрез весь месяц ожидать должно. Месяц, покрытый красным цветом, предвещает ветры и непогоду.

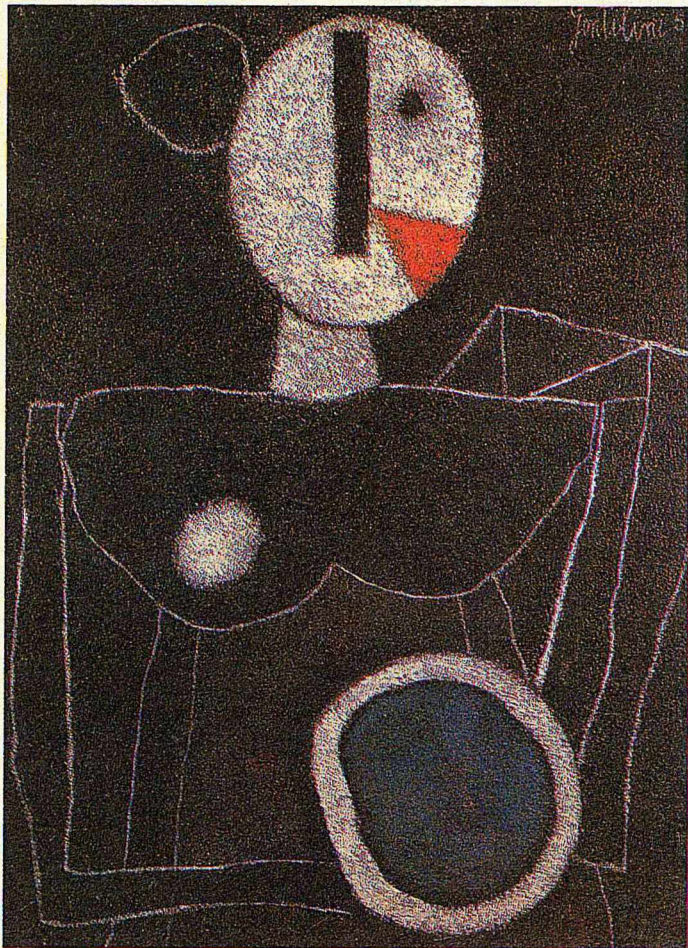
Когда месяц три дня после половины своей ясен и ничем не окружен, то и до исхода с хорошою ночью погоду светить будет; а ежели свет его красноват и с дрожанием кажется, то ветру много будет; когда же он бледен или темноват, то предвещает дождь.

Месяц очень белый и чистый хорошую погоду обещает, а когда синеват и темен с тупыми рогами кажется, то летом должно ожидать дождя, а зимою — стужи. Когда нижний рог у месяца светлее верхнего, то первая четверть дождлива будет. Ежели месяц очень чист и крупные имеет свои рога, то ведро обещает, а ежели рога его велики и темноваты, то дождь будет.

Светлый облик, стоящий около месяца с кругом, который помалу расходитя, значит на утро тихий и спокойный день.

Сумрачный и серовидный месяц великий ветер предвещает. Когда молодой месяц очень прям и темноват, то большая часть дней того месяца дождлива будет.

Когда новый месяц в свое время обыкновенною мерою

не покажется, то чрез весь месяц дождей и ветров ожидать должно; если же виден будет круг около месяца, который при сем будет зелен и светловат, то дождь ветром прогонит.

Если черные части в месяце красноваты, или темностью бледны покажутся, то это означает великие дожди.

Многие круги, около месяца стоящие, а потом переменяющиеся в темные облака, непрестанный дождь с ветром обещают.

Красный и желтый месяц с разделенными кругами ветры или дожди и сырые погоды обещают. Когда месяц к полудню острый рог имеет, то с той стороны ветра ждать надлежит.

Когда месяц в последней четверти около себя красный круг имеет, то сильные ветры и дожди означает; ежели месяц вокруг себя великий и широкий круг имеет, то значит перемену погоды.

Чистый и ясный месяц во время его полноты хорошую погоду означает, а темность и бледность дождь обещает.

III. О признаках погод по звездам

Ежели Млечный Путь на небе светел и полон звезд, то он добрую погоду обещает; когда же кажется, что будто звезды на нем скоро бегут, то ветер будет.

Черные круги около звезд предвещают дождь, а белые и красные — ясную погоду.

Когда звезды очень светло блистают, то летом жар, а зимою великая стужа должна быть.

Ежели большая часть звезд черного, зеленого, бледного цвета круги имеют, то предвещают дождь.

Когда большая часть звезд темны, то дождь, а если светлы, то ясную погоду значают.

Звезды, по ясном блистании потемневшие, перемену хорошей погоды, ветер, гром значат.

Ежели звезды на небе мало видны, то летом должно дождь ожидать, мрачной погоды и дождя, а с которой стороны звезды испускают долгие лучи, с той ветры после-

дуют. Великие и на небе долгостоящие кометы, вихри, гром и воздушные беспокойства предвещают.

IV. О признаках погод по ветру и воздуху

Ясный и чистый воздух обыкновенно предвещает добрую погоду. Когда воздух чист, то означает хорошую при полуденном ветре погоду, а когда издалека видимые предметы необыкновенно великими нам кажутся, то дождь будет.

Воздух красноват и нет больших облаков, то вихри и дожди будут.

Светлое сияние, во время дождей бывающее, значит перемену мокрой на добрую погоду; а сухой восточный ветер тоже обещает добрую и постоянную погоду.

V. О признаках погод по туману и облакам

Туман, малыми каплями падающий, обещает добрую погоду, а когда он подымается в воздух, то ожидать надобно дождя.

Ежели под чистым небом, во время восхождения солнца, виден туман, то большого ветра ожидать должно.

Густой туман, ввечеру бывающий, на заре другого дня предвещает дождь.

Когда от гор и лесов после тумана восходят пары, то будет ненастье, а на равнинах и низких местах лежащий туман хорошую значит погоду.

Если густые и многие туманные облака поднимаются вверх, то обыкновенно последует ветер с непогодюю.

Черные и густые облака, ветром носимые и с утра до вечера стоящие, угрожают долговременным дождем, от сероватых и низко стоящих облаков ожидать должно то же.

Облака, скоро расходящиеся, значат неспокойную погоду; светлые облака значают то же.

Малые облака, от земли подымающиеся и скоро исчезающие, чистый воздух с доброю погодою приносят.

Красные облака, бывающие по заходе солнца, значат солнечное сияние с ветром.

Когда облака над землею густо стоят, а потом боль-

шими отделениями кверху поднимаются, то должно ожидать доброй и тихой погоды.

Беловатые облака, бывающие в сырую погоду, значат перемену, а водяного цвета, по красноватом заходе солнца во время дождя бывающие, предвещают неспокойную погоду.

Пурпурного цвета длинные облака, после заката солнца, предвещают ветер; темно-красного и зеленого цвета — сильный гром и ветер.

Белосветлые облака обыкновенно приносят к нам град и дожди.

Ежели летом много в облаках лиц и великих подобий является, то значит быть грому.

При сем примечать должно, что хотя из черных облаков гром и жестоко гремит, однако никаких дальних опасностей от него не бывает.

VI. О признаках погод по дождю и радуге

После утреннего и вечернего дождя всегда последует ясная погода.

Дождевые капли, производящие на воде пузыри, означают долговременный и сильный дождь.

Дождь, тихо занимающийся и от часу прибывающий, продолжителен бывает.

Дождь, скоро в землю входящий, значит быть ненастному и сырому воздуху.

Радуга, противный свет отражающая, дождливую погоду предвещает.

Когда радуга при восхождении солнца на Западе стоит, то сие бывает к доброй и ясной погоде.

Радуга, против месяца стоящая, значит неспокойную погоду.

Если полная радуга на Востоке покажется, то это означает громовую погоду.

Чем зеленее радуга цветом, тем более дождя, а чем краснее, тем больше ветра предвещает.

Искры же в радуге дождь обещают.

Продолжение следует

* Точное воспроизведение издания, ставшего библиографической редкостью.

*Уважаемый «Ст.М.»!
Обращаюсь к вам
биотерапевт-массажист
Головач Николай. В 1989 году у
вас в редакции впервые
состоялась встреча с
рефлексотерапевтом Мак-Иов
Риго. Были проведены уроки по
лечению точками, я использовал
эти данные в своей практике и
получил хорошие результаты. У
меня сейчас огромное желание
совершенствовать эту
методику лечения.
Но как это сделать?
Пожалуйста, расскажите об
этом.
Н. Головач, г.Донец*

От редакции. С подобными письмами к нам обращаются многие читатели. Мы чрезвычайно рады тому, что не только чудесные руки профессора Мак-

Ведет профессор Мак-Иов Риго

Болят? — Помогите себе сам

Студенческий гастрит и К^о 15

Итак, мы остановились на том, что вы

1. проработали общую для всего желудочно-кишечного тракта программу и чувствуете себя вполне удовлетворительно.

От редакции. Эта программа была опубликована больше года назад, в № 9 за 1992 год, не у всех этот номер сохранился, поэтому в интересах дела мы ее напомним: 1. Хэ-гу (4-II), 2. Чэн-ци (I-III), 3. Чун-ян (42-III), 4. Цзу-сань-ли (36-III), 5. Гунь-сунь (4-IV), 6. Чжун-вань (12-XIV), 7. Нэй-гуань (6-IX). См. схему. Наилучшее время работы — утро, с 7 до 9. Пробылся — и за дело!

2. Теперь вы правильно питаетесь

(не потворствуете аппетиту, а уголяете голод; избегаете разбавления пищи жидкостями; стараетесь соблюдать правила раздельного питания — и т.д.).

Продолжение. Начало в № 3, 9 за 1992 г. и в № 1 за 1993 г.

Иов Риго исцеляют пациентов. Но — и это он тоже всегда подчеркивает — лечит его слово. Лечат наши публикации.

Недавно мы получили новый цикл статей от Риго, который сейчас готовим к печати на страницах «Студенческого меридиана».

Помимо этого достигнута договоренность о выпуске в рамках «Библиотеки «Ст.М.»» целой серии его методик, причем, как говорится, от А до Я. Иными словами, там будут представлены все секреты профессора, проверенные им в ходе многолетней практики, а также освоенные его учениками и читателями.

Итак, следите за нашими сообщениями на страницах «Студенческого меридиана» или газеты «Анонс-Hot Rock».

3. Вы культивируете в себе ощущение радости жизни, радости бытия. Вы стали охотником за радостью. Вы учитесь находить радость в любом действии. Чем бы вы ни занимались — в любом деле вы стараетесь найти высокий смысл и радость.

4. Занимаясь лечобой, вы стараетесь с максимально доступным для вас качеством выполнять мои инструкции — точно по месту, точно по действию и точно по времени.

Точно по месту — значит, именно по точкам. Потому что — пренебрегая точками — ориентируясь в работе на болевой синдром вообще, — при удаче вы снимете местное воспаление, но при этом больные органы и системы могут почти не ощутить вашей работы.

Точно по действию — значит, воздействуя на процесс своей энергетикой.

Как вы поняли, речь идет о трех правилах технологии лечобы. Напомним их:

- 1) Болезнь уходит с болью.
- 2) Энергию направляет внимание (врачующий должен

быть сосредоточен на тактильном ощущении под работающим пальцем).

3) Лечоба организуется движением (воздействие на точку производится вращательным движением; юла, которая стоит на месте и в то же время вращается, — идеальный образ этого движения). — Ред.

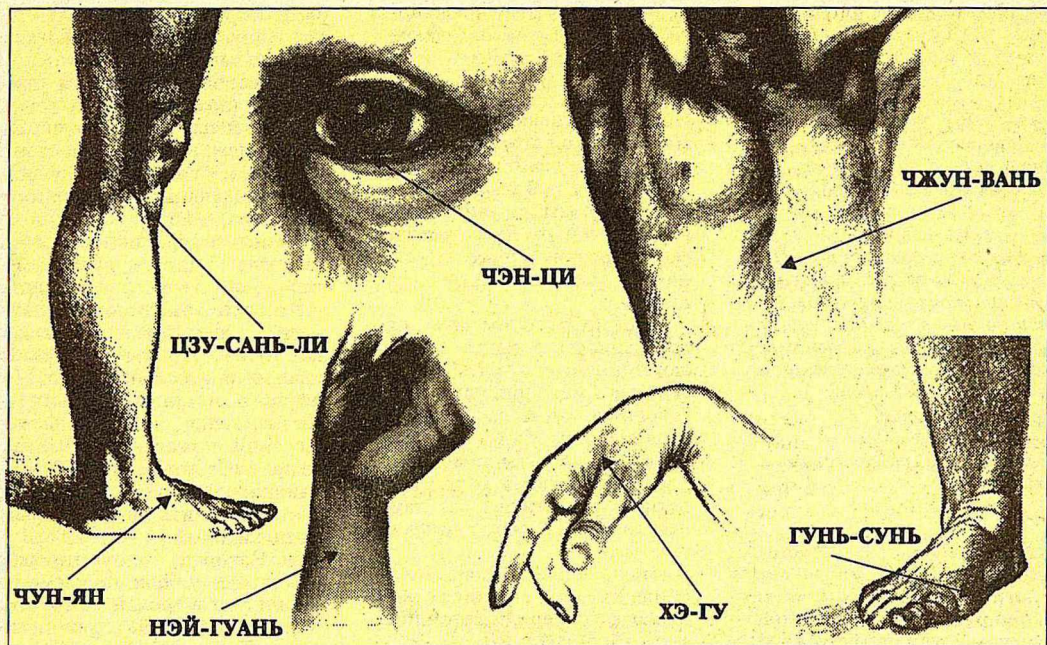
Точно по времени — значит, не когда придется, когда прижало, когда есть свободное время, а по возможности в наилучшее время, когда нужные вам точки открыты и готовы к восприятию вашей работы. До сих пор рекомендация о наилучшем времени работы звучала у нас лишь пожеланием. Теперь же время работы становится решающим фактором — если вы хотите получить успех быстрый и радикальный.

5. Наконец, протестировав себя по месту боли, по времени боли и по контрольным точкам («Ст.М.» №1 за 1993 г.), вы определились, в какой области желудочно-кишечного тракта завязан основной узел ваших проблем: в желудке, в тонком или толстом кишечнике; иначе говоря, что вам врачевать в первую очередь: гастрит, энтерит или колит.

16
Еще раз обращаю ваше внимание: программы лечения гастрита, энтерита и колита — это программы именно второго этапа. Разумеется, беды не будет, если вы прямо с них начнете; качественная работа, немножко удачи — и вы погасите симптомы болезни даже быстрее, чем при работе по общей программе. Ничего удивительного: ведь вы работаете точно по адресу. Так почему бы и в самом деле с этого не начинать? Да потому, что цветочки-то вы сорвете, но вот выдернете ли при этом и корешки болезни? Сомневаюсь. А при правильном порядке лечобы эта проблема утратит остроту.

Напомним: общая программа имела целью не только комфортное состояние (комфортное по сравнению с предшествовавшим дискомфортом болезни), но и восстановление энергетического равновесия всего организма. Подчеркнем: не уровня энергетики, который далек от нормы, который — когда вы выздоровеете — еще

поднимать и поднимать, — а только энергетического равновесия. Пусть вас не смущает слово «только». О таком «только» мечтает любой больной, потому что энергетическое равновесие (означающее отсутствие энергетических пробок и застойных явлений — главной причины воспалительных процессов) сопровождается приятным покоем и отсутствием симптомов болезни, что позволяет чувствовать себя здоровым. Правда, энергетический дефицит все же сказывается: уровень притязаний невысок, человек старается избегать активных действий. Но с этим как-то можно примириться, потому что еще недавно было совсем плохо, а сейчас от той напасти осталось лишь чувство опустошенности.

Так вот, именно состояние энергетического равновесия, когда вас не беспокоят всевозможные проявления плохого самочувствия, позволяет организму направить ваше внимание на корни болезни.

Тело никогда не молчит! Оно постоянно говорит с вами на специфическом своем языке — и вы должны выработать в себе привычку постоянно его слышать. Не постоянно слушать — у вас и без

того хлопот хватает, — но именно слышать. И как только в ровной приятной мелодии (если вы здоровы — тело радуется вашу душу ощущением жизни, ощущением единства с природой) зазвучат диссонансные ноты — вы должны тут же сосредоточить на них внимание, чтобы понять, откуда они звучат и что означают. Только не откладывайте это на потом — до «лучших времен»; не ждите, когда деликатный шепот тела опять сменится криком о помощи. Вы уже получили урок — умному и одного урока довольно.

После проработки общей программы, ощутив, что ваша энергетика уравновешена, голос тела, подсказки тела вы станете различать сразу. Почему? Да потому, что сниженный уровень энергетики делает болевые сигналы особенно отчетливыми.

Едва вы начнете вторую программу (специально для гастрита, специально для колита), тело быстро ориентируется в ваших действиях — и начнет подсказывать, где работать, какие точки необходимо добавить помимо того минимума, который предлагаю вам я. Ведь у каждого свой организм — со своей спецификой, со своей историей,

приспособившийся к определенному образу жизни. Я могу предложить вам только правило, а нюансы подскажет вам само тело. Очажки боли будут возникать в самых неожиданных местах. Но теперь вы знаете, что эти «уколы», «нытье», «ломота», «онемение» не случайны; теперь вы знаете, что это подсказка тела: «здесь работай». И поскольку вы знаете, что этим подсказкам не только можно, но и необходимо верить — и скорректируете свои действия по ним, — успех придет к вам быстрее, чем вы ожидаете.

17 Лечим гастрит

Вам предстоит еще одна (после тестирования) аналитическая работа. Новая. Но пусть ее новизна вас не смущает. Эта процедура нужна только для уточнения программы. Что же до принципов лечения — на них это никак не влияет. На то они и принципы!

Если вы еще не забыли, воспалительные процессы и нарушения обмена (то есть болезнь) возникают из-за нарушения энергоснабжения. (Это предельно упрощенная схема, но для нашей цели она вполне достаточна: ведь она позво-

ляет работать не вслепую; позволяет понимать смысл лечебных действий.) Избыток так же плох, как и недостаток. Все, что выходит за пределы нормы, — раскачивает лодку, грозит вывести из нормы организм. В зависимости от того, в какую сторону произошло отклонение, используются соответствующие точки.

Признаки избыточности:

возбуждение; повышенный аппетит; может быть жар и сухость во рту; вздутие живота, отрыжка, запор; боли в области желудка и по ходу энергетического канала желудка — по лицу, по груди, по передней поверхности бедра и голени.

Основная рабочая точка — ли-дуй (45-III) — под внешним углом ногтя второго пальца стопы. Время работы — с 7 до 9 утра. Прошу быть точными! — для специальной программы это очень важно.

Вспомогательные точки:

эр-цзянь (2-II) — у основания указательного пальца, перед пястно-фаланговым суставом; время — с 7 до 9;

да-ду (2-IV) — в углублении перед плюсно-фаланговым суставом большого пальца ноги; время работы — с 9 до 11.

Признаки недостаточности:

вялость, депрессия; слизистая рта и горла набухшие; понос, урчание в животе, возможна рвота; чувство тяжести, переполненности в желудке; по утрам отек лица и онемение по поверхности груди, бедра и голени.

Основная рабочая точка — цзе-си (41-III), на сгибе стопы, в углублении. Время работы — с 9 до 11 утра.

Вспомогательные точки:

хоу-си (3-VI) — позади пястно-фалангового сустава мизинца, в ямке; время работы — с 13 до 15; цюй-чи (11-II) — на наружном конце локтевой складки; работать желательно с 5 до 7 утра;

шан-цю (5-IV) — в ямке ниже и напротив внутренней лодыжки; работать одновременно с основной точкой.

ваше внимание: если понаблюдаете за собой и хорошо поразмыслите — вы точно определите, с каким процессом имеет дело.

Но сплошь и рядом бывает, что разобраться все-таки очень трудно. Либо разобрался — а уверенности все же нет. Наконец, самый простой случай: вы почувствовали себя неважно, а лучшее время для работы уже ушло. Как быть? Отвечаю: вас выручат 7 точек общей программы. Если же для работы по полной программе нет ни времени, ни сил — ограничьтесь двумя точками, они всегда помогут:

чун-ян (42-III) — на подъеме стопы,

цзу-сань-ли (36-III) — ниже колена, на наружном крае большеберцовой кости.

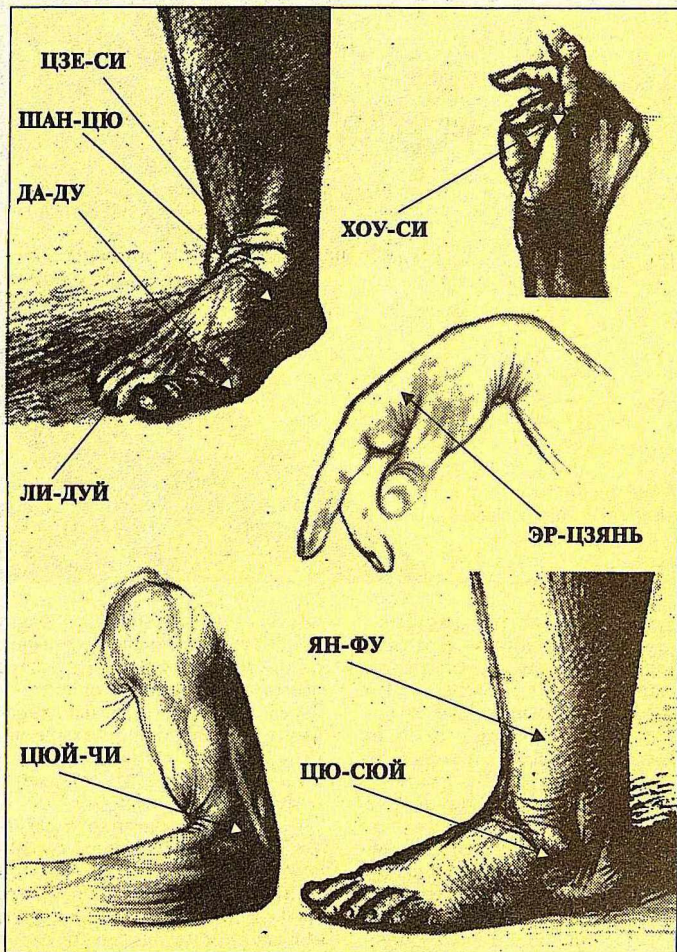
Кстати: если — работая по специальной программе — вы будете обогащать ее точками из общей (хотя бы для того, например, чтобы ввести в нее соединительные точки — чэн-ци, чжун-вань), то ничего, кроме пользы, это не даст.

И последнее: если ваш гастрит вдруг напомнит о себе поздно вечером, поработайте после 23 часов на точках:

ян-фу (38-XI) — сбоку над наружной лодыжкой, приблизительно на ширину ладони; цю-суй (40-XI) — наискосок — снизу-спереди — от наружной лодыжки.

Несколько минут качественной лечобы — и я вам гарантирую спокойный сон.

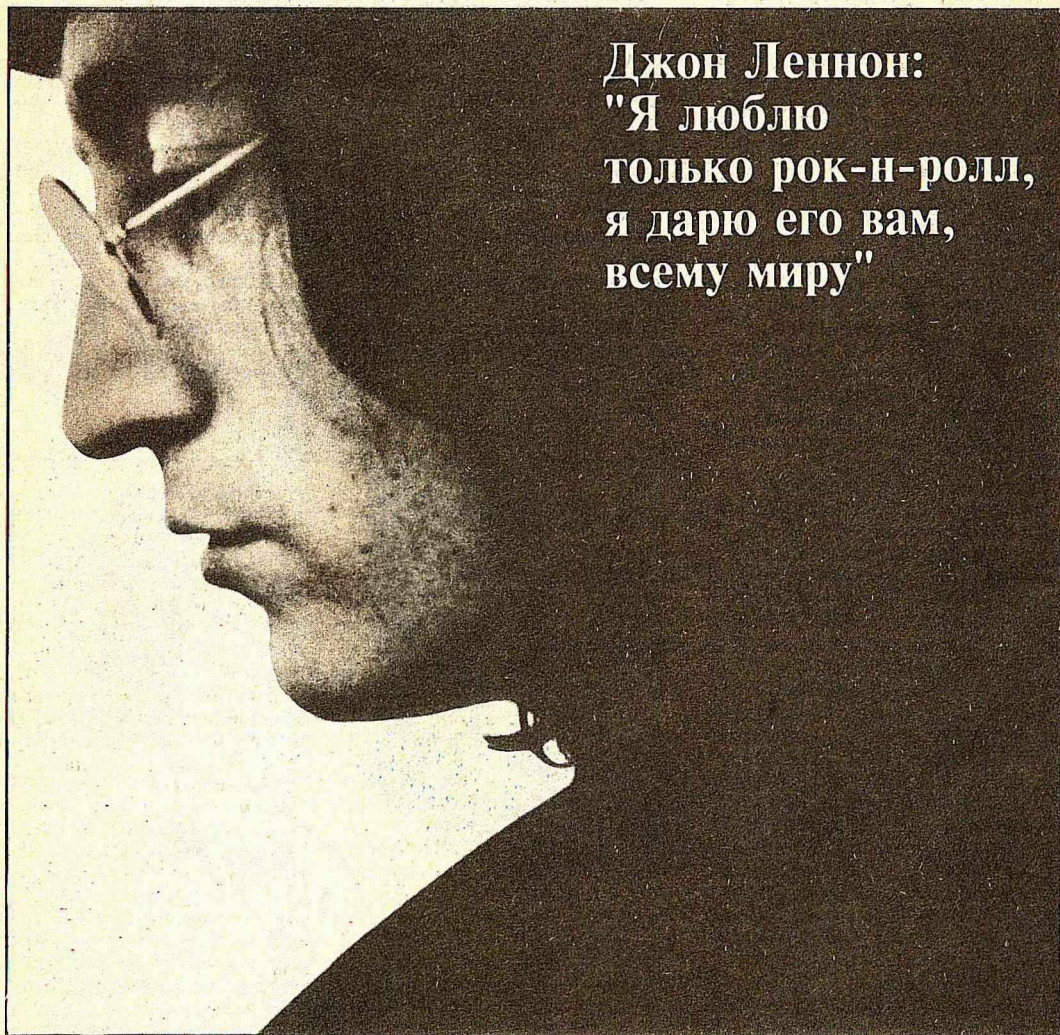
Продолжение следует

18

Если вы хорошо проработали до этого основную программу, дифференцировать болезненные ощущения будет очень просто — ведь признаки болезни практически ушли. Но я рассчитываю и на вашу память, и на

Джон Леннон:
"Я люблю
только рок-н-ролл,
я дарю его вам,
всему миру"

— «Битлз» — это ты, Джон?

— Нет, я не «Битлз». Я это я. И Пол не «Битлз», и Брайан Эпстайн не был «Битлз». Дик Джеймс (музыкальный издатель «Битлз». — Пер.) тоже не «Битлз». «Битлз» — это «Битлз». Разделившись, «Битлз» исчезли. Еще до того как присоединиться к нам, Джордж был певцом в составе своей собственной группы. Никто не может сказать, что он — «Битлз». С какой стати? Каждый из нас играл свою собственную роль.

— Попробуем подойти к во-

просу иначе. «Битлз» были очень модной темой, о них говорили и писали — да и сами «Битлз» любили поговорить о себе, о жизни, о музыке, любили. То есть было четыре части, которые составляли одно целое — «Битлз». И что же с этими частями стало?

— Они вспомнили, что когда-то были просто людьми. Видишь ли, мы тоже верим в миф о «Битлз». Хотя не уверен, что парни по-прежнему убеждены в его честности. Я — да. В конце концов мы были обыкновен-

ными мальчишками... Познакомившись с Полом, я просто спросил его: «Хочешь играть в моей группе?» Потом пришел Джордж, потом Ринго. Мы были просто группой, которой удалось прославиться, вот и все. Свою лучшую пластинку мы так и не записали.

— Почему?

— Потому что мы были исполнителями — неважно, что по этому поводу говорит Мик (Джеггер. — Пер.), — развлекавшими Ливерпуль, Гамбург и всевозможные танцевальные

залы в иных точках глобуса. Мы были динамо-машиной, которая вырабатывала фантастический рок, честный, прямой, искренний рок — нас называли гордостью Британии, но то, что происходило в Британии, нас совершенно не интересовало. Потом мы прославились, но слава не изменила нас. Мы такие же, как и в самом начале.

Брайан нарядил нас в костюмчики, и все такое, а мы, чёрт побери, летели в гору. Думаешь, без костюмчиков «Битлз» были бы не «Битлз»? Черта с два! Тошно то, что мы продались. Музыка сохла еще до того, как мы отправились в первое свое турне. Мы ощущали себя полным дерьмом — вместо часа или двух на сцене нам пришлось сократить программу до двадцати минут... одни и те же двадцать минут каждый вечер... каждый вечер. Это же можно рехнуться!

Как музыканты, мы были покойниками с самого начала. Поэтому мы не сумели вырасти музыкально: чтобы пробиться наверх, нам пришлось совершить музыкальное самоубийство. «Битлз» были очень плохими музыкантами. На том, и с тем, мы и кончили.

— Я бы очень хотел поговорить с тобой о Поле. Знаю, что ты был на его концерте в Сан-Франциско, слышал, как его группа играет «Let It Be»... Было очень паскудно?

— Неверное слово. Было просто очень грустно. Пол сделал режиссуру под Пола. Нельзя думать только о себе прекрасном, рядом с тобой тоже живые люди. Это одна из причин распада «Битлз». Мне трудно говорить с Джорджем, но я, черт возьми, убежден, что он чувствует то же самое: мы оба были сейшменами Пола.

Все началось после смерти Брайана. Если сравнивать с кино, то можно сказать, что камера сосредоточилась исключительно на Поле, остальные просто не существовали. Во всяком случае, таковы мои ощущения.

— С какого момента надо вести отсчет начала распада «Битлз»?

— Со смерти Брайана. Пол решил, что управлять группой должен он, и повел нас куда-то. Куда, мать его? Мы ходили по одному и тому же кругу! — и распались в действительности именно тогда. Дезинтеграция,

мать его, вот как это называется.

— Когда ты впервые понял, что «Битлз» обречены? Когда появилась эта мысль?

— Вот уж не помню. Я жил собственной болью. Все остальное меня не сильно занимало. У каждого своя работа, я делал свою.

— Смерть Брайана была для тебя потрясением?

— Естественно, как смерть любого близкого человека. И, знаешь, такая гаденкая мысль: слава Богу, не я, ура, ура, не я! Черт его знает, но когда умирает родственник, у меня почему-то эта мысль первая. Не я, и отлично. Интересно, но такая реакция у очень многих моих знакомых. И еще: «Какого черта? И что мне теперь прикажете делать?»

Сразу же стало понятно, что у нас чудовищные проблемы. Знаешь, я никогда не заблуждался на наш счет: мы умеем играть музыку, вот и все. А это довольно страшное признание, слесарь из меня при всем желании не получится, кошмар! В общем, допрыгались, так я тогда думал.

— А когда рухнул великий тандем Леннон — Маккартни?

— Рухнул... Не знаю, году в 1962-м, наверное, не знаю... Дай пластинки, тогда я точно скажу, кто написал эту строчку, кто придумал аккорд. Иногда мы действительно писали вместе. Все лучшие вещи «Битлз» — отбрасывая ранний период, типа «I Want To Hold Your Hand», — были написаны по отдельности, всегда по отдельности. «One After 909» (на «Let It Be». — Пер.) я написал лет в семнадцать... Или в восемнадцать. Мы всегда писали по отдельности, но иногда работали вместе, потому что нам нравился процесс и потому, что можно было просто повеселиться: начинали с одной песенки, а заканчивали двойным альбомом, часа за два, это же кайф! Но прежде всего работа.

— Как бы ты описал реакцию Пола, Джорджа и Ринго на Йоко?

— Одна и та же. Пол много распинался по этому поводу в прессе — раз сто он повторил, что вначале возненавидел Йоко, а потом полюбил. Мне, в общем-то, плевать. Я живу Йоко и для Йоко. И какого черта она должна жрать дерьмо, которое

лзет из этих парней? В фильме «Let It Be» она, видите ли, очень плохо выглядит! А наши красавцы неотразимы! Мой любимый мальчик Пол с нечесанной бородой, в которой застряли пивные пробки, хорош как никогда! Тьфу, идиоты, мальчишки! Джордж, старый идиот, нагрубил ей в конторе «Эппл» — «я честный человек и говорю, все что думаю, прямо в лицо!» Плевать, что ты там думаешь! Побереги такие мыслишки для внуков. Боб Дилан, мать его, туда же... Да, пошли они все. А, между прочим, ни одному из них я до сих пор не съездил по морде... Сам не знаю, почему. Заслужили.

Ринго приличный человек, но эти два... Достали. Никогда не прошу им Йоко. Мыслители, мать их! Харе Кришна, Бог... «Я теперь совсем другой», — орет Пол. Идиот. Но другой. Не прошу... Но никуда не денешься, я по-прежнему люблю этих ослов. Хочется вначале дать в рыло, а потом расцеловать. Люблю я их, гадов.

— А как тебе сегодняшние «Rolling Stones»?

— По-моему, тут больше истерики. Лично я очень люблю «Honky Tonk Women», это их лучшая вещь, но когда Мик начинает косить под педика, мне это не нравится: во-первых, никто не верит, но не дай Бог... Знаю, проходил: таким, как мы, шутить нельзя. Толпа глупа. Это не я, это Клемансо. Мик неплохо зарекомендовал себя в кино, мне нравятся его фильмы. Но все же он в первую очередь понтыриш. Как и я.

— Ты с ним общаешься?

— Очень редко. Последний раз мы напились в компании Аллена (Клайна, менеджера «Битлз» перед распадом группы. — Пер.). Мик, по-моему, изменился... Или виски было слишком много... Я очень люблю Мика и «Rolling Stones», но говорить гадости про «Битлз» не позволю никому... А он, как надерется, за языком не следит. «Rolling Stones» великая группа, но даже их начальнику я не позволю похабить «Битлз». Есть одно место, куда надо засунуть язык. И Мик у тоже. Неплохо было бы взять листок в клетку и через пару месяцев после выхода наших альбомов сравнить, что пишут в прессе. Всякий раз, мать его, «Rolling

Stones» повторяли ходы и феньки «Битлз», они просто имитировали нас! Скажи ему, или один из твоих парней пусть скажет! Это ужасно, но пусть они знают. С кем тягаться вздумали, с «Битлз!» Шенки. Помнишь их альбом «Their Satanic Majesties Request»? Помнишь «We Love You»? Так вот, мы написали дерьмовую «All You Need Is Love», а они передрали ее, не удосужившись избавиться от нашего дерьма! Большой чуши я не слышал.

Бредни по поводу того, что «Rolling Stones» были революционерами в музыке, а «Битлз» — нет, я категорически отвергаю. Если «Rolling Stones» ими были, то и «Битлз» тоже. Но никогда «Rolling Stones» не были группой высшего класса, класса «Битлз». В общем, я ничего не говорил. Мне нравятся их музыка, я люблю их прифранкованность, их стиль не противен. Они имитировали нас, мы распались, им больше некого имитировать, они успокоились, и я люблю их, правда.

Безусловно, Мик переживает, его группе никогда не доплывать до «Битлз», по сравнению с нами он жалкая дешевка. Плюс паренек стареет. Я бы не заострял внимания на старческом маразме, но Мик до сих пор борется с «Битлз». «Битлз» распались сто лет назад, парень! Хватит все мерить по «Битлз!» Нас больше нет. А те, кто хотят делать деньги на идее мира,—Мик, например,—люди из другой обоймы. «Битлз» никогда не спекулировали на этой теме.

— Ты считаешь себя гением?

— Конечно. Если есть такое понятие, как гений, то я, безусловно, он самый.

— А когда ты понял, что твои работы гениальны?

— Люди вроде меня начинают понимать свою исключительность очень рано, лет в восемь, может, в десять... Я всегда недоумевал: «Почему никто не обращает на меня внимания!» В школе учителя понятия не имели, что я талантливее всех! Значит, учителя идиоты? Единственное, что у них было для меня, информация, которая непригодна даже для олигофрена!

Школа едва не убила меня. Помню, я орал на тетюшку: «Ты выкинула мои стихи в помойку,— вот стану знаменитым, пожалуйста!» А она продолжала

расправляться с моими каракулями.

Короче, когда я был мальчишкой, тетка не видела во мне гения и обращалась со мной соответственно, как с идиотом.

Я же все понимал уже тогда. Почему, почему, мать их, меня не сдадут в художественную школу? Почему со мной никто не занимается? Почему им хочется, чтобы я стал таким же бараном-ковбоем, как все остальные? Я же не такой, как они, я никогда не был таким, как они. Неужели никто этого не видит?

Некоторые учителя обращали на меня внимание, поощряли во мне пыл и дар Божий — мои рисунки, оказывается, не такие уж и бездарные, мои стихи — в них что-то есть... было. Эти люди не мешали мне самовыражаться. Более того, они хотели, чтобы я самовыражался. Но, черт возьми, даже они видели во мне только будущего дантиста или слесаря! А потом наши фэны... И критики. «Будь Энгельбертом Хампердинком, будь «битлом», будь, мать его, Полом Маккартни!» Во мне не видели меня, Маккартни — всегда. Но я же Леннон, ЛЕННОН! И никогда мне не быть Маккартни.

— А когда ты первый раз попробовал ЛСД?

— Мы поперлись на вечеринку к приятелю Джорджа. Кстати, он был дантистом... С женами, друзьями... Вот он и выдал каждому по пиллоле, не сказав, что это такое. Зубной врач Джорджа — у Харрисона всегда было поганно с зубами... В общем, подмешал он нам это все в кофе.

— И какие были ощущения?

— Не мог отойти месяца два. Думаешь, раз и все? Черта с два! Водички утром попил и снова «уехал». И так почти два месяца. А второй раз ЛСД нагрнул в Лос-Анджелесе. В доме Дорис Дэй, она устраивала какой-то прием, по-моему, в нашу честь. Во, какие люди нами не брезговали... В общем, было нас вроде трое — я, Джордж и Ринго. Маленький сынок записал. Еще был Нейл Эспинолл и пара ребят из «The Byrds», кто-то Стиллз, кто-то Нэш... Не помню. Да, еще был Кросби, точно! И Макгуин... Кто у них пел? Вот он тоже был.

Потом приперся Питер Фонда. Он все время приговаривал: «Я знаю, что такое быть

мертвым». (Позже эту фразу Леннон обыграл в альбоме «Revolver», 1966 год.— Пер.) Грустная приговорка, вроде «когда я был малыш»... А вообще от этого дела лезут какие-то нереализованные детские воспоминания.

— Значит, знакомство с ЛСД датировано 1964 годом. И как долго ты им увлекался?

— Долго. «Путешествовал» раз... тысячу.

— Действительно тысячу, или несколько сот раз?

— Тысячу. Бывали месяцы, когда я ничего не ел, кроме ЛСД.

— Другие «битлы» не сидели так крепко в ЛСД?

— Джордж сидел. У него это началось в Лос-Анджелесе. Пол к нам не присоединился, испугался. Увидел эффект: вроде бы мы есть, но не здесь, не с ним, далеко. На самом деле он все время был у нас на глазах, мы не теряли его... Есть было невозможно, не лезла пища в глотку. Мы, как идиоты, разбрасывали еду по полу, слуги смотрели на нас во все глаза: «Битлз», оказывается, еще большие идиоты, чем пищут! А потом и Пол к нам присоединился.

Джордж очень крепко сел на «колеса». Честно говоря, помогло, больше всех из «Битлз» пострадали мы с Харрисоном. Ринго честно пил горькую. Самым стабильным оказался Пол.

— Может, прямолинейный?

— Я не говорил этого. Стабильным, вот мое слово. Пол был стабильным. Про прямолинейность я ничего не знаю. Удар ЛСД для него был бы нокаутом. И для Ринго тоже. Они пробова-вали, но, наверное, потом пожалели.

— А неудачные «поездки» были?

— Сотни. Тысячи. Я и «завязал», потому что понял: еще один «бэд дрим», и я этого не переживу. Очень страшно.

— То есть ты попросту испугался?

— Наверное. Одним словом, я вышел из ЛСД, но потом снова вошел... Это было еще до знакомства с Йоко. Мое возвращение к ЛСД. Это было как бы послание свыше... Что я должен уничтожить свое эго. Чем и занимался. Успешно. На самом деле таким образом я пытался выбраться из учения Махариши (Махариши — индийский йог,

с которым «Битлз» медитировали после смерти Эпстайна.— (Пер.) За пару лет, постепенно, я убил в себе личность. Леннон перестал быть Ленноном.

Я уже не верил, что способен на что-то в искусстве. Превратился в ничто. В кусок дерьма. А потом Дерек (Тейлор, председатель совета директоров фирмы «Эппл».— (Пер.) снова накачал меня ЛСД у себя дома. Мы целую ночь слушали альбомы «Битлз», и он орал как ненормальный, что мои слова гениальны, что я все делаю правильно, а раз так, какого черта бояться наркотиков. Убеждал, в общем.

Через неделю я притащился к Дереку с Йоко — мы снова отравились на «путешествие», и Йоко убедила меня, что я — это я и не надо паниковать. Тогда-то во мне и проснулось желание сразиться за себя, меня уже все списали со всех счетов. Я снова бросился к журналистам, снова стал паясничать, — заявил о себе: Леннон жив, мать вашу! Я был готов к великой битве, я мог все! Пошли все к... матери, я Джон Леннон, я еще не на пенсии, я делаю то, что я хочу, и хочу то, чего хочет Бог! Вот моя жизненная позиция.

— Вернемся немного назад — где-то между альбомами «Help!» и «Hard Day's Night» ты начал принимать наркотики, и большинство твоих песен так или иначе оказались наркопеснями...

— «Hard Day's Night» был полностью написан на пилюлях. Причем на очень «крутых» пилюлях, рядом с ними мариуана покажется папиросками для бойскаутов. И, вообще, я начал увлекаться всякой гадостью лет так в пятнадцать... нет, в семнадцать, когда стал музыкантом. Единственным способом выжить в Гамбурге — мы играли каждый вечер по восемь часов, — были таблетки. И приносили их девочки-официантки, таблетки и выпивку. А пить я начал еще в школе! Уже в школе я был, мать ее, алкоголиком! Во время записи «Help!» мы начали пробовать сигаретки с марихуаной. Было так здорово, что мы даже перестали пить виски и русскую водку. Для того чтобы выжить, необходимы наркотики, мне, во всяком случае. Другим тоже, но я жрал их больше всех — больше таблеток, больше «косячков»... Может, я просто более сумасшедший.

— Как ЛСД повлиял на твою музыку? И повлиял ли?

— Еще одно зеркало. Чудом я бы это не назвал. Это очень визуальная вещь, и еще терапия — каждый раз видишь себя со стороны. Примерно так, я не помню. Но музыку эта штука не пишет. Музыку пишу я, потом, после этого всего, но я, только я, Джон Леннон. Неважно, чего я наглотался, «кислотки» или воды, но музыку пишу я.

— Ты сильный?

— Нет, я слабый. Я полностью завишу от Йоко... Мужчина не может быть сильным. Сила — это признак женского начала. И я рад, что слаб. В этом я честен. Моя жена изначально видит во мне мою ущербность, ущербность по половому признаку. Мужчина, значит, слабак, это честно. Я не виноват, что у меня нет пышной груди, я бы не отказался. Грудь — это женщина. Глупый, ежащийся на диване с похмелья — это мужчина. Таков расклад природы, нам его не переделать. Всегда жена будет пить своего идиота бульоном. А он петь ей свои глупые песни. Закон природы.

— Насколько я знаю, ты пробаловал и героин?

— Очень забавная штука. Но, я никогда не колосля. Нюхал — да, было. И не только я, даже маленький сынок, когда у нас были проблемы с творчеством, когда было больно, по-настоящему больно. Со всех сторон в «Битлз» летели куски дерьма, во всех «битлз», но прежде всего в Йоко. Мы стали принимать героин только потому, что «Битлз» сделались невыносимы, все вдруг стали врагами. Но мы не злоупотребляли.

— В Торонто ты заявил, что рок нуждается в возрождении, ты сказал, что голос поклонения был мычанием немого?

— Меня не стали слушать. Мне стыдно, это в духе Боба Дилана, ему можно нести подобные глупости.

— Ты по-прежнему не нервничаешь перед концертами?

— Всегда нервничаю, но это издержки профессии, публика не должна знать, что Джон Леннон намочил штанишки перед концертом, — ее, публики, это не касается, она должна рукоплескать, это ее профессия. Хотя мне надоели концерты, похоже, я разлюбил людей, и мне больше не хочется играть для них.

— А какую музыку Джон Ленон предпочитает как слушатель?

— Майлза Дэвиса... Рядом с ним все мы жалкие убогодки. Люблю рок-н-ролл — Дэвис отдельно, рок-н-ролл отдельно, их и люблю.

— А почему рок-н-ролл?

— Потому что это единственная музыка, вдохновляющая меня писать мою музыку. Музыка максимальной концептуальности. Забудьте о всяких группах, забудьте «Битлз», Боба Дилана, «Rolling Stones», — выше старика Хукера природа ничего не избрела. Рок-н-ролл в блюзе, блюз в рок-н-ролле — вершина пирамиды. И не надо говорить, что эту кашу мы уже ели. Может, и ели, только руками, а старик Хукер принес ложку. Может, будем людьми? Для разнообразия. Скоты уже надоели. А может, любовь к рок-н-роллу, это стариковское: после тридцати уже приемлемо любить классику. И немного — по вечерам, раз в месяц, «Битлз»?

— Есть ли будущее у рок-н-ролла? И какое?

— Все зависит от нас. Если мы захотим сделать из него разновидность интеллектуального дерьма, что ж, все в наших руках, значит, создадим дерьмо в стиле рок-н-ролл. Если же нам нужен настоящий рок-н-ролл, то опять же все зависит только от нас — для этого достаточно прекратить разговоры о революционаризме, авангардизме, — завяжем с истерикой и прекратим мерить рок-н-ролл по длине волос. Когда мы все это выбросим, в остатке получим чистый рок-н-ролл. И еще надо убрать обнаглевших критиков: некоторые уверены, что рок-н-ролл — это они. Это нелегко, но нам надо перейти этот Рубикон. Для этого достаточно подстричься, всего-то навсего. Надо оглянуться и посмотреть, кто действительно пишет музыку, а кто вешает нам лапшу на уши, кто человек, а кто — делальщик дерьма. Рок-н-ролл будет таким, каким мы захотим.

— Почему эта музыка так много значит для людей, как ты думаешь?

— Потому что лучшие произведения рока ужасно прими-

тивны, а примитивизм, по моему, означает отсутствие дерьма. Рок-н-ролл стучится прямо тебе в сердце, ко мне в душу, он как весна в пятнадцать лет: помнишь, эти запахи и ароматы? Рок-н-ролл — это вечная весна, это вечно пятнадцать лет. Таким он должен быть... Может, он и испортился, наш любимый рок-н-ролл, может, — он был единственной реальностью тогда, когда все остальное было нереально, он был тем самым ДОБРОМ, которому в старых сказках противопоставляли зло, он был реальностью, которая лезла в тебя вопреки всему остальному, что тогда почиталось реальностью. Джон Кеннеди мертв, мертвее не бывает, но плевать я хотел на тещку, а вот умершая Мэрилин меня угнетает куда больше: политики приходят и уходят, а такие люди бывают раз... в жизни. И неважно, что я говорю о Мэрилин... в этом нет ничего сексуального. В конечном итоге рок-н-ролл хорош тем, что в нем ты узнаешь себя, а это значит, рок-н-ролл — искусство. Читатели, слушатели, зрители, мать их, — они первые и главные ценители искусства. О'кей. Если это реальность, в ней заложена простота, а если это простота, значит, это истинно. Высшая истина в простоте. Что-то в этом роде.

— Ты еще и гитарист — как высоко ты себя ценишь как гитариста?

— Сразу и не скажешь. Все зависит от того, в какой лиге ты играешь. Наверное, не самый поганый, хотя технически я — ничтожество. Заставить инструмент реветь, вить — могу. На самом деле я очень стесняюсь своей манеры, техника — неуместное слово. Я так и не вырос как гитарист, но моя гитара умеет разговаривать.

Есть пара парней... Ричи Хэйвенс... или Ричи Вейленс... Ну, неважно, один из них играл очень странным боем — я говорю, сейчас о ритм-гитаре. Я? Я был ритм-гитаристом, — может, играл я плохо, но вокруг меня играла группа, я заставлял ее играть. Это очень важная профессия, ритм-гитарист.

— А как ты оценишь Джорджа?

— Выше среднего уровня. Но я играю лучше, честно. Как я уже говорил, моя гитара умеет разговаривать, Джорджу еще надо учиться.

Как-то раз один из этих Ричи сыграл на своем концерте нашу «Strawberry Fields». Это был фанк в чистом виде — парень жал один и тот же аккорд, но варировал его в тональности, — очень здорово, мне понравилось. Что-то джазовое получилось из ничего. У нас есть одна вещь, на которой можно было бы сделать джаз, это «From Me To You».

Как гитарист я не состоялся, первым человеком, который честно сказал мне об этом, была Йоко. Все предельно просто, кто-то во мне говорит: «Все о'кей, ты умеешь играть», но тот, другой, сомневается: «Если ты не чувствуешь в себе Би Би Кинга, не берись за гитару». Второй прав. Но, в конце концов, я музыкант, и если мне сегодня вручат саксофон, послезавтра я буду давать уроки игры на нем, потому что я музыкант, это моя работа.

— Ты говорил, что любишь Лондон — представляешь себя в этом городе?

— Я хотел бы раствориться в нем... нет, слиться с Лондоном. Нью-Йорк утомляет меня. Нет, я люблю его, но он очень навязчивый. Монстр, который очаровывает и сжирает живьем. Это Нью-Йорк.

— А планы на будущее?

— Их нет. Как можно загадывать даже на пару часов вперед? Ты что будешь делать через пять минут?

— Поеду домой.

— А вот и нет! Мы будем с тобой пить два дня! Знал ты об этом утром? Скорректировал свои планы? Нет. А ты хочешь, чтобы я расписал тебе следующий год... А пить будем.

— Хорошо... А себя в возрасте 64 лет ты можешь представить?

— Нет, не доживу. Надеюсь кончить дни свои где-нибудь в Ирландии — два дряхлых «крейзи», я и Йоко, по нам местные чокнутые будут сверять свои внутренние часы.

Интервью взял Джейн Уэннер, главный редактор «Роллинг Стоун»

Перевод Сергея Кастальского

John & Yoko

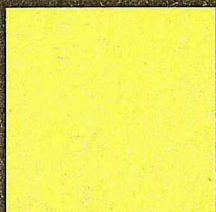

FOTO ANNIE LEBOVITZ

Рекламный информационно-справочный каталог

Larics

ПРЕДПРИЯТИЯ

ТОВАРЫ

УСЛУГИ

0218-5

Приглашаем заинтересованные организации и частных лиц к сотрудничеству по реализации каталога.

Оптовым покупателям предоставляется значительная скидка.

**Уникальная база данных,
достоверная информация,
современный дизайн.**

Межрегиональный центр
коммерческой
информации "ЛАРИКС"
(095) 588 59 48,
285 89 37, 519 23 71.